

ISSN 2221-3260

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 5 2012

www.theoreticaleconomy.info

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-42625 от 11 ноября 2010 г.

Учредитель журнала:

Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Водомеров Н.К. (Химки, Россия)

Кальсин А.Е. (Ярославль, Россия)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Филипенко А.С. (Киев, Украина)

Усик Н.И. (Санкт-Петербург, Россия)

Туманов Д.В. (Ярославль, Россия)

Ответственный секретарь

Ананьев А.А. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.info

e-mail: vagordeev@rambler.ru

Содержание

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Ещё шаг в развитии теоретической экономики 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Юдина Т.Н. Правда как клеточка гармоничной, самодостаточной хозяйственной системы – домостроительства 8

Родина Г.А. Структура теоретической экономики: эволюция взглядов 26

Лемещенко П.С. Политическая экономия кризиса 37

Сысоев С.А. К выработке системы показателей оценки социального капитала 51

Руденков И.А. Теоретические основы экономической политики государства в контексте глобального экономического кризиса 67

МОДЕРНИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Байнев В.Ф. Неоиндустриализация и нравственное измерение экономики – ключевые факторы глобальной конкурентоспособности Союзного государства Беларуси и России 84

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЯРОСЛАВЛЕ

Толокина Е.Л. Свободное время в системе категорий теоретической экономики 94

Слепцова В.П. О трансформации социально-трудовых отношений в России 101

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Гордеев А.А. Учет уроков индустриализации в СССР как фактор успешности новой индустриализации в России 110

Ермакова А.Ю. Современные противоречия процесса глобализации и ТНК 119

РЕЦЕНЗИИ

Корняков В.И. Рецензия на монографию У.Ж. Алиева «Предмет и метод теоретической экономики (Основы предметоведения)» 127

Гордеев В.А., Фомина Э.Г. Рецензия на монографию М.В. Гилилова «Стимулирование инновационной активности предприятий» 133

Гордеев В.А. Рецензия на монографию Н.В. Ключковой, А.А. Никольской «Инновационная активность высших учебных заведений» 135

ЕЩЁ ШАГ В РАЗВИТИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. Ярославский государственный технический университет, заведующий кафедрой экономической теории, действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии *Metaepistemia Universum*
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Здравствуйтесь, уважаемый читатель!

Как всегда, точно в установленный срок – 1 сентября – вышел в Интернет и предоставлен Вашему вниманию очередной, пятый (одиннадцатый), номер электронного научно-экономического журнала «The Theoretical Economy». Главное внимание в нем уделено продолжению публикации материалов Международной научной конференции, состоявшейся в Ярославле 6 апреля текущего года и посвященной теме «Теоретическая экономика как научное направление: проблемы развития в современных условиях».

Так, в главной рубрике «Актуальные проблемы теоретической экономики» из пяти материалов три – это доклады на пленарном заседании названной конференции. Первым из них мы публикуем материал «Правда как клеточка гармоничной, самодостаточной хозяйственной системы – домостроительства», с которым выступила на конференции Тамара Николаевна Юдина, доктор экономических наук, действительный член (академик) Академии философии хозяйства, доцент кафедры Стратегического планирования и экономической политики Факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация). Автор делает попытку реконструкции гармоничной, самодостаточной хозяйственной системы – домостроительства – в контексте трудов двух Карлов: К. Маркса (XIX в.) и К. Поланьи (XX в.). Домостроительство, по мнению Т.Н. Юдиной, является и исторической, и современной хозяйственной системой. В этом заключается актуальность проведенного автором уникального, не имеющего прецедента, научного исследования домостроительства и домостроя, у истоков которых стоят античные ученые Ксенофонт и Аристотель, а также Вечная книга – Библия и отечественные мыслители (И.С. Пересветов, И.Т. Посошков, М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, А.П. Сумароков, В.А. Кокорев, Д.И. Менделеев). Правда, доказывает Т.Н. Юдина, является клеточкой гармонической, самодостаточной системы (это также авторское открытие, сделанное благодаря философско-хозяйственному методу анализа).

Второй доклад, материалы которого публикуются в данной рубрике, называется «Структура теоретической экономики: эволюция взглядов». С ним выступила на конференции заместитель главного редактора нашего журнала Галина Алексеевна Родина, доктор экономических наук, профессор, директор филиала в г. Ярославле Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, действительный член Академии философии хозяйства. Её выступление посвящено эволюции теоретической экономики, в которой выделено три этапа. Первый – возникновение классической политической экономии, открывшей эпоху так называемых «великих» обществоведческих теорий. Теория и практика являли собой синкретическое единство, что позволяло исследовать экономику как целое. Второй этап – бифуркация теоретической экономики,

которая привела к обособленному развитию эндотерического и экзотерического подходов. Третий этап – формирование спроса на «великие» экономические теории в результате возникновения на рубеже XX-XXI веков новой экономической реальности.

Третий материал с конференции, публикуемый в этой рубрике, называется «Политическая экономия кризиса». Его представил член редколлегии нашего журнала Петр Сергеевич Лемещенко, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск), действительный член Академии философии хозяйства. В этом материале раскрываются природа, причины и типология мировых экономических кризисов, которые рассматриваются как главные источники структурных изменений хозяйственного развития. Автор анализирует взаимосвязь научно-технических открытий с денежно-кредитной политикой и противоречивой экономической динамикой. В статье отмечается, что капитал как явление порождается кризисом, но в свою очередь в каждом институциональном цикле самоотрицает себя, формируя совершенно новое явление – метакapитал, новые мотивы, цели, формы организации и многое другое, которое создает неопределенность политико-экономической среды, обостряя тем самым противоречия современной экономики и снижая ее движущие силы к устойчивому социально-экономическому развитию. Противоречие индивидуально-коммерческого и социально-нравственного уже выходит с уровня национального и регионального на международный уровень со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Продолжает главную рубрику статья «К выработке системы показателей оценки социального капитала». Ее автор – соискатель ученой степени кандидата экономических наук Сергей Александрович Сысоев – работает на возглавляемой П.С. Лемещенко кафедре теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь). В статье рассмотрена методика оценки уровня социального капитала на метауровне – уровне отдельных стран. В разработанной автором методике используется система статистических показателей, аккумулируемых национальными статистическими службами и международными организациями.

Завершает эту рубрику статья «Теоретические основы экономической политики государства в контексте глобального экономического кризиса». Ее представил Игорь Александрович Руденков, кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь). В статье раскрывается несостоятельность экономических теорий, объединенных «мэйнстримом», как теоретической основы для выработки экономической политики, адекватной сложности проблем современного этапа экономического развития. Показывается влияние господствующей идеологии на методологию науки, обосновывается необходимость ее изменения, предпосылки, направления и препятствия перехода на новую методологическую базу.

В рубрике «Модернизация: теоретико-экономический аспект» публикуется в данном номере материал с ярославской конференции, который называется «Неоиндустриализация и нравственное измерение экономики – ключевые факторы глобальной конкурентоспособности Союзного государства Беларуси и России». Его автор – Валерий Федорович Байнев, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Белорусского государственного университета, член консультативного совета Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь). В этом материале показано, что в условиях глобализации основой конкурентоспособности выступают интеграционная доктрина развития и новая индустриальная политика. Обеспечение глобальной конкурентоспособности Беларуси и России, считает и доказывает автор, объективно потребует отказа от навязанного нам индивидуалистского конкурентно-рыночного мировоззрения в пользу нашей традиционной коллективистской системы ценностей.

Следующая рубрика – «Международная конференция в Ярославле» – представляет в данном номере два материала с указанной конференции. Первый из них называется «Свободное время в системе категорий теоретической экономики». Его автор – Елена Леонидовна Толокина, доктор экономических наук, профессор Московского государственного педагогического университета. В её материале рассматривается категория «свободное время» и место данной категории в общей системе категорий теоретической экономики. Определяется её центральное положение как основной категории в дефиниции закона экономии времени. Рассматривается вопрос о возможности стимулирования свободным временем вместо материального вознаграждения. Отмечается социальное значение свободного времени в становлении социального государства. Анализируется диффузия рабочего и свободного времени.

Второй материал данной рубрики называется «О трансформации социально-трудовых отношений в России». Его автор – Слепцова Валентина Петровна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов Института экономики и права НОУ ВПО «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)» (г. Ярославль, Российская Федерация). В этом материале рассматриваются становление новых социально-трудовых отношений в пореформенной России, рыночная трансформация основополагающего отношения в сфере труда – отношения между наемными работниками и работодателями, а также некоторые особенности формирующейся российской модели социально-трудовых отношений.

Рубрика «Творчество молодых исследователей» предоставляет Вашему вниманию две публикации. Первая из них – материал с Международной научной конференции в Ярославле. Он называется «Учет уроков индустриализации в СССР как фактор успешности новой индустриализации в России». Автор – Гордеев Артем Анатольевич, аспирант кафедры экономической теории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация) – посвящает свою работу анализу уроков индустриализации, проведенной в СССР в 1920-1930-х годах, как важного, по мнению автора, фактора успешности предстоящей в РФ новой индустриализации. А.А. Гордеев находит объективные общие черты у указанных двух индустриализаций и в то же время отмечает некоторые различия между ними. Отсюда автор делает вывод о степени актуальности советской индустриализации для сегодняшней России.

Второй материал этой же рубрики – статья «Современные противоречия процесса глобализации и ТНК» студентки 5-го курса ФГБОУ ВПО «Государственный морской университет им. адм. Ф.Ф. Ушакова» (г. Новороссийск, Российская Федерация). В данной статье рассматривается роль глобализации в современной экономике. Затрагиваются вопросы о месте ТНК в данном процессе. Описаны факты негативного влияния глобализации на развивающиеся и слаборазвитые страны. Приведена совокупность факторов, противоречащая дальнейшему развитию и существованию глобализации в настоящем виде. Представлены альтернативные сценарии экономического развития в обозримом будущем.

В заключительной рубрике «Рецензии» мы предлагаем Вам три работы. Во-первых, рецензию члена редколлегии нашего журнала, доктора экономических наук, профессора кафедры экономической теории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», действительного члена Академии философии хозяйства Василия Ивановича Корнякова на монографию «Предмет и метод теоретической экономии (Основы предметоведения)». Автор рецензируемой монографии – тоже член редколлегии нашего журнала, тоже доктор экономических наук, тоже профессор и тоже действительный член Академии философии хозяйства Урак Жолмурзаевич Алиев, вице-президент Образовательной корпорации «Туран» (г. Астана, Республика Казахстан) – является, на наш взгляд, крупнейшим разработчиком теоретической экономии, а рецензируемая работа – существенным шагом в развитии этого научного направления.

Во-вторых, публикуем рецензию на монографию М.В. Гилилова «Стимулирование инновационной активности предприятий». Рецензируемая монография отражает содержание диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, которую её автор успешно защитил недавно в Ярославле. Рецензию представили к публикации Гордеев Валерий Александрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», действительный член Академии философии хозяйства (г. Ярославль, Российская Федерация) и Фомина Эльвира Георгиевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация).

В-третьих, предоставляем Вашему вниманию рецензию на монографию Клочковой Н.В., Никольской А.А. «Инновационная активность высших учебных заведений». Рецензируемая книга отражает содержание недавно защищенной в Ярославле диссертации А.А. Никольской на соискание ученой степени кандидата экономических наук и выполненной под научным руководством доктора экономических наук, профессора Н.В. Клочковой (ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина»). Рецензенты – Гордеев Валерий Александрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация) и Бондырева Ирина Борисовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории того же университета, докторант.

Таков краткий обзор содержания пятого (одинадцатого) номера нашего журнала.

Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением,

В.А. Гордеев

ПРАВДА КАК КЛЕТОЧКА ГАРМОНИЧНОЙ, САМОДОСТАТОЧНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ – ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА

Юдина Тамара Николаевна

доктор экономических наук, доцент. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
факультет государственного управления, кафедра стратегического планирования и экономической политики
г. Москва, Российская Федерация. E-mail: orchidflower@list.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструкции гармоничной, самодостаточной хозяйственной системы – домостроительства – в контексте трудов двух Карлов: К. Маркса (XIX в.) и К. Поланьи (XX в.). Домостроительство является и исторической, и современной хозяйственной системой. В этом заключается актуальность проведенного автором уникального, не имеющего прецедента, научного исследования домостроительства и домостроя, у истоков которых стоят античные ученые Ксенофонт и Аристотель, и отечественные мыслители (И.С. Пересветов, И.Т. Посошков, М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, Д.И. Менделеев), одним из главных источников знаний является Вечная книга Библия. Правда является клеточкой гармоничной, самодостаточной системы (это также авторское открытие, сделанное благодаря философско-хозяйственному методу анализа).

Ключевые слова: домострой; правда; экономика; хрематистика; система; богатство

Код УДК: 330.101

Annotation. The author of the article makes an attempt to reconstruct domostroitelstvo as a harmonic, self-sufficient economic system in the context of the works of two Karls: Karl Marx (XIX c.) and Karl Polanyi (XX c.). Domostroitelstvo is both a historical and contemporary economic system. That is why this unique and unprecedented scientific investigation is highly topical nowadays, although it refers to the works of the ancient scholars Xenophon and Aristotle, the Bible and Russian domestic thinkers (I.S. Peresvetov, I.T. Pososhkov, M.V. Lomonosov, V.N. Tatishchev, Mendeleev). Truth is a harmonious cell of a self-contained system (which is also the author's discovery made by the philosophical and economic methods of analysis).

Keywords: domostroy; truth; economy; chrematistics; system; wealth

*Горе тому, кто строит дом свой
неправдою и горницы свои беззаконием,
кто заставляет ближнего своего работать
даром и не отдает ему платы его ...
Иер. 22:13*

Правда является клеточкой только определенного конституирующего хозяйственного организма, гармонического и самодостаточного, исторического и современного. Этим конституирующим хозяйственным организмом является домостроительство. Попытаемся через реконструкцию теории К. Поланьи и К. Маркса открыть экономическую систему – домостроительство – и ее клеточку – правду.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. РЕКОНСТРУКЦИЯ В XX В. К. ПОЛАНЬИ УЧЕНИЯ О ДОМОСТРОЕ («ЭКОНОМИКЕ») АРИСТОТЕЛЯ

По-новому открыл значение учения о «домохозяйстве» Аристотеля для современной экономической науки К. Поланьи. В своей новаторской статье «Аристотель открывает экономику», написанной с институционально-экономических позиций, Поланьи определил вклад древнегреческого ученого в раскрытии «природы экономики», «торговли», «рынка», а также «справедливой цены», т.е. его учения об экономике (домострое) и хрематистике («хремата» – имущество, деньги, «хрематистика» – деланье денег, «хрематистико» – делание оборотов, нажива, обогащение, корысть, прибыль; вообще всякое занятие и всякий промысел, имеющий целью приобретение имущества, денег) [1, с. 1352]. По Аристотелю (с точки зрения К. Поланьи) экономика – «институционализированный процесс, посредством которого обеспечивается материальное существование» [2, с. 33]. Поланьи писал: «Экономика, судя по корню этого слова – нечто, относящееся к домашнему хозяйству, или ойкосу. Это непосредственно отношения лиц, которые составляют естественный институт домашнего хозяйства. Не владения, а родители, потомство и рабы – вот, кто его образует. Технику садоводства, животноводства и все прочие способы производства Аристотель исключал из сферы экономики. Акцент – полностью институциональный и лишь до некоторой степени экологический, обусловил вывод технологии в подчиненную сферу полезных знаний» [там же]. К экономике как общественно-полезной деятельности, естественному виду труда человека по обеспечению себя необходимыми материальными благами Аристотель относил земледелие, рыболовство, охоту, скотоводство и мелкую торговлю. Действительно, прав К. Поланьи, когда пишет об институциональной (рамочной) и экологической природе экономики, т. е. связанной с природой и оберегающей ее. Вышеназванное представление об ойкономикос – домострое – экономике может соответствовать новой экономической теории (теоретической экономии) XXI в.

Важны для современной экономической теории институциональные принципы, определенные Аристотелем. К ним относится, прежде всего, «справедливость», как и у его предшественника Ксенофонта, а также «самодостаточность», «сообщество», «середина». Эти «4 с» Аристотеля напоминают «4 с» российской модели «суверенной экономики»: свобода, современность, справедливость, самостоятельность.

Однако имя Аристотеля стирается из современной экономической теории, фактически – экономикса (теории рыночной экономики), т.к. действительно нет соответствующего вклада этого античного ученого в современный экономический анализ, нацеленный на разъяснение функционирования развитого рыночного механизма. Аристотель знал только определенные начала рынка. К. Поланьи справедливо отметил: «При этом мы согласны с тем, что не стоит ожидать пользы для экономической теории от Первой книги «Политики» и Пятой книги «Никомаховой Этики»... Несмотря на интенсивную торговую деятельность и достаточно развитые методы использования денег в целом история рыночной торговли в Греции во времена Аристотеля еще только начиналась» [там же, с. 13]. Гений Аристотеля позволял в IV в. до н.э. правдиво описать некоторые черты зарождающейся рыночной торговли при ее первом появлении на свет в истории античной греческой цивилизации. Хотя из «Грамматики цивилизаций» Броделя мы знаем, что цивилизации подпитываются друг у друга, «происходит процесс согласия или отказа одной цивилизации заимствовать у другой» [3, с. 60]. Исследование рыночной торговли помогло Аристотелю создать учение о хрематистике. Последнее есть предмет особого анализа, выходящего за рамки нашего исследования. Наши выводы из аристотелевского учения об экономике [4, с. 376-402] для создания новой экономической теории (теоретической экономии) следующие:

- По Аристотелю ойкономикос – домострой – это естественный экономический порядок (хозяйственный строй);

- Институциональный принцип справедливости заложен в живой хозяйственный организм. Требуется в настоящее время разработка теории «справедливой цены» (как особый объект другого научного исследования);
- Домострой – экономика (хозяйство) не приемлет ростовщичества, спекуляций, паразитизма и праздности. Он не отрицает рынок.

Таким образом, вслед за Ксенофонтом Афинским, Аристотель Стагирит развил, во-первых, учение об ойкономикос – домострое - экономике и, во-вторых, создал учение «о хрематистике» (от древнегреческого слова «хрема», что означает «нажива» и «хремата» – запас, включая, прежде всего, спекулятивные, ростовщические деньги). Аристотель пытался предупредить угрозу «маммонизма» (термин С. Н. Булгакова – Т. Ю.) – умножения богатства ростовщическим путем, служение «мамоне». Он осуждал ростовщичество. Аристотель писал: «Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег» [там же, с. 395]. Аристотель «антиприродную» сущность роста денег за счет процента определил следующим образом: «... проценты являются денежными знаками, происшедшими от денежных знаков. Этот род наживы оказывается по преимуществу противным природе» [там же, с. 395]. Учение Аристотеля о домострое и «хрематистике» как «науке о делании денег» (о наживе и запасе, о стремлении к наращиванию «капиты», «мошны», «мамоны» путем наживы, паразитизма, праздности и ростовщичества) вошло в общественное сознание и определило направление экономической мысли, по меньшей мере, на два тысячелетия вперед [5, с. 15-17]. Аристотель в учении об ойкономикос-домострое как общественно-полезном хозяйстве основывал свой экономический и хозяйственный анализ на потребностях и их удовлетворении. Начав с натурального хозяйства, он затем ввел разделение труда, бартер, и как средство преодоления бартера – деньги. Аристотель сурово критиковал смешение богатства и денег. В современном наследии Аристотеля отсутствует теория распределения. Й.А. Шумпетер утверждал, что часть большой экономической литературы, составляющая главное наследие греков в области распределения, была утеряна [6, с. 74].

Современное «пренебрежение» к Аристотелевой «экономике» – домострою К. Поланьи назвал «явлением знаковым». Поланьи писал: «Немного было мыслителей, к чьим идеям по такому широкому кругу вопросов прислушивались бы на протяжении стольких веков, как к идеям Аристотеля. И в то же время его учение о предмете, которому он посвятил особое внимание и который оказался жизненно важным для нашего собственного поколения, а именно – учение об экономике, было воспринято ведущими умами нынешнего времени неадекватно, вплоть до непонимания» [2, с. 11]. Аристотелевское возмущение против взимания процентов, против ростовщичества и надувательства, что в настоящее время называется спекуляциями, вызвали в Европе «озадачивающий взрыв». На Руси – в России на протяжении IX – 80-х гг. XX вв. формировалось негативное отношение к ростовщичеству и спекуляциям. Более того, в соответствии с Основными законами Государства Российского 1903 г. ростовщичество воспринималось как уголовное преступление.

Заслуга Аристотеля для теории домостроя и домостроительства заключается в том, что он, по мнению Карла Поланьи, «поставил во всей своей широте вопрос о месте, занимаемом экономикой в обществе». Вслед за К. Поланьи мы должны углубиться в прошлое для объяснения взглядов Аристотеля на то, что мы называем «экономикой», чтобы понять, что же заставило его отнести добывание денег посредством торговли и справедливую цену к числу главных вопросов «Политики». Идеи Аристотеля как предтечи отечественного домостроя нашли отражение в первых памятниках древнерусской письменности.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. РЕКОНСТРУКЦИЯ АРИСТОТЕЛЕВСКИХ УЧЕНИЙ О ДОМОСТРОЕ И ХРЕМАТИСТИКЕ К. МАРКСОМ В XIX В.

«Политику» Аристотеля в некоторых главах напоминает русский «Домострой» под редакцией Сильвестра. Так, В.В. Колесов писал: «... именно здесь, уже в Первой книге, показано глубокое различие между «экономикой» (наукой о домохозяйстве) и «хромастикой» (хрематистикой – Т.Ю.), т.е. искусством наживать состояние». В.В. Колесов исследовал рассуждения К. Маркса об аристотелевских понятиях – экономика (домострой) и хрематистика – в главе IV «Превращение денег в капитал» I тома «Капитал». Он отмечал: «К. Маркс ссылается на это различие, но о нем забывают все, кто берется судить о средневековых «домостроях», и прежде всего – о русском Домострое. Все эти памятники имеют дело именно с «экономикой», и никакой «теории скопидомства» в них, разумеется, нет» [7, с. 319]. Действительно, очень важную мысль выразил В.В. Колесов, что в русском учении о домострое нет учения о хрематистике, для которой – хрематистики, по определению самого Аристотеля, не существует «границ богатства и собственности». Для хрематистики обращение, торговля – источник богатства. Вся хрематистика построена на деньгах, добытых путем ростовщичества, мошенничества, скопидомства, надувательства. К. Маркс в I т. «Капитала», действительно, не забыл ни Аристотеля, ни его учения об экономике и хрематистике. Маркс писал: «Аристотель противопоставляет хрематистике экономику. Он исходит из экономики. Поскольку последняя представляет собой искусство приобретения, она ограничивается приобретением благ, необходимых для жизни или полезных для дома и государства» [8, с. 163, 175]. Далее Маркс цитировал Аристотеля, противопоставляя хрематистике экономику: «Истинное богатство... состоит из таких потребительных стоимостей; ибо количество собственности этого рода, необходимое для хорошей жизни, не безгранично. Существует, однако, искусство приобретения иного рода, которое обыкновенно и совершенно правильно называется хрематистикой; для последней не существует, по-видимому, границ богатства и собственности. Товарная торговля» (... значит буквально розничная торговля, и Аристотель берет эту форму потому, что в ней решающую роль играет потребительная стоимость) «по природе своей не принадлежит к хрематистике, так как здесь обмен распространяется лишь на предметы, необходимые для них самих» (покупателей и продавцов). Поэтому, говорит Аристотель дальше, – первоначальной формой товарной торговли была меновая торговля, но с ее расширением необходимо возникают деньги. С изобретением денег меновая торговля неизбежно должна была развиваться в... товарную торговлю, а эта последняя, в противоречии с ее первоначальной тенденцией, превратилась в хрематистику, в искусство делать деньги. Хрематистика, далее, отличается от экономики тем, что «для нее обращение есть источник богатства... Вся она построена на деньгах, ибо деньги суть начало и конец этого рода обмена... Поэтому-то и богатство, к которому стремится хрематистика, безгранично. Подобно тому, как безгранично в своем стремлении то искусство, для которого его цель означает не средство, а последнюю конечную цель, так как такое искусство стремится все ближе и ближе подойти к этой цели, – тогда как те искусства, которые преследуют лишь отыскание средства для известной цели, не безграничны, ибо сама цель полагает им границы, – подобно этому и хрематистика не знает границ для своей цели, ее цель есть абсолютное обогащение. Экономика, а не хрематистика, имеет границу..., первая ставит своей целью нечто отличное от самих денег, вторая стремится лишь к их увеличению... Смешение этих двух форм, переходящих одна в другую, дало некоторым авторам повод рассматривать сохранение и увеличение их количества до бесконечности как конечную цель экономики» [там же, с. 163]. Таким образом, К. Маркс явно показал, что, во-первых, под экономикой стали понимать хрематистику в результате «смешения этих двух форм», во-вторых, экономике приписали хрематистические цели и смыслы развития.

К. Маркс вслед за Аристотелем в вышеназванной главе IV «Превращение денег в капитал» первого тома «Капитала» объективно выделяет двоякого рода хрематистику. Двойственный

характер хрематистики, описанный Аристотелем и проанализированный К. Марксом, сближает взгляды античного мыслителя и К. Маркса. Сам Аристотель различал двоякого рода «хрематистику»: одна относится к торговле, другая к экономике; последняя необходима и достойна похвалы, первая основана на обращении, и поэтому справедливо порицается (ибо она покоится не на природе вещей, а на взаимном надувательстве). Таким образом, верно заключает Аристотель, что ростовщичество справедливо ненавидимо всеми, ибо здесь сами деньги являются источником приобретения и употребляются не для того, для чего они были изобретены.

Ярчайшим примером хрематистики является «капиталистическая деятельность» Ротшильдов. Известно, что с 1810 г. семейство Ротшильдов занимается исключительно продажей денег, т.е. $D - D'$, где $D' = D + \Delta D$ [9]. По поводу формулы $D - D'$ К. Маркс писал: «В ростовщическом капитале форма $D - T - D'$ сокращена, крайние пункты соединяются без всякого посредствующего звена: $D - D'$, деньги, обмениваемые на большее количество денег, – форма, противоречащая самой природе денег и потому необъяснима с точки зрения товарообмена» [8. с. 175]. Хрематистика выражается не только в формуле $D - D'$, но и посредством формулы $D - T - D'$, при условии, если товарообмен используется не для удовлетворения реальных общественных потребностей в конкретных товарах, а для спекулятивного обогащения собственников денег, представителей торгового и финансового капитала.

Благодаря реконструкции аристотелевских учений о домострое и хрематистике К. Марксом и К. Поланьи, а также последующему анализу домостроительных (нехрематистических) доктрин в других главах данного исследования можно различать понятия ойкономикос – домострой – экономика и хрематистика (табл. 1).

Таблица 1

Две чистые конституирующие формы хозяйства по Аристотелю – домострой (экономика) и хрематистика: основные отличия

Критерии	Ойкономикос – домострой - экономика	Хрематистика – «финансономика»
I. Клеточка. Доминанта	Правда (истина и справедливость). Доминанта правды	Товар, деньги. Доминанта денег
II. Цель производства. Суть экономики	Производство общественно-полезных благ, истины во благе. Общественно-полезное хозяйство. Народное и государственное хозяйство	Нажива, деньги, делание денег с использованием ростовщичества. Монетарная экономика
III. Политика. Институциональные принципы	Политика принципов. Справедливость, соборность, самодостаточность, самоуправление, нестяжательство (самоограниченность) и др.	Политика интересов. Неэквивалентность, прибыльность, ограниченная рациональность, индивидуализм и др.
IV. Богатство (главное)	Сохранение и размножение российского народа. Невещественное богатство (правда) и вещественное (материальное)	Богатство материальное. «Хрема» (в переводе с древнегреческого) – нажива, хремата-запас, деньги. Деньги-власть.
V. Государство	Происходит от слова государь. Играет патерналистскую роль. Самодержавие как российская государственность.	State. «Ночной сторож», «арбитр» и др. Демократическая республика и др.
VI. Экономическая антропология	Духовно-нравственный человек.	«Экономический человек» по А. Смитю. Homo chrematisticus (Аникин А.В.)

Критерии	Ойкономикос – домострой - экономика	Хрематистика – «финансономика»
VII. Духовное начало	Православие, без ересей	«Протестантский дух» по М. Веберу и др.
VIII. Национальные модели	Экономика русской цивилизации	Западная (англо-саксонская) экономическая цивилизация

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО КАК ВСЕОБЩЕЕ, ОСОБЕННОЕ И ЕДИНИЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)

Исторически домострой как экономический порядок, представляющий собой общественно-полезное хозяйство, основанное на нравственных началах, прежде всего – справедливости, со своей доминантой и архетипом, – феномен, не ограниченный Античной Грецией и Россией – это всеобщее экономическое явление. Домостроительство – это также всеобщая экономическая система. Из первоисточников следует: «Попытки собирания и составления подобного рода житейских указаний и практических правил относительно домостроительства встречаются в самые отдаленные времена и у всех народов. Известны, например, такого рода сочинения в литературе древнеиндийской и классических школ (Экономика Ксенофонта (исправлено Т. Ю.) и Политика Аристотеля и др.); начиная с XIII в. образцы Домостроя встречаются: у итальянцев (заточника в Бари, Елидия Колонна, А. Пандольфини), французов (Жоффруа-де-Латур-Ландри, автор *Menagier de Paris*), немцев (автор *Vridankes bescheidenheit*), чехов (Фома Щитный, Смил Фляшка, Шимон Ломницкий) и др. Несмотря на все, существенные нередко, различия между собой, все эти сочинения представляют подчас много общего, хотя непосредственного заимствования тут, в большинстве случаев, и невозможно предполагать» [10, с. 105-106].

Так, в «Поучении заточника в Бари» – итальянском домострое XIII в. – заложен следующий экономический порядок:

- «Всякое дело, которое предпринимаешь, хорошо начинать во имя Бога»;
- «...по доходу и расходу»;
- «будь честен не изменяй из-за денег»;
- «...если хочешь вести торговлю, то веди ее честно и вежливо» [11, с. 94-95].

Итальянский домострой XIII в. был дополнен в XV в. «Рассуждениями об управлении семьей» Аньоло Пандольфини. Он писал о разделении труда в семье мужского и женского, а также о необходимости разговора мужа с женой об экономии [там же, с. 99]. Таким образом, итальянский домострой XIII-XV вв. позиционируется как духовно-нравственное домашнее хозяйство с четким разделением труда в семье по половому признаку.

Жоффруа-де Латур-Ландри – автор «Парижского хозяина» XV в. – французского домостроя. Во второй части «*Menagier de Paris*» Латур-Ландри писал о необходимости «выяснения ей (женщине – жене – Т. Ю.) материальных, домашних обязанностей, лежащих на ней» [12, с. 102].

Таким образом, перечисление и краткий анализ вышеназванных западноевропейских домостроев XIII – XV вв. позволяет определить их как домашнее (семейное) натуральное хозяйство, связанное с созданием благ, т. е. часть микроэкономики в современном нерыночном понимании. Это своего рода этическая, духовно-нравственная экономика. Действительно, этическая сторона объединяет западноевропейские хозяйственные порядки на уровне части микроэкономики. Семейная экономика – натуральное, общественно-полезное хозяйство, основанное на труде мужчин

и женщин. Она отрицает праздность, паразитизм.

Домострой в России как всеобщее явление – это хозяйственный порядок XV – XVI вв., связанный с натуральным хозяйством семейной общины. М. Вебер в своей работе «История хозяйств» правильно отметил: «В полном цельном виде такая форма хозяйства также нигде не встречается, но осуществляется лишь приблизительно» [13, с. 8]. Специфику домостроя как натурального семейного хозяйства, а также помещичьего четко определил М. Вебер. Он писал: «Натуральным хозяйством может быть хозяйство, потребности которого удовлетворяются без всякого обмена; так устраивает дело, например, помещик, перелавивший удовлетворение своих нужд на единоличные крестьянские хозяйства; таков же «ойкос» (подчеркнуто Т. Ю.), замкнутое домовое хозяйство; но в чистом виде оно реально всегда было редким исключением. Или оно может оставаться натуральным хозяйством, даже когда прибегают к хозяйственному обмену, но не знают денег» [там же].

Исследование западноевропейских домостроев и русского домостроя XIII – XVI вв. открывает две его основные черты: во-первых, натуральную основу производства, сопряженную с натуральным продуктообменом (бартером) и даже развивающимися товарно-денежными отношениями и рынком; во-вторых, духовно-нравственную и этическую. Д.Н. Платонов подчеркивает: «Яркий пример учета христианских правил при организации частного хозяйства в России XV – XVI вв. и даже более позднего периода является древнерусский «Домострой». В нем разбирается ситуационное поведение нескольких хозяйственных форм, появившихся на основе семейной экономики. С другой стороны, рассматривается православная подоснова частного домохозяйства как некое «внутреннее хозяйство» его воцерковленной семьи, или ее «духовное строение». Д.Н. Платонов отметил: «Будучи первоосновой в организации хозяйства, православие не только способствовало созданию атмосферы согласия, но и подсказывало предпринимателям те этические правила, которые обеспечивали успех дела» [14, с. 86-87]. Таким образом, на уровне микродомостроительства внутренним стержнем (ядром) домостроя XV – XVII вв. являлось «духовное строение».

В XVIII в. домострой как особый экономический порядок, духовно-хозяйственное строение составлял стержень домостроительства как натурального, полунатурального и оригинального рыночного хозяйства в России, т. е. «самобытной» смешанной экономики. А.П. Сумароков писал:

«Умножаются доходы.

Торги начали цвести,

Тщатся разныхъ странъ народы

Разны вещи къ намъ нести.

Земледелецъ не ленится,

Рукомесленникъ трудится,

Богатеетъ мещанинъ.

Больше дворянинъ не тужить,

Что Отечеству онъ служить.

Онъ его дражайший сынъ» [15, с. 8].

В этих стихах А.П. Сумарокова содержится много экономических смыслов отечественного домостроительства: во-первых, речь идет о развитии земледелия, ремесленничества, торговли в российской экономике; во-вторых, о воспроизводстве «невещественного богатства» «воинством»; в-третьих, о международных экономических связях России; в-четвертых, о приумножении

национального дохода за счет роста «простого продукта».

К «домостроевцам» можно отнести и А.С. Пушкина. Его домостроительство выражено следующими словами в романе в стихах «Евгений Онегин»:

«И был глубокий эконоом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет» [16, с. 9].

Действительно, «простой продукт» – это результат общественно-полезного воспроизводства благ – домостроительства. Это – то, что служит удовлетворению материальных потребностей людей. Экономика «пушкинской России» (предреформенное хозяйство Российской империи до отмены крепостного права) была еще домостроем с преобладанием натурального и полунатурального хозяйства, самобытных рыночных устоев, когда на уровне макроэкономики хозяином экономического пространства (Земли Русской) был царь, а помещики и «заводчики» – на уровне микроэкономики. Исторически первичная форма экономики России – натуральное, или патриархальное хозяйство – традиционная экономика, в которой производство и потребление соединены непосредственно без распределения и обмена, а координация хозяйственной деятельности осуществляется на базе сформировавшихся хозяйственных традиций (общины, артели и др.) и внеэкономического (юридического) принуждения к труду – сочетается с рыночной и трансформируется в рыночную экономику. М.И. Туган-Барановский подчеркивал, что пока в России было крепостное право, его хозяйство было самобытным; после его отмены экономика Российской империи стала обычной европейской. Натуральное хозяйство трансформируется в рыночную экономику, или товарно-денежное хозяйство, в которой связь между производством и потреблением как координация хозяйственной деятельности осуществляется посредством обмена (купли-продажи) товаров и услуг на рынке в условиях конкуренции.

Еще Ф. Энгельс в своей работе «Юридический социализм» писал, что при феодализме и экономические, и в целом общественные отношения «будучи санкционированы церковью, считались созданием церкви и догмы» [17, с. 496]. Церковь «конституировала» экономическую систему. Ф. Энгельс конкретизировал, что «церковь с ее феодальным землевладением являлась реальной связью между различными странами; своей феодальной организацией церковь давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах... Церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия – все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви» [там же, с. 495]. Далее соратник К. Маркса объективно заключал, что «догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона» [18, с. 360]. В частности, вся система хозяйства на Руси – в России, т. е. домостроительства, в принципе была проникнута Заповедями Господними: не укради, не убий, не лжесвидетельствуй и другими. Исповедь за экономические преступления была институционализована в российском обществе [19, с. 194-202]. Они пропитывали социо-культурно-производственные отношения, определяли институциональные принципы домостроя, само домостроительство в России.

Экономическая система России (в данном исследовании домостроительство – всеобщее, особенное и уникальное явление), как и любой другой страны, – сложный продукт взаимодействия и взаимообусловленности общеэкономических, общемировых, религиозных и страновых экономических

порядков, процессов и явлений в контексте с эволюцией цивилизационных основ общества. Стержнем цивилизации может являться экономическая (хозяйственная) система как сложная нелинейная динамическая организация (согласно синергетике), функционирующая по собственным законам и взаимодействующая с внешней средой. Любая экономическая система как целостное структурное образование и даже более – живой хозяйственный социо-культурный организм – характеризуется едиными интересами, принципами, общей целью, стратегией и тактикой поведения в достижении цели. Можно исследовать и экономическую (хозяйственную) цивилизацию как пространственно-временную организацию хозяйственного организма, культуру хозяйства. Экономическая цивилизация:

- во-первых, обеспечивает оптимальные условия для развития системы определенных технологий, в целом технологических укладов;
- во-вторых, как правильно отметил Вальтер Ойкен в своей работе «Основы национальной экономии», институциональные факторы: правовые нормы, традиции, обычаи, неформальные правила жизни и др. – влияют на ее формирование и развитие.

Эту мысль В. Ойкена подкрепляет Ю.Я. Ольсевич. Он пишет: «Роль этнических традиций здесь состоит в том, что они в длительном плане воздействуют на структуру хозяйственного механизма, этнические традиции разных стран предоставляют в распоряжение хозяйственной системы различный арсенал выработанных историей, воспитанных навыков поведения» [20, с. 14]. Ольсевич определил, что «... первый и главный принцип жизнестойкости всякой общественной, в том числе экономической системы – ее соответствие природным основам человеческой психологии и вековым традициям этноса... этот принцип должен оставаться неизменным вектором ее развития» [21, с. 13]. Еще Ф. Иодль, профессор Пражского университета, в работе «Этика и политическая экономия» писал: «В наше время вообще не подлежит сомнению, что те выражения культурной жизни, которые мы обозначаем словами: нравственность, право и народное хозяйство (подчеркнуто – Т.Ю.), представляют собою одно тесное целое, части которого находятся между собой во взаимоотношении и в действительности ни на минуту не существуют раздельно друг от друга» [там же, с. 1]. Таким образом, домостроительство является совокупностью не просто производственных (экономических) отношений, а социо-культурно-экономических (Ф. Иодль, Л. Brentano, М. Вебер, В. Кульков и др.). Экономика и экономия имеют этические основы [22]. Это А. Смит их «развел» в своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.), оставив «экономические отношения» и «экономического человека», на самом деле «*homo chrematisticus*» [23, с. 26]. Однако, экономистам известна более ранняя работа А. Смита «Теория нравственных чувств» (1759 г.) [24]. Более того, А. Смит не касался в своих работах экономической системы, называемой домостроительством. Он стал у истоков исследования рыночной экономики в западной вариации, хрематистика и домостроительство «исчезли» как понятия из классической буржуазной политической экономии, положившей начало современной экономической науке. Но сами исторические системы: домостроительство и хрематистика – остались. На самом деле именно в эпоху капитализма, расцвета товарно-денежных отношений, рыночной хозяйственной системы, хрематистика, по сути, становится финансовым капитализмом, где господствует ростовщический капитал. Действительно, следует различать промышленный капитализм [25, с. 3-217] и финансовый капитализм, «империализм» [26, с. 218-415]. Расцвет хрематистики в мировой экономике связан с эпохой империализма. До империалистической стадии развития капитализма фактически в той или иной мере доминировало домостроительство как историческая самодостаточная экономическая система в России. В эпоху империализма верх берет хрематистика, когда снимаются границы «делания денег», господствует финансовый, а также ростовщический капитал над промышленным. История экономики и экономической мысли дает пример господства хрематистики в более ранний исторический период. Он связан с хозяйством Византийской империи, с феноменом «византийского капитализма». Еще Л. Brentano, исследуя капиталистическое производство Византии, утверждал:

«Ростовщичество... как ранняя форма капиталистического строя претерпело серьезные изменения. Спекуляция на повышении ценностей распространялась почти на все, что только могло быть объектом купли-продажи» [27, с. 38]. Он писал: «Мы встречаемся с капиталистическим производством товаров на фабриках и с капиталистическим рабовладельческим хозяйством» [там же].

Исследованию народного хозяйства Византийской империи, начатое на западе Финлеем и Герцбергом, продолженное Brentano, нуждается в дальнейшем анализе. Именно народное хозяйство Византии дает своеобразный пример домостроительства, павшего главным образом под воздействием ростовщического капитала (например, венецианских) купцов, в целом, под «тяжестью хрематистики» и «апостасии» народа Византии. В данном исследовании мы лишь опираемся на историко-экономическое исследование падения домостроительства, монархической власти в Византийской империи в 1453 г., проведенные Финлеем, Герцбергом, Brentano.

В предисловии к труду Л. Brentano «Народное хозяйство Византии» И.С. Плотников писал: «Идея твердой монархической власти в Византии и сильное влияние духовенства были теми элементами, с которыми особенно не могли помириться французские просветители XVIII века. Никогда серьезно не занимаясь византийской историей, но видя лишь ее внешнюю, временами чисто анекдотическую сторону, лучшие умы XVIII века давали суровые отзывы о средневековой греческой империи. Такое отношение к ней мы находим у Вольтера, Монтескье и знаменитого английского историка Гиббона. Только греческая революция начала XIX века вызвала интерес к истории этой страны после падения античного мира» [там же, с. 28]. Из исследования Л. Brentano очевидно, что даже французские энциклопедисты оказались в плену невежества относительно домостроительства в Византии.

Исторические примеры показывают, что домострой и домостроительство – всеобщие экономические феномены. Это экономики Византийской империи (V-XV вв.), таких западноевропейских стран XIII-XV вв., как: Италия, Франция, Чехия, а также Россия. Действительно, домостроительство – сложная, нелинейная, историческая, «конституирующая» (как основополагающая, над которой располагаются другие экономические системы, рассмотренные либо с формационной, либо с цивилизационной точки зрения) социо-культурно-хозяйственная система, в зависимости от той или иной общественной формы национальной экономики, цивилизации представляющая собой общественно-полезное хозяйство, реализующееся в различных общественно-экономических формациях и технологических укладах.

Можно выделить различные критерии домостроительства как всеобщей экономической системы:

- во-первых, предметообразующие, т.е. социо-культурно-экономические отношения и институты, в частности, отношения собственности и права собственности, а также его доминанта, клеточка «правда» как «справедливость» [28, с. 31-33];
- во-вторых, социально-экономические критерии, отражающие способы соединения людей-субъектов с объектами хозяйства на всех четырех фазах воспроизводства: производства, распределения, обмена и потребления. Этот критерий отражает тип (форму) собственности, т.е. механизмы и способы соединения людей со средствами производства (и/или факторами производства), и ступени технологического развития или стадии производства (доиндустриальная, индустриальная), а также социо-культурный фактор, «культурно-институциональный потенциал народа» [14, с. 83]. Последний влияет на экономическое развитие в течение длительного периода [29, с. 21-36];
- в-третьих, существуют объемные и динамические критерии, отражающие сложность и изменчивость экономической системы. Этот критерий позволяет выделить «чистоту» системы и ее смешанный характер, а также стационарные и исторически изменяющиеся

системы. Однако не только «русское крепостничество с рынком» определяет уникальность феномена отечественного домостроительства. На наш взгляд, более важный элемент уникальности национальной экономической системы России – это «духовное строение» традиционного (патриархального) хозяйственного уклада, который сформировался в XVI – XVII вв., когда одной из главных функций экономики Московского царства – домостроительства – было христианское воспитание людей согласно Судебнику 1550 г. По Д. Н. Платонову «русская морфология хозяйства XV – XVII вв. (время азиатского способа производства в России – Т. Ю.) родилась в условиях свободы самоорганизации, свободы «ограниченной» только ценностями духовной культуры русского народа» [там же, с. 103].

Следующей чертой самобытности, хозяйственного строя (домостроя) и экономической системы (домостроительства) в России являлось строительство народного и государственного хозяйства и их сочетание. Даже С. Ю. Витте свое учебное пособие по экономике начала XX в. называет так: «Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве...» [30].

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО КАК СМЕШАННАЯ ЭКОНОМИКА

В.М. Кульков точно определяет, что «в случае соединения и переплетения различных форм хозяйствования, формационных образований, цивилизационных систем, а также более сложных сочетаний разных элементов системы можно говорить о смешанных экономических системах (смешанной экономике)» [28, с. 38]. Смешанные экономические системы существовали в различных исторических эпохах, они функционируют и в настоящее время. Во все времена и для всех смешанных экономик характерна гетерогенность (разнородность) входящих в них элементов. В современной экономической теории нет однозначного определения смешанной экономики. Можно согласиться с выделенными В. М. Кульковым основными ее определениями [там же, с. 39]:

- сочетание различных секторов, укладов экономики (частного и государственного), разнообразия форм собственности;
- сочетание рыночного механизма с механизмом государственного регулирования экономики;
- соотношение эффективности и справедливости;
- соотношение экономических и неэкономических начал в структуре живого хозяйственного организма (это характерно особенно для смешанной экономики России).

Несмотря на разные элементы сочетания соотношения, смешанная экономика России является целостной и сложной. В соответствии с вышеперечисленными критериями экономической системы, в том числе домостроительства как всеобщей системы, ее можно анализировать и как особенную, и как уникальную. Смешанная экономика представляет собой «весь комплекс факторов (внутренних и внешних, экономических и неэкономических) и целей ее развития, обусловленная ее особенностями» [там же, с. 41]. Еще С. В. Юшков, анализируя экономику Древней (Киевской) Руси писал: «Сейчас все признают, что в Киевской Руси в IX-X вв. имела место борьба трех укладов (первобытно-общинного (патриархального), патриархально-рабовладельческого и феодального – Т.Ю.)» [31, с. 54]. Генезис домостроительства сквозь призму формационного, цивилизационного, институционально-эволюционного и неоклассического подходов показан в табл. 2 и рис 1.

Элементы смешанного характера экономики Московского царства выделял Л.В. Черепнин. Он отмечал, что натуральное сельское хозяйство крестьянина – общинника сочетается с новыми зародышевыми чертами товарного производства. Черепнин писал: «Итак, можно сказать, что на протяжении XIV – XV вв. получила достаточное развитие крестьянская торговля продуктами земледелия, животноводства и промыслов. Этот вывод не дает права говорить о товарном

производстве в русской деревне рассматриваемого времени, полностью сохранившей свой натурально-хозяйственный облик. Речь в основном может идти лишь о выбрасывании крестьянами на рынок излишков своего земледельческого хозяйства» [32, с. 318].

Таблица 2

**Генезис конституирующей национальной модели хозяйственной системы
Руси-России (КНМХСР), цивилизации, способов производства и
«поверхностных» экономических моделей (ПЭМ)**

Хронологические рамки (условные)	Институционально-эволюционный подход: конституирующая (преимущественно) национальная модель хозяйственной системы Руси-России (КНМХСР)	Марксистский формационный подход: способы производства, общественно-экономические формации	«Мейнстрим», неоклассический подход: «поверхностная» экономическая модель (ПЭМ)	Цивилизационный подход
1991 г. – по настоящее время	«финансономика» хрематистика	капитализм, трансформационный период	рыночная экономика, переходная экономика	нет точного определения
1917 – 1991 гг.	домостроительство с домостроем – экономика	социализм	нерыночная экономика, командная экономика	экономика советской цивилизации
1861 – 1917 гг.		капитализм с элементами социализации	рыночная экономика	экономика русской цивилизации
862 – 1861 гг.		феодализм с элементами социализации и рабства. Азиатский способ производства XV – XVII вв.	традиционная, нерыночная экономика	

Д.Н. Платонов, один из современных основоположников исследования русского домостроя, также определил смешанный характер отечественной экономики. Он пишет: «Становление «рыночного уклада» национальной экономики России XVII в. не стало, как полагают многие исследователи, чем-то вроде экономической революции. Этого не могло случиться, поскольку рыночная ориентация всегда являлась одним из элементов организационно-хозяйственных комплексов домостроевского типа еще в XVI в.» [33, с. 101]. Д.Н. Платонов подчеркивает, что «усиление коммерциализации хозяйственных форм, построенных на традиционной морфеме хозяйства, приводило только к перегруппировке (часто отраслевой) хозяйственного комплекса и рационализации модификаций». «Такой мягкий эволюционный вариант становления русского капитализма, – подчеркивается Платоновым, – происходил в условиях углубления и расширения форм крепостничества» [там же].

Институт крепостничества определяет «уникальность» русского домостроительства как особой смешанной экономической системы. Д.Н. Платонов с позиций истории экономики подчеркивает, что «именно в России к концу XVIII века появились такие формы крепостной зависимости, которые почти ничем не отличались от рабовладения античного типа» [там же, с. 102].

Однако Д.Н. Платонов – автор теории морфем, исследователь начал русской экономической науки – констатирует: «Но торжество крепостничества в России XVIII века явилось историко-экономическим явлением вторичного порядка. Многие крепостные поместья и мануфактуры, построенные по традиционной схеме русского домохозяйства, перешли (не без помощи государства) к работе на внутренний и внешний рынок. Причем русская морфема хозяйства позволила это сделать без особых хозяйственных усилий, а крепостной характер организации «человеческого фактора» позволял усилить организационные возможности экономических комплексов» [там же]. Платонов подчеркивает: «Именно поэтому в конце XVIII в. наблюдался необычайный расцвет русской экономики, которая развивалась как достаточно сложная хозяйственная система, морфема хозяйства которой позволяла использовать «симбиозные» формы организации реального производства, сочетающие крепостничество и рыночные элементы» [там же].

Православие как государственная идеология		Коммунистическая идеология		Отсутствие государственной идеологии	
862 г.	988 г.	1861 г.	1917 г.	1991 г.	2003 г.
- феодализм с элементами рабства, а также социализации (община, артель) - нерыночная экономика - традиционная экономика (патриархальная)		- капитализм - рыночная экономика		- социализм - командная экономика - нерыночная экономика	
				- переходный период - переходная экономика	
				- капитализм - рыночная экономика де-юре - смешанная экономика де-факто	

Рис. 1. 1150-летний «возраст» российского «хозяйственного организма»: формационный, цивилизационный и неоклассический подходы, 1024 года православия как государственной идеологии

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ. ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО КАК ПРОЦЕСС И СИСТЕМА

Историко-экономический анализ позволил представить домостроительство в двух основных смыслах. Во-первых, как процесс, то есть целенаправленное созидание целостной эффективной (с точки зрения самодостаточности, хозяйственной безопасности и конкурентоспособности) системы общественного хозяйства, способной обеспечить гармоничное включение всех членов и ячеек общества в реализацию совместного общежития, хозяйства и труда с учетом неоднородности и разнообразия социума, а также присущих ему социо-культурных традиций. Во-вторых, домостроительство – это самобытная хозяйственная система, «внутренним строем», стержнем которой является домострой. Его принципами являются справедливость, самодостаточность, соборность, нестяжательство. Более конкретные формы реализации домостроя – это вертикальная система управления, непосредственно-общественное производство, домашняя промышленность, артель, община. Историческая среда домостроя представлена двумя конкретными формами: «домостроительно-феодальной», «домостроительно-капиталистической» (см. рис. 2).

Домостроительство всегда, оставаясь смешанной (многоукладной) экономикой, может быть преимущественно нерыночной или рыночной экономической системой. Оно включает «раздаток» (дистрибуцию) как основную подсистему и рынок – как вспомогательную и наоборот.

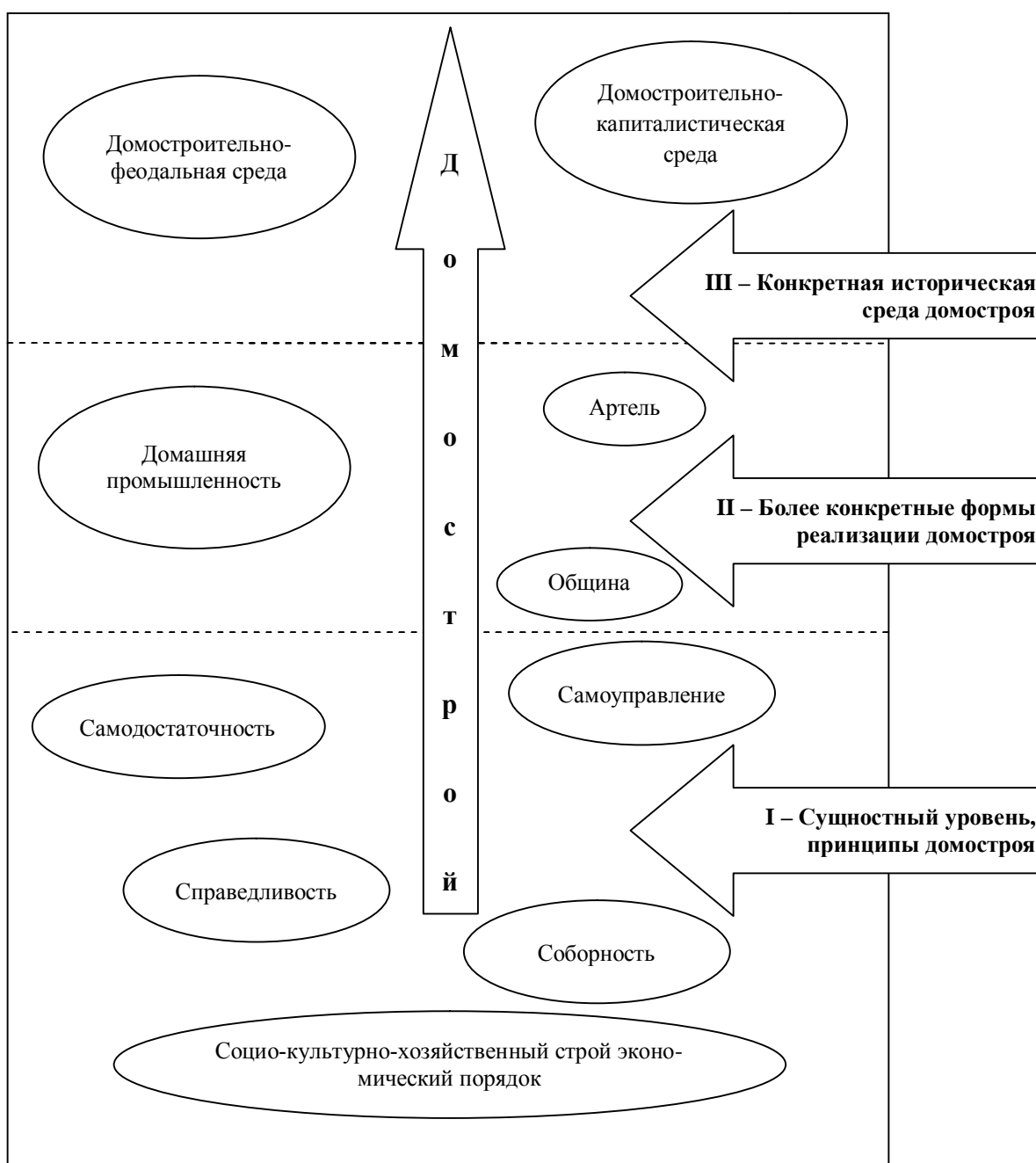

Рис. 2. Историко-теоретическая модель домостроительства как хозяйственной и экономической системы России

Обязательные правила, закрепленные в законодательных документах, формируют «хозяйственную конституцию». Последняя вместе с неформальными институтами, т. е. неписаными правилами, образует хозяйственный порядок. Конкретная форма хозяйственного порядка (домостроя или недомостроя) накладывает отпечаток на способы хозяйственного поведения, социо-культурно-производственные отношения между хозяйственными единицами, т. е. в целом на экономические процессы. Исследуя домостроительство как экономическую систему, автор определяет ее на основе идей марбургской и фрайбургской школ в контексте совокупности хозяйственного порядка и хозяйственных процессов [34, с. 26].

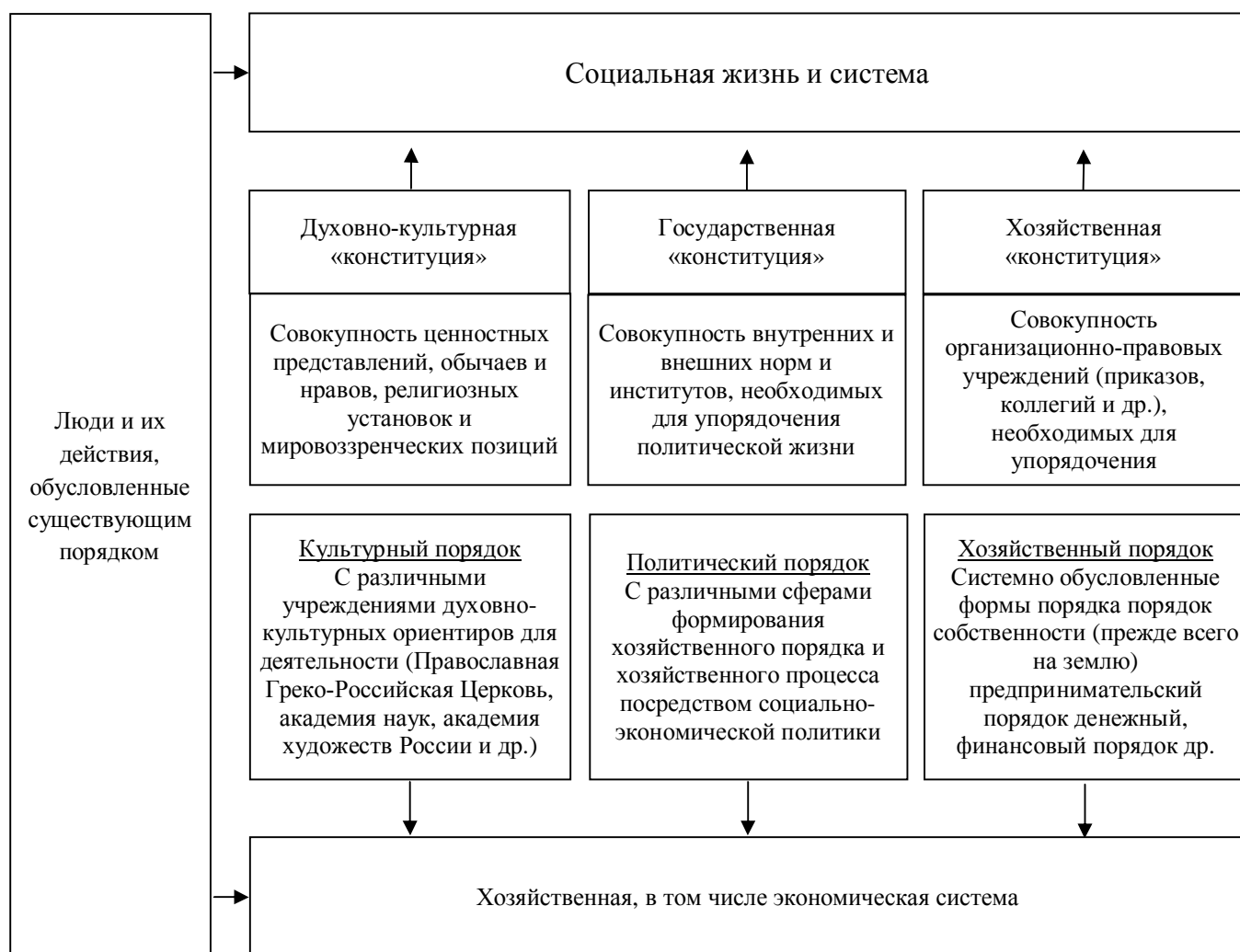

Рис. 3. «Конституирующая» национальная модель хозяйственной системы России (КНМХСР).

Источник: Анализ экономических систем: основные понятия хозяйственного порядка и политической экономики [35, с. 13-28]

Хозяйственный порядок взаимосвязан с людьми, их интересами, предпочтениями, способностями, менталитетом и ресурсами, а также с политическим устройством и идеологией.

В этом качестве он рассматривается как основа для определения главных свойств и характера экономической системы. Последняя представляет собой часть социальной системы, будучи встроенной в совершенно определенные духовно-культурные, правовые и политические структуры. На этом основании домостроительство представляется как «конституирующая модель национальной хозяйственной системы России» – КНМХСР (см. рис. 3). Эта категория впервые введена автором в научный оборот [36, с. 11]. Домостроительство исследуется с различных сторон: экономической (хозяйственной), государственной, политической, религиозной. Все аспекты его научного анализа социально значимы, самостоятельны и взаимодополняемы.

Выводы.

Домостроительство – это историческая¹ и современная хозяйственная система, включающая в себя: во-первых, элементы хозяйствования, т. е. природные и вещественные ресурсы, а также людей в их роли производителей, потребителей и носителей человеческого капитала; во-вторых,

¹ По В.И. Далю слово «исторический» означает на истине основанный [37, с. 145]

социо-культурно-производственные отношения, т. е. хозяйственные отношения в рамках определенной культурно-исторической целостности и/или культурно-исторического типа взаимосвязи между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ (продуктов труда, товаров и услуг, вещественных и невещественных, включая т.н. «неземные»); в-третьих, хозяйственный порядок (ядро системы) или организацию, «конституирующуюся» из обязательных для хозяйственного процесса правовых норм, правил, ценностей, мотиваций, «ментальных конструкций» и механизмов их реализации, т. е. институтов, а также преимущественно непосредственно-общественных отношений; в-четвертых, набором «быстрых», обычных экономических переменных (например, цена) и «медленных», к числу которых относятся самобытные категории домостроительства (например, соборность). Клеточкой этой хозяйственной системы является правда как истина, справедливость, духовность и праведные законы как «неземные блага».

Домострой раскрывается с философско-хозяйственной стороны скорее через онтологию и морфологию хозяйства. Домостроительство одновременно – его идеология, главный принцип, процесс и система. Это более широкое понятие по сравнению с домостроем. Оно определяется более через гносеологию и аксиологию экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейсман Александр Давыдович. Греческо-русский словарь, составленный А.Д. Вейсманом, бывшим ординарным профессором Императорского С.-Петербургского историко-филологического института. - 5-е изд. - Санкт-Петербург : изд. авт., 1899. - VIII, 1370 стб
2. Поланьи К. Аристотель открывает экономику // Истоки : Экономика в контексте истории и культуры / [Редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.) и др.]. - М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2004 (Люберцы (Моск. обл.) : ПИК ВИНТИ). - 583 с. : ил.; 21 см.
3. Бродель, Фернан Грамматика цивилизаций / Фернан Бродель ; [пер. с фр.: Б. А. Ситников]. - Москва : Весь Мир, 2008. - 545 с.
4. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
5. История экономических учений : учебное пособие : для студентов высших экономических учебных заведений / [В. С. Автономов и др.]. - Москва : Инфра-М, 2006. - 783 с.
6. История экономического анализа = History of economic analysis : В 3 т. Т.1 / Йозеф А. Шумпетер; Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. - СПб. : Экон. шк. [и др.], 2001.
7. Колесов В.В. Домострой как памятник средневековой культуры// Домострой / [Рос. АН]; Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская; [Комментарии В. В. Колесова]. - СПб. : Наука : Санкт-Петербург. изд. фирма, 1994. - 399,[1] с.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / Карл Маркс; [предисловия Ф. Энгельса]. – М.: Политиздат, 1988. – Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. – 891 с.
9. Соловьев Е. А. Ротшильды, их жизнь и капиталистическая деятельность : биографический очерк с портретами / Е. А. Соловьев. – Санкт-Петербург : Банк скоропеч., 1894. – 95 с.
10. Домострой Сильвестровского извода : текст памятника с примечаниями, материалы для сравнительного изучения (образцы Домостроев: Ксенофонта и 3 зап.-европ.), объясн. ст. и словарь. – Санкт-Петербург : Глазунов, 1891. – IV, 132 с., 1 л. фронт. (ил.), 1 факс.; 20.

11. Dottrina dello schiavo di Bari: secondo la lezione di tre antichi testi a penna [Electronic resource]. – The access mode: http://www21.us.archive.org/stream/dottrinadellosch00bolouoft/dottrinadellosch00bolouoft_djvu.txt
12. Menagair de Paris [Electronic resource]. – The access mode: <http://www.pbm.com/~lindahl/menagier/>
13. История хозяйства : город / Макс Вебер. – Москва : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 574, [1] с. : схем.; 21 см. – (Logica socialis : LS).
14. Платонов Д. Н. Православие в его хозяйственных возможностях : (заметки историка-экономиста) // Вопросы экономики. – 1993. – №8. – С. 86-87
15. Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений : в стихах и прозе / Покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова ; Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. – 2-е изд. – Москва : Унив. тип., у Н. Новикова, 1787
16. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. IV. Евгений Онегин. Драматические произведения. Отрывки и наброски / А. С. Пушкин. – Москва : Правда, 1981. – 430 с.
17. Энгельс Ф. Юридический социализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/207867/read>
18. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/215134/read>
19. Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV-XIX веках : исследование и тексты / М. В. Корогодина ; Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – 579 с.
20. Ольсевич Ю. Хозяйственная система и этнос // Вопросы экономики. – 1993. – № 8. – С. 7-16.
21. Иодль Ф. Этика и политическая экономия / Ф. Иодль, ; перевод с немецкого Александра Острогорского. – Санкт-Петербург : тип. Уч-ща глухонемых, 1895. – [2], 30 с.
22. Макашева Н. А. Этические основы экономической теории : очерки истории / Н. А. Макашева ; Российская академия наук, ИНИОН. – Москва : ИНИОН, 1993. – 178 с.
23. Аникин А. В. Юность науки : [жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса] / А. Аникин. – Москва : Прогресс, 1982. – 453 с.
24. Смит А. Теория нравственных чувств или опыт исследования о законах, управляющих суждениями, естественно составляемый нами, сначала о поступках прочих людей, а затем о наших собственных : с письмами М. Кондорсе к Кабанису о симпатии / Адам Смит ; перевод П. А. Бибииков. – Санкт-Петербург : тип. Дома призрения малолет. бедных, ценз. 1895. – 515, VI с.
25. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2: Капитализм : [учебное пособие для экономических и инженерно-экономических вузов и факультетов] / П. И. Лященко. – Изд. 3-е. – Москва : Госполитиздат, 1952-1956. – 23 см. – 735 с.
26. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма : (популярный очерк) / В. И. Ленин. – Москва : Политиздат, 1980. – 136 с.
27. Брентано Л. Народное хозяйство Византии [Текст] = Die byzantinische Volkswirtschaft / Л. Брентано ; перевод с немецкого И. И. Яковкина ; введение И. С. Плотникова. – Изд. 2-е. – Москва : URSS, 2010. – 67, [1] с.

28. Основы национальной экономики : учебное пособие / руководитель авторского коллектива и научный редактор А. В. Сидорович. – Москва : Дело и Сервис, 2009. – 529 с.
29. Лал Д. Непреднамеренные последствия : влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты : перевод с английского / Дипак Лал. - Москва : ИРИСЭН, 2007. – 337 с.
30. Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900-1902 годах / С. Ю. Витте. – Москва : Начала, 1997. – 511 с.
31. Платонов Д. Н. Историческое своеобразие евразийских хозяйственных систем и особенности экономической эволюции России / Д. Н. Платонов // Историко-экономический альманах / составитель и предисловие Д. Н. Платонова. – Москва : Академический проект, 2004.
32. Анализ экономических систем : основные понятия теории хозяйственного порядка и политической экономики / [Т. Вэльш и др.] ; под общей редакцией Альфреда Шюллера и Ханса-Гюнтера Крюссельберга ; [перевод с немецкого В. П. Гутник, А. Ю. Чепуренко]. – 6-е, доп. и испр. изд. – Москва : Экономика, 2006. – 345 с.
33. Юдина Т. Н. Институциональные принципы домостроя : (идейная основа конституирующей национальной модели хозяйственной системы России IX-начала XX вв.) / Т. Н. Юдина ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва : ТЕИС, 2006. – 192 с.
34. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Москва : ТЕРРА, 2000.

СТРУКТУРА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ

Родина Галина Алексеевна

доктор экономических наук, профессор. Филиал Финансового университета при Правительстве РФ в г. Ярославле, директор филиала, действительный член Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания МГУ имени М.В.Ломоносова. Профессор кафедры экономической теории Ярославского государственного технического университета
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: galinarodina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена эволюции теоретической экономики, в которой автор выделяет три этапа. Первый – возникновение классической политической экономии, открывшей эпоху так называемых «великих» обществоведческих теорий. Теория и практика являли собой синкретическое единство, что позволяло исследовать экономику как целое. Второй этап – бифуркация теоретической экономики, которая привела к обособленному развитию эндотерического и экзотерического подходов. Третий этап – формирование спроса на «великие» экономические теории в результате возникновения на рубеже XX-XXI веков новой экономической реальности.

Ключевые слова: эволюция; теоретическая экономика; новая экономическая реальность; политэкономия; экономическая мысль; развитие

Код УДК: 330.101

Annotation. The article is devoted to the evolution of theoretical economy, three stages of which are marked out. The first one is the rise of classical political economy which has opened the epoch of the so-called «Grand Theories». Theory and practice presented a syncretic unity that allowed to investigate economy as a single whole. The second stage is bifurcation of theoretical economy which has led to the isolated development of endoteric and exoteric approaches. The third stage is the formation of demand for «Grand Theories» as a result of formation of a new economic reality on the boundary of the XX-XXI centuries.

Keywords: evolution; theoretical economics; new economic reality; political economy; economic thought; development

Схема развития экономической мысли укладывается в известную триаду.

Во-первых, конкретное историческое время определяет динамику и состояние экономической ткани общества (это является предметом истории экономики), которая формирует задачи экономического развития. Экономическая наука вырабатывает соответствующий двусторонний ответ на вызовы времени:

- а) методологический (специфика метода исследования);
- б) теоретический (предмет исследования, теории).

То есть и методология, и теории возникают в определенное время, зачастую в определенном месте, для решения конкретных текущих задач экономического развития и остаются актуальными (востребованными) до тех пор, пока обладают прогностической силой.

Во-вторых, экономическая наука, как гуманитарная, не может не соотноситься с политическими реалиями. Значимыми становятся те школы, которые получают политическое покровительство (уместно вспомнить про социальный заказ). Разумеется, самоликвидации «аутсайдеров» не происходит, равно как и замораживания альтернативных политическому мейнстриму исследований, однако фавориты получают преимущественный доступ и к формированию общественного мнения, и к выработке рекомендаций для хозяйственной практики, и к привлечению в свои ряды наиболее талантливых исследователей.

В-третьих, экономическая наука имеет собственную внутреннюю логику развития. Поэтому ее «взлеты и падения» могут как опережать запросы практики, предугадывая их, так и отставать от них, не говоря о том, что даже в случае совпадения с историческим временем экономисты-теоретики вряд ли вырабатывают однозначные ответы на его вызовы.

РАЗДЕЛ 1. «GRAND THEORIES»

Оставляем за пределами данной статьи период протонауки, сформировавшей зачатки теоретических знаний и подготовившей переход к реальному теоретическому обобщению в рамках научного метода, который, в отличие от других методов познания (например, умозрительных рассуждений или «божественного» откровения), обеспечивает более высокую степень достоверности результатов, т.к. основан на воспроизводимом эксперименте или наблюдении. Первой «законной» научной школой стала *классическая политическая экономия*. Она открыла эпоху «*Grand Theories*» (так называемых «**великих**» **обществоведческих теорий**), искавших *ответы на главные вопросы соответствующих исторических эпох: что это за общество и куда оно идет*.

Существовавшая до этого школа меркантилизма выполнила свое историческое предназначение, исследовав первоначальное накопление капитала в самой доступной его форме – торгового капитала. Дальше перед обществом встала задача – перейти к организации собственно капиталистического производства. Поэтому *местом рождения* новой школы стали наиболее готовые к капитализму страны, прежде всего, Англия (Великобритания, но речь идет, прежде всего, именно об Англии как наиболее готовой к капитализму части Великобритании).

Какие ответы на вызовы времени предложили классические политэкономы?

А) *Методологический – перенос исследования из сферы обращения в сферу производства*. И поскольку капитализм рассматривался на стадии прогрессивного развития, можно было не утруждать себя идеологической маскировкой его негативных черт (противоречий), что открывало простор реальному научному анализу.

И Смит, и Рикардо использовали метод *естественного порядка*, предлагавший относиться к изучаемому явлению как к объективному процессу: развитие общества имеет свои естественные, универсальные для всех стран закономерности, не зависящие от людей.

Этот подход позволил использовать *метод абстракции* – основа эндотерического (глубинного, сущностного) подхода¹.

С другой стороны, капитализм трактовался как естественный, вечный строй, соответствующий природе человека, что делало невозможным исследование границ его исторического времени².

¹ Мы считаем термин «*эндотерический*» более подходящим для характеристики сущностного подхода, чем «*эзотерический*», который скорее ассоциируется с вненаучным, скрытым знанием, доступным лишь избранным [1, с. 23].

² Так, Рикардо полагал, что палка в руке дикаря, которой он сбивал с дерева бананы, – пример первого капитала, приносившего доход.

Б) *Теоретический* – ответ на вопрос, что представляет из себя капитализм – воплотился в:

- трудовой теории стоимости;
- учении о прибыли (главный вклад принадлежит Рикардо), которое, по Марксу, является теоретической вершиной классической политэкономии, несмотря на распространенное в современном экономическом сознании первенство трудовой теории стоимости (думаем, с Марксом следует согласиться, ибо Смит оставил неразрешенным парадокс воды и алмаза);
- учении о конкуренции («невидимая рука» Смита) и разделении труда, включая теорию сравнительных преимуществ в международном обмене Рикардо;
- решении проблемы воспроизводства (таблицы Кенэ).

Для того, чтобы учение могло быть отнесено к «*Grand Theories*», оно должно одновременно обладать двумя качествами:

- научной универсальностью в своих обобщениях;
- установочностью для практической политики.

Иными словами, теория и практика должны являть собой *синкретическое единство*, – нерасчлененность, первоначальную слитность таких разнородных начал, как «чистая теория» и «искусство». Нам это единство представляется в следующем виде (рис. 1).

Рис. 1. Структура подхода классической политической экономики

Если обратиться к наследию великих политэкономов-классиков, то можно найти подтверждение: вопросы экономической политики, непременно присутствующие в их трудах, рассматриваются под синкретическим углом зрения. Так, скажем, Рикардо выступал за отмену «хлебных законов» вовсе не потому, что был экспертом по этому частному вопросу, а по той причине, что усматривал в этом пункте главную помеху развитию страны («хлебные законы», вводя высокие ввозные и пониженные вывозные пошлины, способствовали сокращению на внутреннем рынке сельскохозяйственной продукции, что оборачивалось ростом цен на нее и высоким уровнем рентных платежей – и это на фоне убывания плодородия; в итоге крупные землевладельцы-лендлорды укрепляли свои экономические позиции, а экономически окрепшая промышленная буржуазия оказывалась в проигрыше, что приводило к низкой прибыли и торможению процесса накопления капитала).

Однако уместно задаться вопросом: *насколько оправданными были надежды подвести под экономическую политику строгую научную базу?* Ведь в упомянутой выше теории Рикардо идея убывания плодородия не получила подтверждения на практике в условиях технического прогресса. Этот изъян не только поставил под сомнение выводы, следовавшие из рикардианской теории, но и уровень притязаний экономической науки на синкретизм в целом. Ответом на этот вызов стал вывод Й. Шумпетера о «*рикардианском пороке*»: «...манеру применять результаты сугубо абстрактного характера к решению практических проблем мы будем называть рикардианским пороком» [2, с. 473].

РАЗДЕЛ 2. РАЗРУШЕНИЕ СИНКРЕТИЗМА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Первым разрушителем синкретизма теории и практики стал Дж. С. Милль, разграничивший «науку» и «искусство» политической экономии:

- с одной стороны, – наука как «собрание абстрактных истин», вовлекавшая в сферу своего анализа только главные причины хозяйственного поведения людей;
- с другой стороны, – искусство как «набор правил поведения», принимающего во внимание все индивидуальные обстоятельства конкретного случая.

Бифуркация теоретической экономики, прежде вбравшей в себя и эндотерический, и экзотерический подходы, привела к обособленному развитию каждого из них.

Схематично обособление эндотерического и экзотерического подходов представлено на рис. 2.

Эндотерический подход сосредоточился на выявлении глубинной сущности экономической действительности, некой «клеточки», *исходного отношения*, из чего последовательно, многоуровнево сформировалась вся система экономических отношений. Это был *метафизический* подход³, нацеленный на исследование первоначальной природы экономической реальности; он искал ответ на вопрос «в чьих интересах?»

В зависимости от того, что именно выделялось в виде «клеточки», выстраивались различные концепции, что привело к рождению разных новых экономических школ и направлений.

Марксизм опирался на открытую К. Марксом клеточку капиталистического способа производства – *товар* как самую простую форму экономического отношения капитализма. На базе этого исходного отношения возникает купля-продажа рабочей силы, приведение в движение которой под командой покупателя, собственника средств производства, составляет основное производственное отношение капитализма: «Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства. Во-первых, он производит свои продукты как товары.

³ *Метафизика*, занятая исследованием мира и бытия как такового, занята поиском причины причин, истока истоков, начала начал.

Не самый факт производства товаров отличает его от других способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов их бытие как товаров является господствующей и определяющей чертой... Второе, что является специфическим отличием капиталистического способа производства, – это производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства» [3, с. 51-53]. Товарное отношение, таким образом, является обязательной характеристикой капиталистического отношения; последнее невозможно представить вне товарного отношения. Это делает товарное отношение не только исходным, но и всеобщим отношением капиталистического производства. Его развитие приводит к формированию и основного отношения, и основного противоречия капиталистического способа производства, блестяще проанализированных Марксом. К каким выводам он пришел (в 24 главе I тома Капитала), мы все знаем.

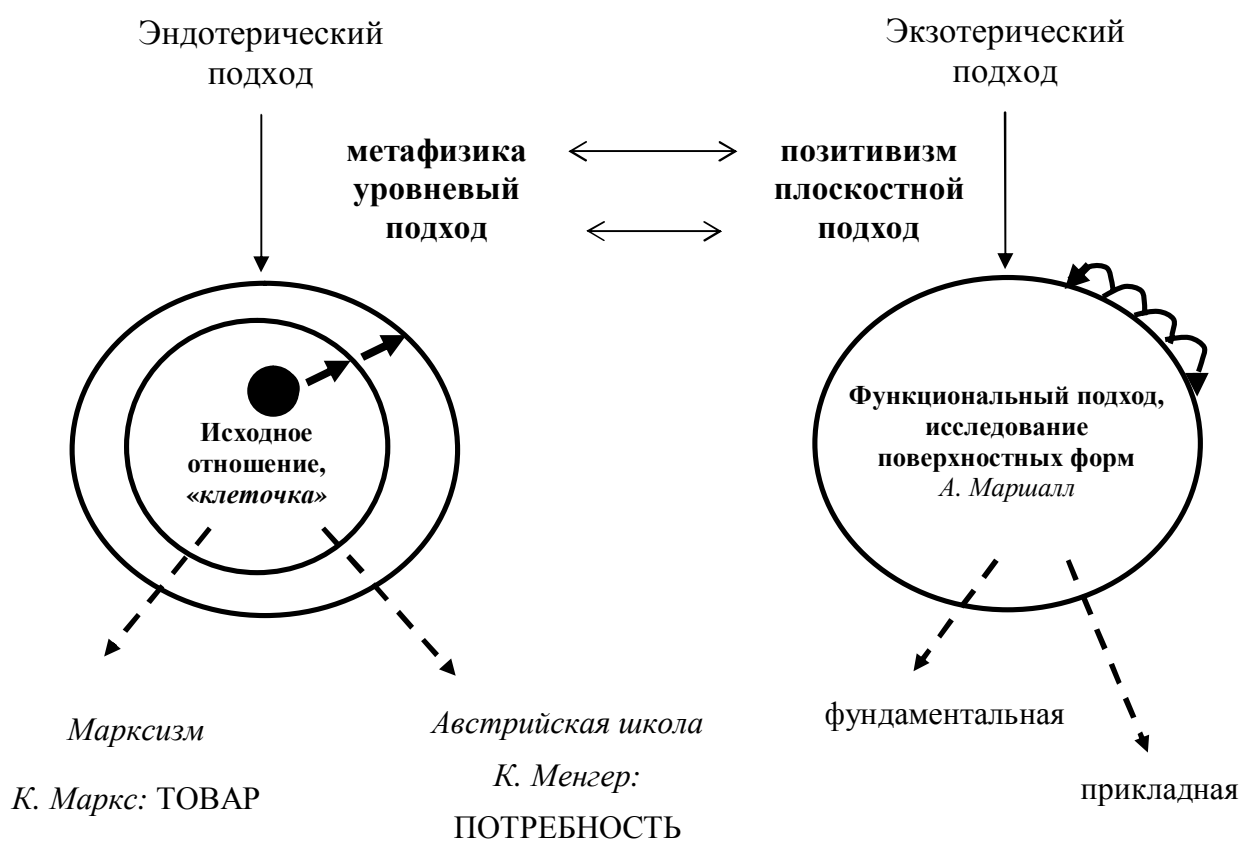

Рис. 2. Обособление эндотерического и экзотерического подходов в развитии экономической науки

Марксу не удалось реализовать свой гигантский творческий замысел до конца. Из всей совокупности «недораскрытостей», оставленных Марксом будущим исследователям, хочется обратить внимание на формационный подход, связывавший экономическое развитие с исторической сменой качественно различных ступеней хозяйства, или способов производства⁴.

В учении Маркса связь производственных отношений с производительными силами и

⁴ Сущностью способа производства является экономический базис как система производственных отношений, сердцевинной которых являются отношения собственности на средства производства. Производственные отношения в совокупности с производительными силами составляют способ производства, а добавление к последнему общественной надстройки приводит к категории «общественно-экономическая формация».

общественной надстройкой признавалась, но лишь как второстепенная (что вытекало из подчиненного характера надстройки); система обратных отношений практически не учитывалась. Правда, Маркс признавал, что один и тот же экономический базис в разных странах может выступать в виде множества вариаций, анализировать которые можно лишь с учетом совокупности конкретных обстоятельств. Но если «один и тот же базис» рождает в одной стране «экономическое чудо», а другую обрекает на прозябание, то, видимо, камнем преткновения, т.е. решающим обстоятельством становится *terra incognita* – «совокупность конкретных обстоятельств», выпадающая из основополагающих элементов формационного подхода. Время присмотреться к этой загадочной «совокупности конкретных обстоятельств» придет позже.

Развитие марксистского подхода в советской экономической науке привело в прошлом веке к выделению *плановности* в качестве клеточки социалистического производства: «... авторы «Курса» [речь идет о знаменитом «Курсе политической экономии» Н.А. Цаголова – уточнение Г.Р.] не имели оснований для пересмотра позиции – рассмотрения плановности не только в качестве всеобщего, но и в качестве исходного отношения, а следовательно, и в качестве исходной категории системы сложившегося социалистического производства» [4, с. 27].

В XXI веке эндотерический подход обогатился поиском современных «клеточек». Так, В.И. Марцинкевич (ИМЭМО РАН) предлагает новую «экономическую клеточку» воспроизводства – *человека*: «В современном мире нарастают процессы выхода социально-экономического развития за рамки стоимостных отношений... На этой объективной основе можно проследить переход от политической экономии товара к политэкономии человека на уровне первичных категорий этой науки».

Акцент на российскую специфичность привел Т.Н. Юдину (МГУ им. М.В. Ломоносова) к выделению *правды* в качестве «клеточки» гармонической, самодостаточной экономической системы [5].

Чрезвычайно перспективным нам представляется разработка *информации* в виде клеточки постиндустриального, информационного общества. Подобные попытки предпринимаются и у нас, и за рубежом. В свое время М.И. Скаржинский (КГУ им. Н.А. Некрасова) определил информацию в качестве предмета новой политической экономии. Однако до создания целостной концепции, анализирующей современную экономическую ткань и предсказывающей ее возможные изменения, еще далеко.

Г.Н. Цаголов, отталкиваясь от процесса конвергенции, вычленяет *биполярную двуклеточную основу*, в которой *рынок* выполняет роль педали газа, а *плановность* – руля и тормоза. Считаем, что это не просто реанимация старой конвергентной концепции, а попытка освоить новое проблемное поле политической экономии на границе рынка и нерынка. С одной стороны, некоторые нерыночные по своей природе блага начинают функционировать как рыночный товар, обретая денежный эквивалент, в силу всеобщности денежной экономики. С другой стороны, многие рыночные продукты в силу социальных ограничений перестают быть товарами и выпадают из нормального рыночного функционирования; например, общественные блага, для которых создается «квазирынок». Следует согласиться с М.И. Воейковым, что «все это предмет политической экономии, но иной, нежели классической, которую лучше назвать постклассической... которая корнями уходит в марксизм» [6, с. 37].

Если марксизм в системе производственных отношений выделял непосредственно производство (выдвигая известное положение о его примате), то *австрийская школа*, стремясь «свести сложные явления человеческого хозяйства к их простейшим элементам», отталкивалась от личного потребления, усматривая в качестве исходного положения своего анализа *потребность*: «Руководящая идея всей хозяйственной деятельности людей – это возможно полное удовлетворение

своих потребностей, – отмечал К. Менгер, – ... человек со своими потребностями и своей властью над средствами удовлетворения последних составляет исходный и конечный пункт всякого человеческого хозяйства» [1]. Из данного исходного отношения была «выращена» общая теория ценности на основе предпосылок, полностью противоположных предпосылкам марксистской школы.

Позднее на этой основе оформились две интерпретации потребностей.

1. *Англо-саксонская традиция* признавала лишь индивидуальные предпочтения, сводя все остальные интересы к ним; поэтому ответ на вопрос «в чьих интересах?» привязывался к индивидуальным потребностям (К.Р. Поппер, Дж. Бьюкенен).

2. *Германская традиция* признавала наличие, кроме индивидуальных, также и коллективных потребностей, считая именно их фундаментом немецкой финансовой науки; поэтому ответ на вопрос «в чьих интересах?» не ассоциировался лишь с индивидуальными потребностями; признавалось, что индивидуальные и общественные потребности формируются в различных институциональных средах и по этой причине несводимы друг к другу (А. Вагнер, Ф. Херман, А. Шэффле). Из принципа комплементарности полезностей вырос принцип комплементарности субъектов рыночного обмена (совокупность индивидуумов дополняет государство), что «создало предпосылки для формирования аксиоматики «смешанной экономики» [7, с. 43].

Развитие *экзотерического подхода* было обусловлено тем, что к середине XIX века капитализм обрел собственную материально-техническую базу, совершив промышленную революцию и перейдя к машинному производству. Задачи экономического развития изменились: с одной стороны, ответа на вопрос о том, что представляет из себя капитализм, было уже недостаточно, – надо было *рационально организовать индустриальное производство*, что потребовало *отойти от сущностного подхода в пользу более поверхностного, функционального*. Это был плоскостной, *позитивистский* подход⁵, нацеленный на исследование первоначальной природы экономической реальности; он искал ответ на вопрос «как эффективнее?»

Претензии экономической науки на обобщающие знания были развеяны *А. Маршаллом*. Он разделил экономическую науку на две части:

1) фундаментальную (при этом фундаментальная компонента экономической науки отождествлялась с разработкой аналитического инструментария, что лишало возможности сформировать теоретическую картину экономической реальности, осмыслить новые факты);

2) прикладную (именно она и выдавалась за истинно содержательные научные исследования).

«Экономическая наука воплощает в себе лишь работу здравого смысла, дополненную приемами организованного анализа и общих умозаключений, которые облегчают задачу сбора, систематизации конкретных фактов и формулирования на их основе выводов, – отмечает А. Маршалл в «Принципах экономической науки». – Несмотря на то, что сфера ее занятий всегда ограничена, что ее исследования без помощи здравого смысла бесплодны, она тем не менее позволяет здравому смыслу разрешать трудные проблемы, которые он без нее не смог бы решить» [8]. Утверждение маршаллианства в качестве *мейнстрима* экономической науки имело далеко идущие последствия.

С одной стороны:

- разработка методов экономического анализа обособилась в специализированную область исследований и расширила эту область за счет применения данных методов для изучения самых разных рынков;

⁵ *Позитивизм* признает в качестве единственного источника истинного знания эмпирические исследования специальных наук.

- своеобразное «перевертывание» отношений между фундаментальной и прикладной наукой обусловило рождение в междисциплинарных прикладных проектах многих идей и методов, выдвинутых неэкономистами, однако позднее продвинувших именно экономическую науку⁶.

С другой стороны:

- закрепился разворот в сторону инструментальной теории, в результате чего экономическая теория измельчала тематически, стала «аспектной», фрагментированной наукой, фактически потеряла экономику как свой предмет;
- произошла маргинализация альтернативных исследовательских платформ, что также обеднило теоретическую экономику;
- вопросы типа «куда идет общество (экономика)?» выпали из экономических исследований (их пришлось подхватить историкам-эмпирикам); теоретический кругозор сузился, по сравнению с классическим восприятием целостного характера экономических явлений.

В результате формализация (математизация) экономической теории усугубила структурные *диспропорции* экономической науки и ограничила потенциал ее *роста*.

Вместе с тем для широкого использования экзотерического подхода существовали объективные условия: относительно сбалансированное развитие экономик развитых стран во второй половине прошлого века, «когда сугубо функциональные подходы давали достаточно хорошо формализованные, математизированные и практически эффективные ответы на вопросы о том, как взаимодействуют элементы системы, независимо от того, насколько познана сущность самой системы и ее элементов. Формула такого подхода: мы не знаем, что это такое, но знаем, как это работает в известных нам ситуациях, и можем этим практически пользоваться» [9, с. 45].

Очевидно, что границы эффективного применения данного подхода определяются динамикой развития общества, в ходе которой изменениям подвергаются, помимо внешних форм проявления, также и сущностные компоненты социально-экономической системы. Прежние представления о функциональных связях становятся неприемлемыми для решения практических задач, что приводит к расхождению между ожидаемыми результатами и реальными. Тогда и возникает потребность разглядеть за внешними формами проявления их глубинные основания и сущность.

РАЗДЕЛ 3. XXI ВЕК: ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ ЭНДО-ЭКЗОТЕРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИЛИ ВОЗВРАТ К СИНКРЕТИЗМУ?

XX век принял, а XXI продолжил оформленный в XIX столетии разрыв синкретизма, в результате чего развитие экономической науки шло двумя не пересекающимися траекториями: эндотерической и экзотерической.

Существует ли сегодня потребность в «великих» теориях? Возможно ли пересечение (а то и слияние в одно целое) эндотерического и экзотерического подходов?

Часть исследователей дает *отрицательный* ответ: «Сам экономический базис общества исследуется политико-экономистами в двух измерениях – в плоскости эндотерического подхода, когда изучаются сущностные, внутренние связи и отношения, и с позиции экзотерического подхода, когда исследуются поверхностные экономические формы... Соответственно возникает два ряда понятий, экономических представлений, выражаемых с помощью категорий и законов» [3, с. 41]. Развитие теоретической экономики в рамках данной позиции связывается с *неоднородностью природы экономических категорий*. Одни категории различаются как сущность и форма проявления, как, скажем, стоимость (сущность) и цена (форма ее проявления). Но в обоих случаях

⁶ Речь идет, прежде всего, о Д. фон Неймане, Г. Саймоне, Д. Нэше.

имеется в виду одно и то же отношение. Другие категории выражают модификацию сущностных отношений, а то и их искажение. Тогда на поверхности социально-экономических отношений сущность выступает в превращенной форме. Например, цена производства – превращенная форма стоимости товара, выглядит как производная от издержек производства и прибыли, а не от затрат абстрактного общественного труда. Третьи категории выражают появление новых производственных отношений, и они не выступают по отношению к прежним категориям ни как форма проявления, ни как их модификации. Но вместе с тем они не выходят за рамки основного отношения. К категориям подобного рода можно отнести монопольную сверхприбыль: несмотря на то, что ее основным источником является прибавочная стоимость, с которой она связана генетически, она, тем не менее, не является модификацией прибавочной стоимости. Для ее появления необходима смена свободной конкуренции господством монополий, которые вмещиваются в законы капиталистической конкуренции⁷.

Другие экономисты считают *перспективной* задачу создания из конгломерата неортодоксальных теоретических разработок системного научного теоретического знания: «К концу XX века многие ученые признали, что для анализа различных экономических систем нужно создать единую науку, которая объединила бы основные идеи разных неортодоксальных школ» [10, с. 38]. Считаем это возможным на основе *постнеклассической методологии*⁸, чья «человекообразность» (В.С. Степин) является наиболее подходящей для интегральных (объединительных) парадигм с присущими им комплексными исследовательскими программами междисциплинарного типа, в которых сращиваются теоретические и экспериментальные исследования, прикладные и фундаментальные знания.

О *перспективах трансформации* структуры теоретической экономики можно судить по происходящим изменениям *и со стороны предмета, и со стороны методологии*.

1. Происходит одновременно и *расширение* предметного поля⁹, и его *истончение*¹⁰, что приводит и к позитивным, и к негативным последствиям:

- с одной стороны, – обогащение теоретической экономики междисциплинарными исследованиями;
- с другой стороны, – опасность диффузии особого предмета науки, ведущая к его утрате (по меткому выражению О. Ананьина, вместо «дерева» экономической науки получается «сад камней»).

2. Формируется *плюрализм* в методологии, что также имеет неоднозначную оценку:

- с одной стороны, – своеобразный возврат к многоуровневости;
- с другой стороны, – риск механического соединения качественно разнородных методологических платформ.

Процессы, происходящие и в отечественной, и (в еще большей степени) в зарубежной экономтеоретической науке, были сотню лет назад предсказаны М.И. Туган-Барановским: «Политическая экономия частью превратится в теорию экономической политики, а частью

⁷ То же самое можно констатировать и в отношении *закона прибавочной стоимости*: он развивается на основе закона стоимости, но не является ни формой проявления, ни модификацией его.

⁸ *Постнеклассическая методология* ориентирована на исследование самоорганизующихся систем.

⁹ Расширение происходит за счет появления новых разделов теоретической экономики, которые раньше не входили в предмет экономической науки, таких, как социэкономика, генетическая экономика, эконофизика, вычислительная экономика, экспериментальная экономика, политическая экономия развития, политическая экономия пространства, политическая экономия терроризма, политическая экономия голода, феминистская, экологическая, структуралистская, конституционная, неортодоксальная политическая экономия, политэкономия власти и др.

¹⁰ Часть проблем все в большей мере изучается другими обществоведческими науками; например, феномен *фиатных денег*, опирающихся на декларируемый авторитет государственной власти, вошел в предмет политологии.

войдет в состав более общей науки об обществе – социологии» [11].

Но ведь экономика совершила на рубеже XX-XXI вв. скачок, обусловленный становлением информационного общества, что объективно сопряжено с потребностью осмысления трансформирующейся экономики как целого, в ходе которого предстоит выработать ответы на следующие вопросы:

- за счет каких причин современное общество сложилось во всех и каждой детали именно так, а не иначе;
- имеет ли оно тенденцию меняться и как именно;
- какие эффекты каждое из свойств его нынешнего состояния сулит в будущем;
- какими средствами любой из этих вероятных эффектов может быть предотвращен, изменен или ускорен,
- какими средствами другая группа эффектов может быть вызвана.

Вряд ли это возможно в границах позитивистских научных стандартов с их абсолютизацией принципа верифицируемости, которые не могут оценить новые факты и явления, характеризующие точки роста экономических систем в силу фрагментарности дисциплинарного знания о социально-экономической реальности. Без восстановления «заброшенных участков» исследовательского фронта невозможно исследовать формирование новой экономической реальности, т.е. возвратиться к «великим» экономическим теориям, спрос на которые определяется происходящими трансформациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Менгер К. Основания политической экономии [Электронный ресурс] / К. Менгер. – Москва: Территория будущего, 2008. – 434 с. – Режим доступа: www.libertarium.ru/lib_mbv_menger02
2. Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3-х т. / Й. Шумпетер. – СПб.: Экономическая школа, 2004. – Т. 2. – 508 с.
3. Маркс К. Сочинения: в 30-ти т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 2. Ч. 2. – 640 с.
4. Курс политической экономии: в 2-х т. / под ред. Н.А. Цаголова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 1973. – Т. 1. – 831 с.
5. Юдина Т.Н. Эволюция учения о домостроительстве в контексте формирования экономической системы России: вторая половина IX – начало XX вв. : дис. ... доктора экономических наук / Т.Н. Юдина. – Москва, 2009. – 324 с.
6. Воейков М.И. Политическая экономия как самосознание буржуазного общества / М.И. Воейков // Горизонты экономики. – 2012. – № 2. – С. 23–38.
7. Экономическая теория: истоки и перспективы. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2006. – 999 с.
8. Маршалл А. Принципы экономической науки [Электронный ресурс]. Книга 1, гл. 4. / А. Маршалл. – Режим доступа: <http://exsolver.narod.ru/Books/Econom/Marshall/c6.html>
9. Гриценко А.А. Фундаментальные и актуальные основания обновления классической политической экономии / А.А. Гриценко // Горизонты экономики. – 2012. – № 2. – С. 45–57.

10. Бабаев Д.Б. О предмете политической экономии / Д.Б. Бабаев // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Естественные, общественные науки. – 2010. – Вып. 3. – С. 41–42.
11. Гальперин В.М. Экономикс, сиречь наука экономическая [Электронный ресурс] / В.М. Гальперин. – Режим доступа: <http://www.seinst.ru/page330/>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ КРИЗИСА

Лемещенко Петр Сергеевич

доктор экономических наук, профессор. Белорусский государственный университет
заведующий кафедрой институциональной и теоретической экономики
г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: liamp@bsu.by

Аннотация. В статье раскрываются природа, причины и типология мировых экономических кризисов, которые рассматриваются как главные источники структурных изменений хозяйственного развития. Автор анализирует взаимосвязь научно-технических открытий с денежно-кредитной политикой и противоречивой экономической динамикой. В статье отмечается, что капитал как явление порождается кризисом, но, в свою очередь, в каждом институциональном цикле самоотрицает себя, формируя совершенно новое явление – метакapитал, новые мотивы, цели, формы организации и многое другое, которое создает неопределенность политико-экономической среды, обостряя тем самым противоречия современной экономики и снижая ее движущие силы к устойчивому социально-экономическому развитию. Противоречие индивидуально-коммерческого и социально-нравственного уже выходит с уровня национального и регионального на международный уровень со всеми последствиями.

Ключевые слова: кризис; метакapитал; корпорации; банки; политическая экономия; глобальная рента

Код УДК: 330.101

Annotation. The article describes the nature, causes and the typology of world economic crises which are considered to be the main sources of structural changes in economic development. The author analyzes the relationship of scientific and technological discoveries with monetary policy and the controversial economic dynamics. The author also states that capital as a phenomenon is generated by the crisis. However, capital at every institutional cycle is self-refuting. It creates an entirely new phenomenon metacapital. Its new motives, purposes, organizational forms generate uncertainty of political and economic environment, sharpen the contradictions of the modern economy and reduce its driving to sustainable socio-economic development. The individual-commercial and socio-moral contradiction has moved from national and regional levels to the international level with all the consequences.

Keywords: crisis; metacapital; corporations; banks; political economy; global rent

...История предполагает, что экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих.

П. Кругман. Великая ложь

Инфляции подвергаются не только деньги или иные материальные ценности. Сегодня понятие «кризис» подвержено *смысловой инфляции* как, впрочем, и другие экономические категории. Все возможные коллизии, которые происходят в современной мир-экономике¹, пытаются определить этой категорией. Но когда разные явления выражают или определяют одной и той же категорией, то, мягко говоря, это уже тревожный симптом для науки любой сферы. Экономическая наука

в некотором смысле уникальна, поскольку, пожалуй, одна из немногих теоретических сфер довольно пренебрежительно относится к своему категориальному аппарату: коль недочет в понятиях случится, их можно словом заменить. Может, поэтому и уровень ее развития слишком скромный, а авторитет среди хозяйственных практиков и политиков с каждым десятилетием ну уж никак не прибавляется.

У. Баумоль, положивший начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век, пишет: «...Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить *не в теоретических новациях*, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [1, с. 80, 104]. Применительно к нашей теме эвристические возможности доминирующей парадигмы экономической теории Дж. Стиглицем оцениваются еще более конкретно: «Рыночная экономика, в которой исследования и инновации играют важную роль, недостаточно хорошо описывается стандартной моделью конкуренции» [2, с. 391]. Одна из фундаментальных причин такого положения заключается в том, что теория рыночной экономики (неоклассика) есть не что иное, как учение об *обмене*, каталлактика по определению Л. Мизеса [3, с. 10]. Это означает, что для более общего и цельного взгляда на экономические процессы необходимо, по крайней мере, вновь обратиться к категории «воспроизводства», а не только к одной его фазе – обмену, который является центральной областью анализа мейнстрима экономической науки. Ведь именно в нарушении всего воспроизводственного процесса в целом проявляется кризис, обнаруживая острые противоречия и привлекая внимание в последующем и к производству, и к распределению, и потреблению.

«Кризис» (гр. «krisis» – решение, поворотный пункт, исход), таким образом, это исход, к которому приходит система, ориентируясь уже на новую волну в своем развитии. Это означает, что каждый более или менее значимый кризис, поражающий не просто какую-то отдельную фазу, а весь процесс воспроизводства, *требует перехода на качественно новый уровень всей системы хозяйственных отношений, их форм и институтов. Исключением не является и образ мышления* – *главная институция*, которая охватывает своим влиянием лишь определенные слои населения в какой-то период времени. К сожалению, этот фактор – мышление и теории, царящие в тот или иной период как наиболее влиятельные, никак не учитываются экономистами, занимающимися циклической динамикой. С нашей точки зрения, *одной из самых важных причин* постоянно повторяющихся кризисов в последние 50-60 лет, является именно *однообразность и стандартность мышления*. Но в оценке последнего все-таки требуется выяснить чего здесь больше: естественного заблуждения, обусловленного инерционностью массовой логики, или все же того, что стандартность и единообразие мышления большинства населения *искусственно поддерживается* для извлечения явных и не явных частных выгод.

Все циклы бума и спада, поражавшие разные страны, как до промышленной революции, так и после, трудно охватить даже в сжатой форме. Но в оценке литературы по экономической динамике можно обнаружить несколько *закономерностей*. Во-первых, почему-то изучение динамики связывалось только с экономическим ростом, хотя логично было бы предположить, что любой рост рано или поздно должен потерять свою *движущую силу* (!). Во-вторых, опять-таки, исследования роста никак не связывались с источниками, причинами, формами, показателями и пр. атрибутами социально-экономического *развития*. Ведь, как показывает практика, может быть и рост без развития и соответствующих параметров. В-третьих, понятие «кризис», видимо, в угоду чьим-то идеологическим интересам вообще было выброшено из научного оборота, заменившегося «рецессией». И только события 2008 г. с их жесткими последствиями позволили весьма активно

¹ Понятие «мир-экономика» в отличие от «мировой экономики» имеет *качественные* признаки и свойства. В частности к ним относится наличие институтов и отношений, *объединяющих* хозяйственную деятельность и, таким образом, координирующих поведение хозяйствующих субъектов в рамках мирового сообщества.

реанимировать категорию «кризис». В-четвертых, анализ обширной литературы по циклам и кризисам показывает, что абсолютное большинство авторов циклы связывает лишь с *кредитной экспансией* безо всяких оценок каких-либо качественных изменений, что не соответствует действительности.

Итак, если обратиться к кризису 1349 г., то он действительно был связан с кредитной экспансией. Он длился около тридцати лет и закончился уничтожением огромных богатств, банкротством банков, а Флоренция в результате стала средиземноморским центром финансовой и торговой деятельности. Это при всем при том, что население этого центра резко сократилось от чумы (!), а денежный доход и цены в результате этого существенно возросли, поскольку монеты не тезаврировались. Подобного рода кризисы сферы товарно-денежного обращения решительно подталкивали для своего преодоления к *географическим открытиям*, одновременно *отлаживая сферу обращения*. Обмен информацией и опытом между людьми разных регионов обусловил накопление знаний и использование таких форм организации кустарного производства как *кооперация и мануфактура*.

Старт же *промышленной революции* положили по хрестоматийному определению аккумуляция научных знаний и открытие Дж. Уаттом в 1757 г. конденсатора, который породил новый источник энергии – паровой двигатель (патент 1784 г.) и, конечно, с нашей точки зрения, новую эпоху, новую эру и новый экономический цикл развития. Вокруг этого изобретения начинает вращаться вся хозяйственная система. Но возникает тонкий вопрос: а действительно ли создание этого важнейшего изобретения, заложившего основы новой человеческой цивилизации, связано лишь с кредитной экспансией? Ответ, на наш взгляд, на этот вопрос не просто отрицательный: открытие нового источника энергии, создавшего промышленность, было сделано вопреки этому. Более того, это и другие научно-технические изобретения для кредитных учреждений выступали материальным и *нравственно-моральным залогом* (!) для финансово-кредитных учреждений, изменивших их ростовщическую идеологию. Возможность серийного производства товаров обусловило снижение цен на популярные товары, а замещение труда основным капиталом, когда машины стали производить машины и технику, привело к удешевлению новых капитальных благ. Это в свою очередь расширило базу ссудного капитала. Еще в 1807 г. было замечено, что паровая машина стоит в два раза дешевле тех лошадей, которых она заменяет. Без этих и других научных открытий и будущих изобретений никакая кредитная экспансия не привела бы к каким-либо качественным изменениям. Этими фрагментарными замечаниями мы хотели бы устранить *однобокое понимание причин циклов и кризисов*, которые связывают лишь с кредитными интервенциями².

Формально возможность кризисов состоит в распадении акта купли-продажи на два самостоятельных акта купли и продажи. Такое разделение произошло с появлением денег и внедрением их в товарное обращение, в результате чего купля и продажа распались в пространстве и во времени. «...Кризис в его первой форме, – писал К.Маркс, – есть сам метаморфоз товара, отделение друг от друга покупки и продажи» [4, с. 567]. Но это всего лишь *необходимое* условие для кризиса, когда пространство и время отделяются друг от друга.

² Можно для примера привести ситуацию в России в начале 90-х годов прошлого века. Как известно, решительные и системные преобразования в СССР привели к полному расстройству кредитно-денежной системы буквально во всех бывших союзных республиках и России в том числе. Конечно, это не могло не сказаться и на всех остальных секторах экономики. Какое же было удивление, когда, выполняя проект Мирового Банка по изучению крестьянских хозяйств России в этих условиях, было отмечено, что эти хозяйства не только не умерли, но даже окрепли и создали потенциал к своему развитию. Как известно, хотя и были отбракованы в этот период худшие предприятия, все же потенциал к своему развитию сохранила не только Россия, но и другие союзные республики. Правда, это более успешно получилось в тех уже независимых республиках, которые проявили самостоятельность от мировой финансовой системы и где-то даже от своих «родных» банков. Бартер помог предприятиям выжить, а коммерческие векселя и создали лучшие условия для своего восстановления.

Достаточное условие формируется промышленным переворотом и использованием крупной машинной индустрией в массовом производстве товаров. Существенное изменение в системе производственных отношений произошло, когда техника стала производить технику. Воспроизводство дополнилось не только дополнительным потоком обращения и капитального потребления, но еще возникший *рынок труда* приобретает *устойчивый* характер, дополнив качественные изменения системы. С одной стороны, формируется общественный характер производства (!) под влиянием роста масштабов производства, где используется в массовом масштабе техника и узко квалифицированные рабочие, а с другой – происходит специализация капиталов: *торговля оказывается в руках торгового капитала, денежное обращение и кредитование – банков*, а само *производство аккумулируется в руках промышленников и аграриев*. Хозяйственно-экономические цепочки, хотя и требуют устойчивого характера, однако под влиянием всех этих изменений становятся зависимыми от случайных колебаний всех видов рынка и особенно рынка денежного как самого подвижного. И этот посредник товарного обращения приобретает все больше самодовлеющее влияние и значение. Но самое интересное заключается в том, что банки как главный ссудно-денежный институт этот статус доминирующей силы приобретают *юридически абсолютно незаконно*, но под влиянием технико-экономических и социальных изменений вполне *оправданно*. Ведь любой вкладчик не поручал, и это не отражается в договоре депозита, отдавать свои деньги в форме кредита. Т.е. банки используют чужие ресурсы, но *распоряжаются ими как своей частной собственностью*. Следовательно, сам капитал нарушает права частной собственности по праву сильного. Если же еще учесть, что западное сообщество живет в кредит, чем необычайно еще гордилось и пропагандировало эту «добродетель», то заметим – имущество, приобретенное в кредит, принадлежит банку до тех пор, пока заемщик не расплатится за кредит. Это значит, что банковско-финансовые структуры являются действительными собственниками, а не фирмы или граждане стран. Но это сейчас. Возникновение денег предопределило все-таки количественные и качественные параметры во многих хозяйственных отношениях.

Институт денег в форме банков и других соответствующих учреждений, с одной стороны, способствует снижению транзакционных издержек частоте и чистоте функционирования фазы *обращения*, а с другой – позволяет в больших масштабах аккумулировать *капитал, обеспечивая его концентрацию и централизацию*. «Ремесленников и кузнецов, – пишет например Ф. Хайек, – боялись из-за того, что они занимались преобразованием материальных субстанций; торговцев боялись из-за того, что они занимались преобразованием такого неосязаемого качества, как ценность. Насколько же сильнее люди должны бояться банкира, совершающего преобразования с помощью самого абстрактного и бестелесного из всех экономических институтов?!» [5, с. 179]. И действительно, фетиш денег и банков в сознании, особенно сегодня, незаслуженно раздут, что создало условия для как бы (?) признанного сообществом перераспределения создаваемого продукта и стоимости.

Кризис 1825 г. по преимуществу был английским кризисом, поразившим в основном торговую сферу и, следовательно, торговый капитал. Этот кризис подтолкнул рост капитала и рынков вширь и вглубь, распространяясь по всему миру. Принципиальным для этого кризиса было отрицание кустарного и ремесленного производства, ограничение цеховых рамок.

Благодаря созданию паровозного двигателя, новым методам плавки стали активно начинается финансирование железнодорожных путей. Формируется *фондовый рынок* в основном из акций железнодорожных компаний. Частной инициативе объективно не хватало средств – частного капитала и поэтому этот феномен был обусловлен *новой ассоциативной формой – акционерной*. Так начиналось *спекулятивное движение*, которое продолжалось вплоть до 1846 г., когда снова в Великобритании разразился экономический кризис. Интересно заметить, что 19 июля 1846 г. Англия под руководством Пили приняла Акт о чартере Банка Англии, который представлял собой

собой триумф денежной школы Д. Рикардо. Согласно этому Акту запрещалось производить выпуск банкнот, не обеспеченных золотом на 100%. Однако эти запреты не распространялись на депозиты и кредиты, объемы которых увеличились где-то в пять раз, что усилило спекуляции, проявившиеся в кризисе 1847 г. Но его положительной стороной было развитие отраслей горнодобывающей промышленности, железнодорожного строительства, *роста компаний, производящих капитальные блага, а также освоение капиталом новых территорий и сфер деятельности.*

Но день 22 августа 1857 г. стал настоящим днем паники в Нью-Йорке, когда многие банки приостановили свои операции. *Это был первый мировой кризис на базе промышленного капитала.* Он поразил стихийные и хаотичные формы рыночных отношений, потребовав более устойчивых экономических форм. Этот кризис существенно ослабил и авторитет, и научную славу А. Смита и Д. Рикардо. Ведь последние предсказывали стихийным рыночным экономическим формам абсолютно бескризисное развитие. Этот кризис обострил не только экономические, но и социально-нравственные противоречия. В традиционную идеологию того периода медленно, но настойчиво внедряется идеология пролетариата с ее элементами критики капитала, справедливости и стабильности, революционной борьбы. Но этот кризис вызвал к развитию строительство, промежуточные процессы производства, укрепление и *централизацию банковского капитала*, хотя некоторым банкам пришлось закрыться и потерять свою коммерческую самостоятельность. Вышедшие из кризиса и укрепленные за счет промышленного капитала банки активизируют спекулятивные операции с акциями железных дорог, строительных компаний, сталелитейных фирм. В институциональном плане интересна категория *цены производства*, которая в отличие от стоимости через специфическую конкурентную борьбу сформировала «капиталистический коммунизм», выразив это через своеобразный принцип поведения: «равновеликая прибыль на равновеликий капитал» (!).

И все-таки итог – кризис 1873 года. Он уже начался в США, а поводом кроме всего послужила Гражданская война, потребовавшая увеличения затрат на ее ведение. Примечательно, что Франция, которая воздержалась от кредитной экспансии, избежала этой паники и последовавшей за ней тяжелой депрессии. *Принципиально результатом этого экономического кризиса* явилось отрицание индивидуальных форм капитала и устойчивое влияние капитала *ассоциированного – акционерного.* Последний стал более организованным и контролируемым, более прозрачным для управления и контроля. Сформировались основные *сети транспорта*, использование телеграфа изменило и *ускорило систему банковских расчетов*, усилив одновременно возможности и масштабы спекуляций на фондовом рынке. Абсолютно непонятная для «нормальной теории» деятельность *бирж* стала символом или своеобразным «капиталистическим госпланом» для текущей оценки эффективности и ориентиром будущих инвестиций. Накопление знаний в области электричества и изобретение динамо-машины открыли новую сферу вложения капитала – *электроэнергетику.* Электростанции, телеграфно-телефонные станции, метро, судостроение и пр. выступили главными объектами капитальных вложений, которые организовывались с помощью акционерного капитала. Но недооценка возможностей частных потребителей и ограничение спроса снова подвели к *кризису 1903-1907 г.*

Это уже был *кризис акционерного капитала*, который настоятельно требовал поиска иных, более прочных хозяйственных связей. Выход из этой ситуации нашелся в *монополии*, как главной политико-экономической форме, которая предопределила в различных видах своего существования мировое экономическое на целое столетие. Этот кризис больше всего поразил Россию и, по сути, послужил прологом революции 1905-1907 гг., изменив сознание миллионов людей. В США в этот период также лопнуло множество банков. *Факт империализма* как новой и особой стадии развития капитализма с его существенно изменившимися классическими признаками свободы и конкуренции был зафиксирован в ряде теоретических работ, хотя поиск объяснения нового феномена монополий как главного объекта хозяйствования не прекратился по сей день. Конечно, монополия, возникнув,

существенно изменила и сам хозяйственный мир в целом и мир капитала, подчинив, а где-то и поработив более мелкий бизнес. Но если ее отменить, то сам рынок и капитал просто умрут. Выйти из круга влияния *монопольной цены* как главного инструмента регулирования экономики сегодня стало вообще невозможно. Важно также подчеркнуть, что хозяйствование на основе монополий – это уже принципиально новый порядок отношений, где *рынок носит вспомогательный характер*.

Для выхода из этого кризиса появилось немало новых возможностей: изобретение радио, существенные практические достижения в области химии и нефтехимии, автомобиле– и станкостроение, разработка и производство самолетов. Революция в России 1917 г., с одной стороны, отсекала часть рынков сбыта и источников сырья, а с другой – потребовала от остальных стран и капиталов интенсифицировать свою деятельность, чтобы избежать возможных подобных социальных потрясений и у себя в странах. Возникновение *монопольно-банковских* союзов значительно расширило возможности и силу по виду частного, но *по существу ассоциированного – финансового капитала*. Конечно, банки, получившие поддержку крупных промышленных монополий, начали в нарушение всех ранее принятых правил и обязательств наращивать денежную массу. Ведь законы денежного обращения банки трактуют по-своему и в своих интересах. Например, М. Ротбард вычислил, что денежная масса США выросла с 37 млрд. долл. в 1921 г. до 55 млрд. долл. в январе 1929 г. Это совпадает и с теми оценками, которые сделали М. Фридмен и А. Шварц [6, с. 367]. Военная экспансия монополий и политика соответствующих стран наращивала экономическую мощь стран выпуском соответствующей милитаристской продукции и товаров для армии. *Принципиально же изменилось* на этот период соотношение доминант в политико-экономической системе – мира финансов и мира производительного капитала. Именно последние определяли политику и генерировали цикл.

Общим итогом такого развития периода трех десятилетий начала 20 века опять-таки явился *кризис 1929-1933 гг.* Но это уже был кризис мирового масштаба, поразивший с необычайной глубиной почти все индустриально развитые страны. По существу – *это кризис финансово-монополистических форм хозяйствования* и соответствующих производственных отношений. Конкретным поводом этого явилась попытка кредитной экспансией удержать монопольно высокие цены, обеспечив при этом необходимый сбыт продукции. Но не только. Интересно еще и то, что этот кризис абсолютно не подтвердил прогнозы известных Дж. Кейнса, И. Фишера, Р. Хоутри и У. Митчелла. Иначе говоря, это был кризис всей неоклассической теории и особенно ее монетарной ветви.

На тот период профессор И. Фишер³ был одним из самых популярных и авторитетных экономистов. Еще 17 октября 1929 г. он утверждал: «Цены акций достигли того, что можно назвать постоянно высоким плато» [7, с. 210]. Но уже 24 октября 1929 г. пришло первое катастрофическое известие с бирж об обвале цен на акции. А самым разрушительным был вторник 29 октября, когда продавались 33 млн. акций, и рынок упал еще на 49 пунктов. Между 1929 и 1932 гг. из 24000 банков более 5000 разорились. Валовые инвестиции сократились с 15 млрд. долл. в 1929 г. до 1 млрд. долл. в 1932 г. Безработица в США в 1933 г. охватила около 27% активного населения страны. Число банкротств банков и предприятий (особенно малых и средних) по сравнению с кризисом 1907 г. выросло в десятки раз. Разорившиеся банки привели к «экспроприации» (!) вкладов миллионов вкладчиков и дали толчок к дальнейшей централизации капитала. Этот кризис был уже не только кредитным, но и валютным кризисом, *крушением золотого стандарта* почти во всех странах и обесценением их национальных валют. Возникли блоки – «стерлинговый», объединившие Англию и ее колонии, «долларовый», понятно, во главе с США, «золотой блок» стран, придерживающихся

³ В этом кризисе И. Фишер потерял все свои личные сбережения, которые он накопил на разработке калькулятора. Но самое страшное было то, что его ошибки в прогнозах нанесли сокрушительный удар по его академической репутации. Обычно из учебных книг читатели узнают его лишь как автора известного «закона денежного обращения Фишера», хотя у Маркса этот закон значительно богаче, да и высказан значительно раньше.

золотого стандарта (Франция, Бельгия, Швейцария, Голландия, Чехословакия). Кульминационным пунктом кризиса явился отказ национальных государств от платежей по своим займам, т.е. банкротство государственных финансов. Существенно нарушилась и система международного кредита и расчетов, поскольку активизация международных экономических отношений требовала устойчивого эквивалента, принимающего участие в товарообменных операциях. Итак, *мировой экономический кризис 1929-1933 гг.* насильственно отверг прежние экономические формы – *монополии* (промышленные, банковские, промышленно-финансовые группы) и потребовал *новой*, которая бы уже на общественном уровне обеспечивала снижение остроты конфликтов и разрушительных стихийно-рыночных сил от кризисов, иных противоречий. Такой новой политико-экономической формой выступил *государственно-монополистический капитализм или ГМК (ГКК – государственно-корпоративный капитализм*, если использовать нейтральную терминологию).

Сильные политические рычаги государства, дополненные финансовой мощью, сориентировали экономику почти всех стран мира на военные заказы. Возникли и фашистские диктаторские режимы в Европе, которые развитием экономики в этом милитаристском направлении снимают социальное напряжение в своих странах, чем усиливают свою власть и личные амбиции политических лидеров. Конечно, следствием этого является поиск иных горизонтов получения новых источников сырья, рынков сбыта, дешевой рабочей силы. Поэтому вторая мировая война явилось естественным продолжением общего кризиса рыночной цивилизации, с одной стороны, а с другой – формой разрешения этого кризиса. К сожалению, данные о накоплении частных монополий в период этой войны мало публикуются по понятным причинам, но даже из официальной статистики можно увидеть, что американский и немецкие капиталы на этом «проекте века» получили баснословные прибыли. И дело здесь вовсе не в лидерах, имперские качества личностей которых часто называют в качестве причины этой войны. Эти политики, если даже бегло взглянуть на историю их карьеры, явились естественным и удобным орудием большой закулисной игры уже на мировой орбите отношений. Оформился в результате новый экономический порядок, когда идеи традиционного классического либерализма были заменены *государственным империализмом*, основанном на монопольно-банковском союзе или *финансовом капитале*.

Таким образом, принципиальными изменениями периода ГМК явились *новая экономическая идеология* в мире, иные инструменты регулирования (прогнозирование и индикативное планирование), новая валюта (1944 г., Бреттон-Вудс). *Конкуренция смещается из экономической сферы в область территориально-политическую, ориентируя на передел рынков и территорий.* Началась снова подготовка к войне, ведь кроме всего прочего военные заказы обеспечивают суперприбыли, которые никак не вписываются ни в одну теорию рынка. С завершением второй мировой войны оформилось *в систему капиталистическое хозяйство*, равно как и социалистические страны приобрели свой новый качественный статус и влияние в мире. Этот факт трудно отрицать. *Историческим фактом* является и то, что начинается новая волна национально-освободительных революций в развивающихся странах, разрушивших *колониально-политические и военные формы* извлечения доходов индустриально-развитыми странами. И никаких равных рыночных отношений, воспеваемых неоклассиками, между колониями и метрополиями никогда не существовало. На этот момент дешевого сырья и рабочей силы, а также дополнительный рынок сбыта потребительских товаров по завышенным ценам просто академически не обращается внимание. В 1933 г. хлопок составлял почти 85% экспорта Египта уже в США, в 1955 г. джут и хлопок составляли 75% экспорта Чили, 91% экспорта Цейлона составляли чай, каучук, кокосовый орех и пр.

Государственные инвестиции и государственное потребление, поддержанное, безусловно, банковским кредитованием, «разогнали» экономику ведущих и «ведомых» стран⁴. Для этого

⁴ В эти годы формируется новое «общество массового потребления», которое встраивается в общую экономическую идеологию рыночной цивилизации, функционирующей на американской основе социально-политических ценностей (См.: Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М., 1968; Экономические теории и цели общества. М., 1976).

возникла новая и технико-технологическая основа: в 1935 г. изобретают нейлон, автомобиле и авиастроение замыкают формирование *транспортной сети*, которая необходима для физического перемещения капиталов и услуг. В 1946 г. изобретают компьютер, положивший начало *новой сети* – *информационной*, модифицировавшей почти все виды технологий производства и существенным образом изменившей финансово-денежную систему. *Экономическое пространство* уже больше не могло являться преградой для так называемых экономических операций, а понятие «инвестиции» утратило свой первоначальный воспроизводственный смысл.

Через кредитование пытаются финансово-банковские структуры стимулировать деятельность бирж как *основного посредника* между производительным и спекулятивным капиталом. *Парадокс заключается в следующем: кредиты выдавались и выдаются банками для поддержания курса акций, где последние, не имея никакой, кроме фиктивной, ценности, выступают гарантом платежеспособности.* «Прибыли фондовой биржи, – пишет Ф. Хайек, – заработанные в период повышения стоимости капитала в денежном выражении, которые не соответствуют пропорциональному увеличению капитала сверх объема, требующего для воспроизведения эквивалента текущего дохода, и не являются доходом (подч. – П.Л.), а также их использование для потребления может привести к разрушению капитала» [8, с. 83-134]. Поэтому фиктивный капитал, помноженный на фиктивные прибыли, инициируемые государственным империализмом, породил очередной мировой экономический кризис 1974-1975 гг. Но это уже *качественно новый кризис – это кризис государственно-монополистической стадии эволюции капитала.* Начинается абсолютно новая волна либерального движения, которая потеряла, по существу, связь со «старым» классическим либерализмом, в котором все атрибуты свободы и институциональные нормы поведения связывались с производительным капиталом. С этого времени категория «капитал» приобретает достаточно размытый смысл, а понятие «капиталист» вымывается из естественного культурного и экономического оборота. «Предприниматель», «бизнесмен», «деловой человек», «принципал» и пр. – вот это уже новые носители экономических отношений. Уже неважно, что ты произвел или «сотворил», но важно, чтобы ты достиг финансового успеха. Здесь произошел еще больший отрыв от норм экономической этики А. Смита. Новая экономическая этика отношений потребовала и исключения из норм общения категории «наемный рабочий», которое заменяется понятием «экономический агент». Проповедуется равенство всех возможностями финансовой игры на... бирже. Правда, открытым все-таки остается вопрос, а кто все же является организатором этой казино-экономики и кто составляет эти правила игры, в которых первым является правило: кто первым начинает, тот и выигрывает. С этого времени начинается и совершенно новая эпоха в эволюции (мы специально не говорим: развития) экономической науки, ибо в рамках мейнстрима акцент с главной эвристической функции смещается к *идеолого-психологической* как главной и наиболее значимой для общественного мнения, имеющего фундаментальное значение именно для финансового сектора.

После кризиса 1974-1975 гг., таким образом, идет интенсивный процесс *отрицания* индивидуально-национально-капиталистических экономических форм и активизации развития *форм международных и ТНК.* Международные связи и отношения монополий усилились необычайно на всех уровнях и во всех регионах мира, а их роль в мировой политико-экономической системе также неизмеримо возросла. И хотя статистике в силу крайней запутанности организационно-правовых форм международного бизнеса необычайно сложно отразить объективно численность и *политико-экономическую силу* международных монополий и ТНК, все же вряд ли кто будет отрицать почти абсолютную 100-процентную *контролируемость* (!) ими финансово-денежных трансакций мира, доминирующих технологий и энергоресурсов, более чем 90%-й оборот международной торговли, а также факт принадлежности около 80% активов и продукции промышленного производства, 70 % используемой совокупной рабочей силы предприятиями, доля которых составляет примерно 0,1 % их общего количества. К сожалению, ни микро-, ни макроэкономическая теории не дают качественного

анализа кризисов, их движущих сил и превращений, ведущих к новому качеству и дающих возможность социально-экономических прогнозов развития. По этому вопросу занимающийся проблемами кризисов Р. Холл приходит к наиболее наглядному заключению: «Общепринятые модели (микро– макроэкономики – П.Л.) бесполезны для понимания этой рецессии (1990 г. – П.Л.), как и большинства ее предшественников» [9, p. 275-279].

Кризисы 1987 г. («черный понедельник» 19 октября этого года на Нью-Йорской фондовой бирже, давший старт краху фондовым рынкам Японии, Англии), а также 1991, 1998 гг., с одной стороны, углубили разрушения национальных форм капитала, валюты, национальных рынков, воспроизводственных систем, ослабили влияние национальных институтов, а с другой – методом «проб и ошибок» создавали условия и формировали сложный и... почти никем не контролируемый *глобальный капитал*. Кризис и распад социалистической системы хозяйствования в конце 80-х начале 90-х годов, с одной стороны, снял остроту назревших противоречий капитала, что легко доказывается статистикой, а с другой – расширил экономическое пространство и социальную базу для своего функционирования. В-третьих, и это, пожалуй, важнее всего, глобальный капитал выиграл сражение в конкуренции с социализмом, чем получил моральную индульгенцию на все те неблагоприятные поступки, которые он начал нести и которые сегодня начинают вызывать осуждение общественности и не только со стороны антиглобалистов. Но именно со времени сдачи своих позиций странами, которые сегодня получили название постсоциалистических, начали говорить о глобализации как закономерном и объективном явлении. Но чей это проект, каков планируется его результат, какой механизм его работы? Эти и многие другие вопросы еще не созрели для того, чтобы на них были получены принимаемые сообществом ответы.

О глобализации писали немало, но почему-то в этом процессе не представили самого главного – *глобального капитала* как системообразующей количественной и качественной *субстанции*. С нашей точки зрения, такой субстанцией современного мирового хозяйства, мир-экономики, а, следовательно, и глобального капитала является не стоимость, не ценность, не деньги, не материальные активы и даже не финансы. Эти все компоненты уже не имеют решающего значения, ибо они лишь обслуживают функционирование глобального капитала мир-экономики в рамках традиционных форм остальных капиталов, а *институциональная ценность*. Это в высшей степени субъективированная категория подобна бренду товара, но широко выходящая на уровень формирования социально-политических и нравственно-этических и других норм и правил, которые *формируют* современное мирохозяйственное сообщество и *регламентируют* поведение не только субъектов хозяйствования, но и политических акторов стран, потребителей и пр.

Дж. Стиглиц пишет: «Глобализация экономики оказалась выгодной странам, которые ею воспользовались для выхода со своим экспортом на новые рынки и обеспечили условия для притока иностранных инвестиций... Но даже если это так, странами, получившими наибольшие выгоды, оказались те страны, которые взяли свою судьбу в собственные руки и осознали роль, которую государство может сыграть в развитии, вместо того, чтобы положиться на саморегулирующийся рынок, который выдвигает свои собственные проблемы. Но есть еще миллионы людей, на благо которых глобализация не сработала. Многие из них стали жить хуже, поскольку их рабочие места ликвидированы, а их жизнь стала менее безопасной. Они видят, что их демократии подорваны, а культуры подверглись эрозии. ... Глобализация не только не будет способствовать развитию, но и будет продолжать создавать бедность и нестабильность» [10, с. 285]. «... Финансовые рынки по своей сути являются нестабильными; кроме того, существуют общественные потребности, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам. К сожалению, эти недостатки не признаются... Идеология рыночного фундаментализма... глубоко и безнадежно ошибочна. Именно рыночный фундаментализм, – отмечает Дж. Сорос, – сделал систему мирового капитализма ненадежной, ибо он неверно трактует механизм работы рынков и придает им чрезмерно важное значение. Иными словами, рыночные силы, если им предоставить

полную власть в чисто экономических и финансовых вопросах, вызывает хаос и, в конечном счете, могут привести к падению мировой системы капитализма» [11, с. XVII, XXIII]. Приведем также высказывание Л. Туроу относительно механизма функционирования глобального капитала: «Чтобы могла работать глобальная экономика, – пишет Л. Туроу, – потребуется в значительной мере пожертвовать национальным суверенитетом... В течение некоторого периода времени мировая экономическая игра будет происходить в среде, где правила изменчивы – и не вполне понятны. Даже когда они будут написаны и известны, неясно, кто будет проводить их в жизнь. В периоды кусочного равновесия уровень неуверенности чрезвычайно повышается» [12, с. 166].

А если учесть, что в современной мир-экономике лишь 2 % из всех транзакций приходится на транзакции по реальным товарным операциям, а остальные приходятся на спекулятивные «сделки» (!), то, как никогда будут понятны слова Дж.М. Кейнса, высказанные на заре формирования монополистического капитала с его устремлениями извлекать монопольные прибыли: «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дела, – пишет Дж. Кейнс, – трудно ожидать хороших результатов» [13, с. 224]. Люди-игроки всегда подозрительны по отношению друг к другу. Также поступают и страны, фирмы, банки, биржи, занимающиеся сегодня по преимуществу производством (!?) транзакционных издержек для извлечения *глобальной ренты*. Эта подозрительность существенно изменила отношения, как между странами, так и внутри них, усилив неопределенность, риск, а также поставлены под сомнение демократические ценности и права частной (!) собственности – основу капитала.

Страны, специализирующиеся на денежно-финансовых операциях и высоких технологиях *основательно обособились от стран производящих реальные блага*. В свою очередь эти последние обособились от стран, поставляющих на мировой рынок сырье и дешевую рабочую силу. К началу XXI века сложилась ситуация, когда сообщество постиндустриальных стран уже не имеет полноценных конкурентов. По существу мировой рынок – это *монополизированный рынок* без конкурентов. Семь ведущих постиндустриальных держав обладают около 90% компьютерной техники, контролируют почти столько же зарегистрированных в мире патентов и обеспечивают более 90% высокотехнологичного производства.

Произошло *усиление разрыва* не только между богатыми и бедными, но и *между богатыми и бедными странами* в целом. На конец XX в. на 20% мирового населения богатейших стран приходилось 86% мирового валового продукта, на низшую пятую часть лишь 1%. Постиндустриальные страны также лидируют по масштабам загрязнения окружающей среды, хотя их доля в мировом ВВП и населению значительно меньше этой величины. Сложилась ситуация, когда жить так, как расточительно живут богатые страны ни сегодня, ни в будущем невозможно. Ватикан это назвал следующим смертным грехом... Поэтому *вне процессов глобализации* остается более 2 млрд. жителей мира, доходы которых обеспечивают лишь минимальные возможности физического существования. И это вызывает протест в совершенно различных формах и совершенно разных людей по своему социальному статусу, доходам, образовательному уровню и пр. Налицо острейший *институциональный конфликт* современной мир-системы, в основе функционирования которой лежит глобальный капитал – создана *антиэкономика*, утерявшая первоначальный свой смысл – человеческой деятельности, равно как и классические либеральные традиции. И если имущественное неравенство, вскрытое Марксом, сегодня сглажено и заретушировано разного рода теориями, то *информационно-статусное неравенство*, осознанно к тому же культивируемое, практически полностью исключает демократические принципы человеческого общения, свободу выбора и поведения. И это создает крайне серьезную угрозу западной цивилизации с ее ценностями. Американский психолог А. Маслоу так характеризует тип современного западного человека: «Каждый век, кроме нашего, имел свой идеал. Все они были выдвинуты нашей культурой – святой, герой, джентльмен, рыцарь, мистик. А то, что предложили

мы, – хорошо приспособленный человек – это очень бледная и сомнительная замена». Средний американец, как вытекает далее из его оценки, является одиноким человеком, у которого нет настоящего друга. Отсюда неспособность сопротивляться алкоголизму, наркотикам, преступности и вообще ничему [14, с. 388].

Таким образом, *рентная мотивация* – это один из первых признаков современного глобального капитала, а *глобальная рента* является ее конкретным видом проявления, механизм формирования и изъятия которой сложен и мало изучен [15]. Но сегодня это *главное противоречие этапа глобального капитала*. Современный кризис высветил, что национальные рынки и не только финансовые, но и товарные, рынок физических активов капитала и труда, рынок идей и пр. утратили свое состояние *устойчивости* и формирования *тенденции развития*, а также сложившиеся формальные институты не обеспечивают защиты собственности в рамках тех критериев нравственности и справедливости, выработанные еще А. Смитом. По сути, *это было главное завоевание капитала*, которое обеспечивало стимулы для снижения затрат, повышения эффективности и, таким образом, формировало *условия для развития*. А сегодня это *основное противоречие* этапа глобального капитала. Глобальный капитал нарушил основные нормы поведения капитала как главного экономического института рыночной системы – обеспечение равновеликой прибыли на равновеликий капитал. Острота противоречия очевидна: никто как бы конкретно не виноват по законам юридическим (они ведь устанавливаются конкретными людьми и под конкретные интересы), но никак не координируются с законами экономическими – произведенная стоимость не может исчезнуть бесследно, хотя вполне может изменить свою форму и (или) субъекта присвоения. Иначе говоря, законы права подавили и узурпировали законы экономические. Нравственно-этические законы и принципы вообще исчезли из правил человеческого общения в этой эпохе. А в результате, как пишет Нобелевский лауреат П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы – только что из колледжа – в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» (подч. – П. Л.) [16, с. 55].

Названное противоречие выразилось в том, что молниеносно преобразуясь и концентрируясь благодаря информационным технологиям, «новый» фиктивный капитал спровоцировал или, что называется, *создал ситуацию 2008 года, которую тоже назвали кризисом*. И действительно, некоторые критерии реальной ситуации вполне соответствовали понятию «кризис». Особенно это относится к падению котировок известных компаний «старого капитала» тяжелых активов, которые составляют надежный остов реальной экономики, но которые уступили свое право оценивать силу и цену своего бизнеса. Это фундаментальный парадокс практики глобального капитала, но еще больший парадокс того, что такая практика признается *рациональной*, хотя иррациональность движения фондового рынка очевидна. А поскольку, таким образом, падение курса акций известных компаний автоматически поставило последних перед кредиторами в разряд должников из-за снижения или даже простого «обнуления» экономического обеспечения кредитов в банках, то, как бы (?..), вполне естественным выглядит передача акций за символическую плату тем, кто владеет на текущий период ликвидным материалом, т.е. банкам или финансовым компаниям.

Для этого же создан *особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает миллионы людей своих сбережений*, а счет можно предъявить только к феноменологии рынка. То есть ни к кому. Действительно, вызывает не только недоумение, но и протест, то обстоятельство, что американские граждане по результатам последнего кризиса потеряли 7 трлн. долл., а банки всего лишь 1 трлн. долл. Но самая массовая и активная помощь оказывалась не теряющим свое последнее богатство гражданам, а банкам. Иначе говоря, «невидимая рука» А. Смита превратилась в «грабящую руку» финансово-денежного капитала, который не только вышел из-под общественного контроля, но сам навязал свой «порядок» остальным видам капитала и экономическим агентам. Под влиянием

разных факторов современный капитал действительно существенно переродился. Он не делит уже самостоятельность и ответственность за свои действия, а *предпочитает приватизировать доходы*, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки и другие негативные последствия. Транзакционные издержки в мировом ВВП уже составляют большую его половину (!). А это уже крайне серьезное свидетельство о неэффективности общественной организации и деятельности современных рыночных институтов. Нобелевский лауреат по экономике М. Алле пишет: «В действительности глобалистская экономика, которую представляют нам в качестве панацеи, знает один единственный критерий – «деньги». У нее есть один культ – «деньги». Лишенная каких-либо этических соображений, она может лишь сама разрушить себя» [17, с. 143]. Представляется, современный мировой экономический кризис вполне своими результатами и последствиями доказывает *разрушение глобального капитала*, чем создает предпосылки на свое новое качество – *метакapитал*, соединяющий многие черты прошлого, сложного настоящего и, безусловно, будущего.

Таким образом, современный кризис мирового хозяйства глобального капитала – это *кризис парадигмы самого капитала* не только в практике, но и в теории. Первое обстоятельство проявляется в том, что современная теория не накопила никаких аналитических инструментов исследования кризисов после К. Маркса. Во-вторых, мягко скажем, в нем больше сознательного и планируемого, нежели стихийного и индивидуально конкурентного. *Мир-экономика* сегодня представляет собой *многоукладную систему*, в которой взаимодействуют простое товарное производство, малый, средний и крупный бизнес, фирмы-аутсайдеры, монополии, банковские монополии, финансовый капитал, ТНК. Эту сложную для изучения и для эффективного управления пирамиду «возглавлял» до настоящего времени *глобальный капитал*, который и задавал правила, нормы поведения всей мир-системы, ее циклы и траекторию. Сегодня эта сложная пирамида серьезно закачалась, в том числе, и под влиянием кризиса. П. Кругман пишет: «...История предполагает, что экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих» [16, с. 458]. Равновесие на новой основе актуально, но это должно быть институционально-социальное равновесие, дополненное нормативными оценками справедливости.

Сегодня можно наблюдать всего лишь очередной этап формирования мир-системы, в котором компьютерные технологии смогли обеспечить новую сеть – информационную. Но сеть эта, невзирая на растущее число пользователей Интернет, крайне усеченная. К тому же в *ней информация достаточно структурированная с точки зрения доступа к ее различным базам данных*. *Новый метод коммуникации породил удивительное сочетание правды и вымысла, что само по себе подрывает доверие к данному источнику информации*. А без этого, как известно, *какая-то серьезная аналитическая деятельность теряет свою основу и перспективу для применения*. О мир-экономике можно говорить в смысле взаимодействия целого и частей, т.е. региональных экономик, которые в какой-то степени могут оказать влияние на ее равновесие, жизнедеятельность, тенденции к развитию. Поскольку современный мир даже в некотором своем целостном образовании представлен *крайне диспропорциональным и неравномерным уровнем развития*, то также и глобализация по-разному воздействует на отдельные регионы, страны, сферы, хозяйствующих субъектов. Соответствовать или не соответствовать духу времени глобальных процессов является делом участников происходящих в мире социально-экономических процессов. Следует просчитывать выгоды и издержки от данного явления. Например, Республика Беларусь значительно меньше пострадала от финансовых кризисов 1998, 2008 гг. по элементарной причине – слабой интеграции в мировые финансовые структуры. Безусловно, международные институты и сообщества могут пытаться и пытаются установить единые стандарты поведения участников политико-экономических процессов. Но понимание *причин и содержания* этих процессов вполне

может обеспечить в переговорных отношениях приоритет, мягко говоря, умнейшему, который создает страховочные защитные комплексы. Это при условии, что критерием принятия решения будет *государственное мышление*, которое размылось. В этом, впрочем, еще одно проявление глобализма. Патриотизм национальный заменяется патриотизмом корпоративным, коалиционным и клановым. Здесь следует разграничить действительно возникшие интересы мир-системы, обусловленные ее целостным образованием и глобальными проблемами от интересов корпораций, национальных культур и экономик. На глобальном уровне возникла проблема *согласования национальных интересов* тех стран, которые хотя бы заявляют о своих мотивах и интересах. Зная это, можно видеть, как заинтересованные и сильные институты в основном формируют и национальные правительства.

Фактом же является то, что возникла новая форма частной собственности – *право на формирование международных институтов и правил игры*, которые в силу известных причин дают возможность извлекать глобальную ренту в виде *институциональной ренты*.

В теоретическом отношении здесь обнаруживается ряд проблем. Первая – сделать более или менее реалистичный прогноз развития мир-экономики хотя бы на ближайшие два-три десятка лет. Вторая проблема заключается в изменении закономерностей институционального устройства мировой социально-экономической системы, национальных институтов, определение механизма их экспорта-импорта и особенностей неконфликтного формирования, например, *метаинститутов*. Институциональное планирование позволит в целом снизить транзакционные издержки и увеличить общий полезный эффект за счет реконструкции национальных рамок. В-третьих, следовало бы более конкретно и основательно «экономической теории» разобраться с *интересами*, которые обслуживают эти международные институты, и механизмом их деятельности, функционирования. Так называемые «случайные величины» приобрели доминирующее значение над жестко обозначенными линейными детерминантами развития. Сейчас также можно наблюдать «накопление случайных величин», позволяющих ряду стран приобрести современную технико-экономическую базу для своего устойчивого развития в будущем. Они закладывают свой внутренний «порядок» из внешнего всеобщего «хаоса». Если сказать более четко, то речь идет о такой, казалось бы, далекой от экономики сферы как культура, но которая выступает и институциональным фундаментом и одновременно результатом человеческого хозяйствования. *Если некая экономическая модель способствует накоплению культурных ценностей, традиций, то, безусловно, в долгосрочном периоде она тяготеет к относительно устойчивому развитию. И наоборот.* И если в модели нет жизни, как цели хозяйствования, то такая система неустойчива и склонна к кризисам. Это подтверждает практика. Практика также подтверждает, что *сама кризисность мира обеспечивает пока еще внушительную доходность информационно-финансово-политическому капиталу*, который, являясь в структуре капитала главным!? элементом, проводит рискованные спекулятивные операции на ресурсных, политических, фондовых и валютных рынках. От этого трудно отказаться. Но ситуация на уровне глобальных финансов усложняется тем, что возрастает риск неуправляемости, неконтролируемости и, следовательно, *всеобщего экономического хаоса и очередного мирового кризиса*. «Истинная редкость в мире, – пишет тот же П. Кругман, – это не ресурсы и даже не добродетели, а понимание происходящего... Но я уверен, что единственными важными структурными преградами на пути к процветанию мира являются устаревшие доктрины, которые затуманивают мышление людей» [18, с. 296].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл : вклад XX столетия в экономическую теорию / У. Баумоль // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 73–107.
2. Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории / Дж. Стиглиц // Эковест. – 2003. – Вып. 3. – С. 336–421.
3. Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность : трактат по экономической теории / Людвиг фон Мизес ; [пер. на рус. яз. А.В. Куряева]. – М.: Экономика, 2000. – 875 с.
4. Маркс К. Сочинения: в 30-ти т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 26. Ч. I. – 476 с.
5. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма : [пер. с англ.] / Ф.А. Хайек ; под ред. У.У. Бартли III. – М.: Новости, 1992. – 302 с.
6. Уэрта де Сото, Хесус. Деньги, банковский кредит и экономические циклы : [пер. с англ.] / Хесус Уэрта де Сото. – Челябинск : Социум, 2008. – 661 с.
7. Anderson Benjamin. Economics and the Public Welfare – A Financial and Economic History of the United States, 1914-46 / Benjamin Anderson. – Indiana: Liberty Press, 1979. – 595 p.
8. Hayek F.A. The Maintenance of Capital. *Economica* / F.A. Hayek. – August, 1934. – chap. 3.
9. Hall R. Macro Theory and the Recession of 1990-1991 [Electronic resource] / R. Hall. – Access mode: <http://www.stanford.edu/~rehall/Macro%20Theory%20Recession%201993.pdf>.
10. Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Дж.Ю. Стиглиц ; [пер. с англ. Г.Г. Пирогова]. – М.: Мысль, Нац. обществ.-науч. фонд, 2003. – 300 с.
11. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности / Дж. Сорос; пер. с англ. С.К. Умрихиной, М.З. Штернгарца. – М.: Изд. дом «Инфра-М», 1999. – 260 с.
12. Туроу Л.К. Будущее капитализма: как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Л.К. Туроу ; пер. с англ. А.И. Федорова. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – 430 с.
13. Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег ; пер. с англ. / Д.М. Кейнс ; общ. ред. и предисл. А.Г. Милейковского, И.М. Осадчей. – М.: Прогресс, 1978. – 494 с.
14. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу ; пер. с англ.: Г.А. Балл, А.П. Попогребский ; под общ. ред. Г.А. Балла [и др.]. – М.: Смысл, 1999. – 423 с.
15. Лемещенко П.С. Социально-институциональная природа финансового кризиса [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ecsosman.hse.ru/data/2011/04/20/1268025671/JIS2.4-8.pdf>
16. Кругман П. Великая ложь / П. Кругман ; пер. с англ. Д. Павловой. – М.: АСТ, 2004. – 474 с.
17. Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность ; пер. с фр. / М. Алле. – М.: Теис, 2003. – 314 с.
18. Кругман П.Р. Возвращение великой депрессии?: [мировой кризис глазами нобелевского лауреата ; пер. с англ.] / П.Р. Кругман. – М.: Эксмо, 2009. – 334 с.

К ВЫРАБОТКЕ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Сысоев Сергей Александрович

соискатель степени кандидата экономических наук. Белорусский государственный университет, кафедра теоретической и институциональной экономики
г. Минск, Беларусь. E-mail: a900450@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена методика оценки уровня социального капитала на метауровне отдельных стран. В разработанной автором методике используется система статистических показателей, аккумулируемых национальными статистическими службами и международными организациями.

Ключевые слова: социальный капитал; измерение; компоненты; методы; метауровень; статистические показатели

Код УДК: 330.142

Annotation. The article examines the methodology of social capital's level estimation at metalevel which is the level of individual countries. This methodology uses the system of statistical indicators accumulated by different national and international statistical organizations.

Keywords: social capital; measuring; components; methods; levels; metalevel; statistic indexes

ВВЕДЕНИЕ

Человек накапливает социальный капитал в отношениях с родителями, родственниками, друзьями, соседями, коллегами по работе, другими знакомыми и незнакомыми людьми [1].

Рассмотрим, каким образом можно оценить уровень социального капитала, накопленного жителями того или иного региона или страны. Исследование литературы, посвященной проблеме измерения социального капитала, показывает, что создание методики оценки социального капитала не является простой задачей. Например, для измерения величины совокупного дохода жителей той или иной страны мы можем применить простое суммирование доходов отдельных домашних хозяйств, проживающих на данной территории, которые были получены в течение какого-то промежутка времени.

Социальный капитал возникает, если человек строит свои отношения с другими людьми на основе открытости, взаимопомощи, учета прав окружающих. Поэтому при известном упрощении многообразия социальных отношений, уровень социального капитала будет определяться характером отношений, которые существуют у человека с самим собой, с членами семьи, с другими членами общества. На рис. 1 представлены сферы человеческих отношений, которые оказывают влияние на социальный капитал, накапливаемый на различных уровнях социально-экономической системы.

Рис. 1. Сферы, характер отношений в которых оказывает влияние на уровень социального капитала

Отношение человека к самому себе напрямую не влияет на уровень социального капитала жителей того или иного региона. Однако отношение человека к самому себе, а также его мировоззрение и система ценностей создают фундамент для тех или иных его поступков, которые могут положительно или отрицательно влиять на социальный капитал.

Например, если у человека есть возможность реализовывать свои планы, то он положительно относится к жизни, самому себе и в большей степени ориентирован на помощь другим и альтруистические поступки. Наоборот, если человек на длительное время остается без работы и лишается возможности содержать себя и свою семью, то депрессивное состояние постепенно нарастает, а отсутствие средств к существованию толкает человека на противоправные поступки. Это негативно сказывается на коммуникациях человека с другими людьми и уровне социального капитала в обществе в целом.

В свою очередь, семья является ключевым институтом общества. На родителях лежат обязанности по воспитанию детей, а на детях – забота о родителях в старости. Семья накапливает финансовый и человеческий капитал, и в случае необходимости может оказать человеку финансовую и моральную поддержку. Если семья под влиянием внешних и внутренних факторов разрушается – это наносит серьезный ущерб, как ее членам, так и обществу в целом.

Определив сферы, характер отношений в которых оказывает влияние на уровень социального капитала человека, используем следующую формулу чтобы рассчитать уровень социального капитала жителей того или иного региона или страны:

$$CK_{Ж} = \sum_n^1 (CK_B + CK_C + CK_O) \quad (1)$$

где,

n – численность жителей того или иного региона или страны;

$CK_{Ж}$ – уровень социального капитала, накопленного жителями той или иной страны;

CK_B – уровень социального капитала, определяемого характером отношений человека к самому себе;

СК_с – уровень социального капитала, определяемого характером отношений человека к семье;

СК_о – уровень социального капитала, определяемого характером отношений человека к обществу.

Для того, чтобы определить **уровень социального капитала**, который зависит от отношения человека к самому себе, семье и другим членам общества, мы использовали такие показатели как: количество суицидов на 100 тыс. населения; потребление алкоголя на душу населения, пересчитанное в спирт; соотношение количества родившихся и умерших на 1 000 человек; соотношение браков и разводов на 1 000 человек; количество убийств на 100 тыс. человек; численность заключенных на 100 тыс. человек. В табл. 1 представлены показатели, позволяющие оценить уровень социального капитала, зависящего от характера отношений в той или иной сфере человеческой жизнедеятельности.

Таблица 1

Показатели, позволяющие оценить уровень социального капитала

Сфера коммуникаций		
Показатели отношения человека к самому себе	Показатели Отношение человека к семье	Отношение человека к обществу
Количество суицидов на 100 тыс. населения	Соотношение браков и разводов на 1 000 человек	Количество убийств на 100 тыс. человек
Потребление алкоголя на одного жителя страны старше 15 лет, пересчитанное в спирт	Соотношение количества родившихся и умерших на 1 000 человек	Численность заключенных на 100 тыс. человек

Уровень социального капитала, который складывается под влиянием отношения человека к самому себе, может быть определен на основании количества суицидов на душу населения за тот или иной период, а также количества потребленного алкоголя.

Суицид характеризует крайнюю степень неприятия жизни, глубокий внутренний конфликт. Чем выше показатель суицидов в стране, тем хуже ее граждане относятся к самим себе, и тем меньше социального капитала остается в их распоряжении.

Показатель потребления алкоголя в пересчете на одного жителя страны при анализе уровня социального капитала имеет важное значение. Во-первых, чрезмерное потребление алкоголя является ярким индикатором комплекса внутренних нерешенных проблем человека. Во-вторых, от чрезмерного потребления алкоголя – алкоголизма, страдает не только сам человек, но и его близкие, соседи, коллеги по работе. Поэтому коммуникации человека, чрезмерно потребляющего алкоголь, характеризуются дефицитом социального капитала, так как девиантное поведение пьющего человека порождает вокруг него социальный вакуум. В-третьих, потребление алкоголя подталкивает человека к совершению противоправных действий. Исходя из этого, значительное потребление алкоголя в стране приводит к разрушению социального капитала в обществе в целом.

Для измерения уровня социального капитала, формирующегося под влиянием отношений, складывающихся у человека с членами семьей, мы использовали такие показатели

как соотношение браков и разводов на 1 000 человек и соотношение количества родившихся и умерших на 1 000 человек. По данным международной статистики, в ряде стран на два брака приходится один развод. Это свидетельствует, во-первых, о дефиците социального капитала внутри семьи, во-вторых, о постепенном разрушении семьи, как института общества. В свою очередь показатель соотношения рождаемости и смертности имеет глубокое внутреннее содержание. Желание семьи завести ребенка, количество детей, которое семья хочет иметь, тесно связано с ценностными установками, мировоззрением, культурными и религиозными традициями, прогнозированием будущего. Если большинство семей не хочет иметь больше чем одного ребенка и естественная убыль населения начинает превышать рождаемость, то это говорит о серьезных проблемах внутри общества, в том числе, связанных с дефицитом социального капитала.

Уровень социального капитала, который складывается под влиянием отношения человека к обществу, окружающим людям может быть измерен при помощи показателей преступности. Преступность – деструктивное отношение человека как к институтам общества в целом, так и отдельному человеку в частности. На готовность человека пойти на преступление оказывает влияние полученное воспитание в семье, успешность социализации в школе и университете, социальное окружение человека.

Анализ статистических данных разных стран в области преступности показал, что в одних странах статистический учет охватывает весь массив правонарушений, от мелких до тяжких, в других – только социально-опасные преступления. В результате для анализа характера отношения человека к обществу были использованы показатели количества убийств на 100 тыс. человек и показатель численности заключенных на 100 тыс. человек.

Для оценки уровня социального капитала нами была разработана балльная шкала, отражающая зависимость между значением исследуемого статистического параметра, определяющего характер складывающихся отношений в той или иной сфере и уровнем социального капитала. Балльная шкала оценки уровня социального капитала представлена в табл. 2.

Таблица 2

Балльная шкала оценки уровня социального капитала

Балльная оценка статистического параметра, характеризующего социальный капитал	1	2	3	4	5	6
Характеристика уровня социального капитала	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий	Очень высокий

На основе построенной шкалы, значение каждого статистического показателя может быть проранжировано от 1 до 6. Уровень социального капитала также ранжируется от 1 до 6, при этом 1 соответствует низкий уровень, 6 – очень высокий уровень социального капитала.

С учетом применяемых статистических параметров уровень социального капитала в том или ином регионе или стране может быть рассчитан по следующей формуле:

$$СК_{ж} = \frac{(П_{КС} + П_{ПА})}{2} + \frac{(П_{СБР} + П_{СРУ})}{2} + \frac{(П_{КУ} + П_{КЗ})}{2} \quad (2)$$

где,

СК_ж – уровень социального капитала, накопленного жителями той или иной страны;

П_{кС} – показатель количества суицидов на 100 тыс. населения в год;

П_{ПА} – показатель потребления алкоголя на одного жителя страны старше 15 лет в год;

П_{СБР} – показатель соотношения браков и разводов на 1 000 человек в год;

П_{СРУ} – показатель соотношения браков и разводов на 1 000 человек в год;

П_{КУ} – показатель количества убийств на 100 тыс. человек в год;

П_{КЗ} – показатель численности заключенных на 100 тыс. человек в год.

Используя данные национальных статистических служб, международных организаций рассчитаем уровень социального капитала в 2007-2009 гг. в России, Беларуси, Германии, Финляндии и Швеции.

А. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К САМОМУ СЕБЕ

В табл. 3 представлены данные о числе суицидов из расчета на 100 тыс. человек в России, Беларуси, Германии, Финляндии и Швеции.

Таблица 3

Количество суицидов в России, Беларуси, Германии, Финляндии и Швеции в 2007-2009 гг., суицидов на 100 тыс. человек

Страна	2007	2008	2009
Россия	29,1	27,0	26,5
Беларусь	27,4	27,5	28,9
Германия	11,4	11,5	11,7
Финляндия	18,8	17,3	19,3
Швеция	15,0	12,7	12,7*

* предварительная оценка

Источник: данные национальных статистических служб и исследовательских центров, международных организаций [2, 3, 4, 5, 6]

Приведенные в таблице данные показывают, что в 2007-2009 гг. число самоубийств в рассматриваемых странах практически не изменялось. Например, в 2007 г. России на 100 тыс. человек приходилось 29,1 самоубийств, в 2009 г. – 26,5 на 100 тыс. человек. Снижение самоубийств в 2007-2009 гг. было зафиксировано в Швеции. Здесь число самоубийств сократилось с 15 на 100 тыс. человек в 2007 г. до 12,7 в 2008-2009 гг. В Беларуси и Финляндии количество суицидов из расчета на 100 тыс. человек в рассматриваемом периоде, наоборот, возросло и составило в 2009 г. в Беларуси 28,9 суицидов на 100 тыс. человек, в Финляндии – 19,3 суицидов на 100 тыс. человек.

Анализ представленных в таблице данных показывает, что в России и Беларуси количество самоубийств значительно выше, чем, например, в Германии. Так в 2009 г. уровень самоубийств в России был в 2,3 раза выше, чем в Германии, в Беларуси – в 2,5 раза выше.

Для классификации стран по уровню самоубийств из расчета на 100 тыс. человек мы использовали градацию количества самоубийств, принятую Harvard School of Public Health [7]. Это связано с тем, что специалисты Всемирной организации здравоохранения для классификации стран предлагают использовать только три уровня числа самоубийств на 100 тыс. человек [8]. Шкала с тремя интервалами не позволяет провести глубокий анализ. В табл. 4 представлена балльная шкала уровня социального капитала в зависимости от количества самоубийств.

Таблица 4

Шкала градации уровня социального капитала в зависимости от количества самоубийств

Уровень социального капитала	6	5	4	3	2	1
Число суицидов из расчета на 100 тыс. человек	6 <	6,0-9,9	10,0-11,9	12,0-14,9	15,0 - 20,9	> 21

Источник: балльная оценка разработана на основании классификации уровня самоубийств Harvard School of Public Health [7]

Чем выше уровень самоубийств, тем ниже уровень социального капитала. Используем полученную шкалу для оценки уровня социального капитала в рассматриваемых странах (табл. 5).

Таблица 5

Ранжирование стран по уровню социального капитала, измеряемого с помощью показателя количества самоубийств

Страна	2007	2008	2009
Россия	1	1	1
Беларусь	1	1	1
Германия	4	4	4
Финляндия	2	2	2
Швеция	2	3	3*

* предварительная оценка

Источник: расчетные данные, полученные автором

Ранжирование стран показывает, что по уровню социального капитала, измеряемого с помощью показателя самоубийств, страны получили следующие баллы в 2009 г.: Россия и Беларусь – 1, Финляндия – 2, Швеция – 3, Германия – 4. При этом в рассматриваемом периоде только Швеция повысила балльную оценку уровня социального капитала.

Рассмотрим динамику потребления алкоголя в России, Беларуси, Германии, Финляндии и Швеции. Согласно принятой методике расчет потребления алкоголя на душу населения осуществляется при помощи пересчета суммарно потребленного в течение года алкоголя различной крепости, например, пива, вина, водки, в чистый спирт [9].

Международные организации и европейские статистические службы рассчитывают потребление алкоголя на одного жителя страны старше 15 лет, статические службы России и Беларуси рассчитывают потребление алкоголя на одного жителя страны независимо от возраста. Для того, чтобы привести данные о потреблении алкоголя в России и Беларуси в сопоставимый вид с данными о потреблении алкоголя в странах Европы, мы, используя данные об общей численности населения в России и Беларуси и данные о численности населения старше 15 лет, осуществили пересчет потребления алкоголя из расчета на одного жителя страны старше 15 лет. Полученные данные представлены в табл. 6.

Таблица 6

**Потребление алкоголя на одного жителя страны старше 15 лет,
литров чистого спирта в год**

Страна	2007	2008	2009
Россия	21,1	21,1	17,7
Беларусь	13,7	14,5	14,1
Германия	12,0	9,9	9,9*
Финляндия	8,7	10,3	10,2
Швеция	6,8	6,9	7,4

* предварительная оценка

Источник: данные национальных статистических служб и исследовательских центров, международных организаций. Для России и Беларуси данные пересчитаны с учетом возраста [2, 3, 4, 5, 6]

Представленные в таблице данные показывают, что в рассматриваемом периоде потребление алкоголя в России сократилось с 21,1 до 17,7 л. чистого спирта в год. Также в 2007-2009 гг. потребление алкоголя снизилось в Германии. В Беларуси, Финляндии и Швеции потребление алкоголя, наоборот, возросло. Например, в Финляндии потребление алкоголя увеличилось с 8,7 л. чистого спирта в 2007 г. до 10,2 л. в 2009 г. Для определения уровня социального капитала в зависимости от объема потребления алкоголя была использована классификация стран по уровню потребления алкоголя на душу населения, применяемая Всемирной организацией здравоохранения [10]. Шкала для ранжирования представлена в табл. 7.

Таблица 7

Шкала градации уровня социального капитала в зависимости от уровня потребляемого алкоголя из расчета на одного жителя страны старше 15 лет, литров чистого спирта

Уровень социального капитала	6	5	4	3	2	1
Потребление алкоголя, л. чистого спирта в год.	<2,5	2,5-4,99	5-7,49	7,5-9,99	10,00-12,49	>12,5

Источник: Всемирная организация здравоохранения [10]

Как уже упоминалось выше – чем выше уровень потребления алкоголя, тем хуже отношение человека к самому себе, и тем ниже уровень социального капитала. Данные, полученные в результате ранжирования стран по уровню социального капитала, измеряемого при помощи показателя потребления алкоголя, представлены в табл. 8

Таблица 8

Ранжирование стран по уровню социального капитала, измеряемого при помощи показателя объема потребляемого алкоголя на одного жителя страны старше 15 лет

Страна	2007	2008	2009
Россия	1	1	1
Беларусь	1	1	1
Германия	2	3	3*
Финляндия	3	2	2
Швеция	4	4	4

* предварительная оценка

Источник: расчетные данные, полученные автором

Ранжирование стран по уровню социального капитала, измеренного с помощью показателя потребленного в стране алкоголя, позволило установить, что наиболее низкий уровень социального капитала существует в России и Беларуси. Балльная оценка уровня социального капитала в Финляндии в 2007-2009 гг., понизилась с 3 до 2. Снижение потребления алкоголя позволило Германии в рассматриваемом периоде увеличить балльную оценку уровня социального капитала с 2 до 3. Балльный показатель Швеции во всем рассматриваемом периоде оставался стабильным на уровне 4.

В. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К СЕМЬЕ

Как уже отмечалось выше уровень социального капитала в семье можно определить при помощи двух показателей – соотношения браков и разводов и соотношения родившихся и умерших. Для расчета соотношения браков и разводов мы использовали данные Всемирного банка о количестве браков и разводов на 1 000 человек населения. Полученные расчетные данные представлены в табл. 9.

Таблица 9

Соотношение браков и разводов на 1 000 человек населения

Страна	2007	2008	2009
Россия	1,8	1,7	1,7
Беларусь	2,5	2,1	2,2
Германия	2,0	2,0	2,0
Финляндия	2,2	2,3	2,2
Швеция	2,4	2,4	2,2

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного банка [11]

Анализ данных показывает, что например, в России, в 2007-2009 гг. соотношение количества браков и разводов уменьшилось с 1,8 до 1,7. Если рассматривать динамику изменения соотношения браков и разводов в России в более длительной исторической перспективе, то можно увидеть, что сегодняшнее соотношение браков и разводов является следствием долгосрочных изменений. Для составления шкалы, отражающей зависимость уровня социального капитала от соотношения браков и разводов, была использована статистика Всемирного банка, охватывающая данные о количестве браков и разводов на 1 000 человек населения в 90 странах мира [11]. Полученная шкала представлена в табл. 10.

Таблица 10

Шкала градации уровня социального капитала в зависимости от показателя соотношения количества браков и разводов на 1000 человек населения

Уровень социального капитала	6	5	4	3	2	1
Соотношение браков и разводов из расчета на 1000 человек	> 6	5 - 6	4 - 5	3 - 4	2 - 3	< 2

Источник: балльная оценка разработана на основе данных Всемирного банка [11]

Данные, полученные в результате ранжирования стран по уровню социального капитала, измеряемого с помощью параметра соотношения браков и разводов, представлены в табл. 11.

Таблица 11

Ранжирование стран по уровню социального капитала, измеряемого при помощи показателя соотношения браков и разводов

Страна	2007	2008	2009
Россия	1	1	1
Беларусь	2	2	2
Германия	2	2	2
Финляндия	2	2	2
Швеция	2	2	2

Источник: расчетные данные, полученные автором

Представленные в таблице данные показывают, в рассматриваемых странах из-за высокого уровня разводов накопление социального капитала на уровне семьи сопряжено со значительными трудностями и страны имеют невысокую балльную оценку уровня социального капитала.

Показатель соотношения рождаемости и смертности на 1000 чел. существенно варьируется в зависимости от рассматриваемой страны. Так, расчеты показали, что в 2009 г. в Турции рождаемость превосходила смертность в 2,9 раза, в Иране – в 3,3 раза, в Израиле – 4,1, в Саудовской Аравии – в 6,5 раза [11]. Сопоставление этих данных с показателем соотношения родившихся и умерших в России, Беларуси, Германии, Финляндии, Швеции показывает, что в рассматриваемых странах рождаемость не только существенно ниже, чем, например, в странах арабского мира, но в ряде стран наблюдается превышение смертности над рождаемостью. Данные о соотношении родившихся и умерших из расчета на 1 000 человек населения, представлены в табл. 12.

Таблица 12

Данные о соотношении родившихся и умерших из расчета на 1 000 человек населения

Страна	2007	2008	2009
Россия	0,8	0,8	0,9
Беларусь	0,8	0,8	0,8
Германия	0,8	0,8	0,8

Страна	2007	2008	2009
Финляндия	1,2	1,2	1,2
Швеция	1,2	1,2	1,2

Источник: расчетные данные, полученные автором

Представленные в таблице данные показывают, что в таких странах как Россия, Беларусь и Германия смертность превышает рождаемость. В Финляндии и Швеции рождаемость незначительно превышает смертность.

На основании данных, о соотношении рождаемости и смертности в различных странах мира автором была разработана шкала зависимости уровня социального капитала от соотношения родившихся и умерших на 1 000 жителей страны (табл. 13).

Таблица 13

Балльная шкала оценки уровня социального капитала в зависимости от соотношения родившихся и умерших на 1 000 чел. жителей

Уровень социального капитала	6	5	4	3	2	1
Соотношение родившихся и умерших на 1 000 чел. населения	> 5	4-5	3-4	2-3	1-2	0-1

Источник: балльная оценка разработана на основе данных Всемирного банка [11]

Полученные результаты ранжирования стран в зависимости от уровня социального капитала на основе показателя соотношения родившихся и умерших представлены в табл. 14.

Таблица 14

Ранжирование стран по уровню социального капитала, измеренного на основе показателя соотношение родившихся и умерших

Страна	2007	2008	2009
Россия	1	1	1
Беларусь	1	1	1
Германия	1	1	1
Финляндия	2	2	2

Страна	2007	2008	2009
Финляндия	2	2	2

Источник: расчетные данные, полученные автором

Представленные в таблице результаты расчетов показывают, что в 2007-2009 гг. в России, Беларуси и Германии балльная оценка уровня социального капитала составила 1, в Финляндии и Швеции – 2.

С. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ОБЩЕСТВУ

Социальный капитал, формирующийся у человека в коммуникациях с другими членами общества, как уже отмечалось выше, может быть измерен с помощью показателя количества убийств на 100 тыс. населения страны и показателя количества заключенных в пересчете на 100 тыс. населения. Статистические данные о количестве убийств в России, Беларуси, Германии, Финляндии и Швеции представлены в табл. 15.

Таблица 15

Количество убийств в год, на 100 тыс. человек

Страна	2007	2008	2009
Россия	15,6	14,2	12,5
Беларусь	6,6	5,6	6,0
Германия	0,8	0,8	0,8*
Финляндия	2,4	2,5	2,1
Швеция	1,2	0,9	1,0

* предварительная оценка

Источник: данные национальных статистических служб и исследовательских центров, международных организаций [2, 3, 4, 5, 6]

Представленные в таблице данные показывают, что по количеству убийств рассматриваемые страны существенно отличаются друг от друга. Так, если в 2007 г. в России было зафиксировано 15,6 убийств на 100 тыс. человек, то в Беларуси – 6,6, в Германии – 0,8, в Финляндии – 2,4, в Швеции – 1,2 убийств на 100 тыс. человек. При этом в России количество убийств из расчета на 100 тыс. человек в рассматриваемом периоде постепенно снижалось, в Беларуси, Германии, Финляндии и Швеции претерпевало незначительные колебания. Для оценки уровня социального капитала на основе показателя количества убийств из расчета на 100 тыс. человек была использована классификация стран по уровню убийств, применяемая Управлением ООН по наркотикам и преступности. Полученная шкала представлена в табл. 16.

Таблица 16

Шкала уровня социального капитала в зависимости от количества убийств на 100 тыс. жителей страны

Уровень социального капитала	6	5	4	3	2	1
Количество убийств на 100 тыс. человек	0-3	4-5	6-10	11-20	21-25	>25

Источник: United Nations Office on Drugs and Crime [12]

Классификация выбранных стран по уровню убийств на 100 тыс. человек представлена в табл. 17.

Таблица 17

Ранжирование стран по уровню социального капитала, измеренного на основе показателя количества убийств на 100 тыс. населения

Страна	2007	2008	2009
Россия	3	3	3
Беларусь	4	4	4
Германия	6	6	6*
Финляндия	6	6	6
Швеция	6	6	6

* предварительная оценка

Источник: расчетные данные, полученные автором

Ранжирование стран по уровню социального капитала, оцененного на основе показателя количества убийств на 100 тыс. человек, показывает, что в странах Европы относительно небольшое количество убийств позволяет говорить о высоком уровне социального капитала, накапливаемого человеком в отношении с обществом¹. Так в Германии, Финляндии и Швеции балльная оценка социального капитала составляет 6, в России – 3, в Беларуси – 4 балла. Анализ количества осужденных показывает, что Россия и Беларусь занимают лидирующие позиции по количеству заключенных на 100 тыс. человек. Данные о количестве заключенных в рассматриваемых странах представлены в табл. 18.

¹ В целом же в мире ведущие места по величине убийств занимают страны Африки и Южной Америки, в которых количество убийств превышает 25 из расчета на 100 тыс. человек населения

Таблица 18

Количество осужденных, на 100 тыс. человек

Страна	2007	2008	2009
Россия	621	651	629
Беларусь	494	487	448
Германия	92	89	88
Финляндия	67	66	65
Швеция	74	74	78

Источник: данные национальных статистических служб и исследовательских центров, международных организаций [2, 3, 4, 5, 6]

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что количество заключенных в России и Беларуси в 6-10 раз выше, чем в европейских странах. Так, если в Финляндии количество заключенных на 100 тыс. человек населения в 2009 г. составило 65 заключенных, то в России – 629 заключенных, в Беларуси – 448 заключенных на 100 тыс. человек.

На основе шкалы для ранжирования стран по уровню заключенных на 100 тыс. человек, применяемой ПРООН при составлении глобального Отчета человеческого развития, нами была разработана шкала по оценке уровня социального капитала в зависимости от количества заключенных. Полученная шкала представлена в табл. 19.

Таблица 19

Шкала уровня социального капитала в зависимости от количества заключенных на 100 тыс. жителей страны

Уровень социального капитала	6	5	4	3	2	1
Количество заключенных на 100 тыс. человек	<50	50-100	100-150	150-200	200-300	>300

Источник: United Nations Office on Drugs and Crime [12]

Применение шкалы для ранжирования стран по уровню социального капитала, рассчитанного на основе показателя количества заключенных на 100 тыс. человек позволило получить следующий результат (табл. 20). Представленные в таблице данные показывают, что балльная оценка уровня социального капитала, накапливаемого человеком в коммуникациях с обществом, составляет: в России и Беларуси – 1 балл, в Беларуси – 1, в Германии, в Финляндии, Швеции – по 5 баллов в каждой.

Таблица 20

Ранжирование стран по уровню социального капитала, оцененного на основе показателя количества заключенных на 100 тыс. населения

Страна	2007	2008	2009
Россия	1	1	1
Беларусь	1	1	1
Германия	5	5	5
Финляндия	5	5	5
Швеция	5	5	5

Источник: расчетные данные, полученные автором

Воспользовавшись полученными данными и формулой 2, произведем балльную оценку уровня социального капитала в рассматриваемых странах. В табл. 21 представлены результаты ранжирования стран.

Таблица 21

Итоговое ранжирование стран по уровню социального капитала

Страна	2007	2008	2009
Россия	1	1	1
Беларусь	2	2	2
Германия	4	4	4
Финляндия	4	3	3
Швеция	4	4	4

Источник: расчетные данные, полученные автором

Представленные данные показывают, что согласно балльной оценки уровень социального капитала, накапливаемого человеком в коммуникациях с самим собой, семьей и обществом, составляет: в России – 1 балл, в Беларуси – 2 балла, в Финляндии – 3 балла, в Германии и Швеции – по 4 балла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сысоев С.А. Проблемы выявления структуры и функций социального капитала [Электронный ресурс] / С.А. Сысоев – Режим доступа: http://library.donntu.edu.ua/fem/vip31-1/31-1_32.pdf
2. Federal Statistical Office of Germany [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.destatis.de/en_index.php
3. Statistics Sweden [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.scb.se
4. Statistics Finland [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.stat.fi
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/
6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>
7. Harvard School of Public Health [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.hsph.harvard.edu/means-matter/basic-suicide-facts/where/index.html>
8. Suicide prevention. Mental health [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/suicideprevent/en/
9. Методика по расчету потребления алкогольных напитков на душу населения [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/statinstrum/methodiki/m3_trade.doc
10. Global Information System on Alcohol and Health (GISAH) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://gamapsrver.who.int/gho/interactive_charts/gisah/consumption_adult/atlas.html
11. The World Bank. Data [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://data.worldbank.org>
12. UNODC Homicide Statistics [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/homicide.html>
13. The UN Human Development Index [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Руденков Игорь Александрович

кандидат экономических наук, доцент. Белорусский государственный университет
кафедра институциональной и теоретической экономики
г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: liamp@bsu.by

Аннотация. В статье раскрывается несостоятельность экономических теорий, объединенных «мейнстримом», избранных в качестве теоретической основы для выработки экономической политики, адекватной сложности проблем современного этапа экономического развития. Автор показывает влияние господствующей идеологии на методологию науки, обосновывает необходимость ее изменения, предпосылки, направления и препятствия перехода на новую методологическую базу.

Ключевые слова: кризис; экономическая политика; государство; политэкономия; логика; методология

Код УДК: 338.22

Annotation. The article deals with the failure of economic theories combined by the «mainstream» economics that is a theoretical framework for economic policy which should be adequate to complexity of the current stage of economic development. The author shows the influence of the dominant ideology on the methodology of science, the need of its change, as well as conditions, trends and obstacles to transition to a new methodological framework.

Keywords: crisis; economic policy; government; political economy; logic; methodology

Становится все более очевидным, что глобальный экономический кризис является проявлением кризиса современной экономической науки, заключенной в русле так называемого «мейнстрима». Об этом свидетельствует явная растерянность в правящих кругах Евросоюза, которые в течение последних лет не в состоянии выработать внятную концепцию политики выхода из системного кризиса, поразившего рыночную экономику в целом. Современная экономическая система и главным образом ее финансовая составляющая являет собой воплощение неоклассических представлений (в той степени, в которой это было возможно – «научно обоснованных») о том, как должна быть устроена экономика. «Сознание, – писал В.И. Ленин, – не только отражает объективный мир, но и творит его» [1, с. 194]. Естественно, что к реализации в систему действующих институтов принимаются только те идеи и модели, которые признаны политической властью и, в силу этого, являются господствующими. Поэтому можно констатировать, что современный этап кризиса рыночного капитализма отражает кризис экономической политики, базирующейся на господствующей экономической доктрине – «мейнстриме».

В такой ситуации весьма неопределенной выглядит позиция отечественной экономической школы: одни ее представители уже полностью окунулись в «теплое течение мейнстрим и видят причины наших экономических неурядиц только в недостаточном развитии капитализма. Их позиция весьма проста и удобна: надо все отдать на откуп рынку и его «невидимая рука» наведет должный порядок. А если нет, так что ж с нее возьмешь? – она же невидимая. По сути, все научные рекомендации «доморощенных рыночников» и околонуточных писателей (типа Я. Романчука) сводятся к положениям «Вашингтонского консенсуса», пригодными, разве что, для решения классных задачек по макроэкономике. Другая группа экономистов, ссылаясь на специфику национальной модели, готовы подвести «научную базу» под любое решение власти. Но сегодня власть сама ставит вопросы перед экономической наукой, ответить на которые можно только основываясь на адекватной сложности стоящих проблем методологии иной, чем предлагается нам с Запада. Целью данной статьи является определение новых теоретико-методологических основ государственной экономической политики.

ПРИЧИНЫ ДОМИНИРОВАНИЯ И КРИЗИСА «МЕЙНСТРИМА»

Современное состояние экономической теории, объединяемой понятием «мейнстрим», – методологическая база, на основе которой формулируются ее постулаты, принципы, система доказательства теорем, логика умозаключений и их жесткая идеологическая направленность. Методология экономической науки в рамках «мейнстрима» в своем развитии прошла ряд этапов, и, завершая диалектическую спираль своего развития, вернулась на позицию религиозных догматов в виде «рыночного фундаментализма», представленного набором постулатов, истинность которых нельзя подвергать сомнению под угрозой отлучения от научного процесса. Тем не менее, их несоответствие объективным реалиям стала очевидной для тех, кого истина действительно интересует. Однако редкие попытки критики фундаментальных принципов отвергаются как еретические воззрения и попытка свержения сложившегося капиталистического строя, который провозглашен, (без всякого на то основания), наиболее эффективной и высшей формой экономической организации общества. Судьба еретиков постигла марксистскую политэкономия, которая фактически выброшена из научного и учебного процесса, исключена из политико-экономического оборота, «теория хозяйства», как альтернативная концепция, основанная на традициях русской философии, заблокирована в кругу своих адептов и только их, без преувеличения, героизм и самоотверженность не дают заглохнуть этому течению экономической науки. Институционализм, начавший было с молодым задором крушить главные постулаты неоклассики и кейнсианства, настойчиво и жестко возвращен в железобетонное русло «мейнстрима».

Первые систематизированные экономические знания возникли в форме религиозных догм как бы данных нам сверху неким «высшим разумом» (хотя..., может так оно и есть?). Но все-таки, более вероятно, что эти знания вырабатывались самим человечеством по мере накопления опыта взаимодействия с окружающей средой на уровне чувственного и образного восприятия, т.е. эмпирически. Затем был создан метод, который позволил познавать мир путем его осмысления, т.е. идеально – это логика. Прежде всего, это формальная, или как ее принято называть – Аристотелевская логика. Она также строится на постулатах, выработанных человечеством эмпирическим путем и сформулированных Аристотелем как «законы логики». Еще античные философы, будучи диалектиками, понимали ограниченность формально-логических построений в познании окружающего мира, демонстрируя это в апориях, парадоксах и антиномиях, или играя в забавную логическую игру – «софистика». При этом они всегда находили выход из формально-логических тупиков, когда исследуемое явление представляли во всем многообразии противоречивых взаимосвязей, т.е. диалектически. Но диалектическая логика, в отличие от формальной, не совсем пригодна для решения конкретных задач, т. к. не дает однозначных ответов

на поставленные практикой вопросы. Формально-логические функциональные связи легко выражаются простыми для восприятия символами, строятся в длинные цепочки умозаключений, приводящих к однозначным выводам. А раз вывод однозначен, то однозначно и принимаемое решение, это дает ощущение уверенности и правоты. Таким образом, формальная логика начинает господствовать, обеспечивая моральное превосходство тех, кто эти решения принимает. Господство, основанное на насилии, получило моральное подкрепление. Диалектическое мышление остается уделом философов, которые не хотят ни над кем господствовать, а хотят лишь познавать истину мироустройства.

Выбор методологии научного доказательства определяется целью, которую ставит перед собой исследователь. Так, меркантилисты, писавшие свои трактаты «для государей», обеспокоенных лишь тем, как сделать богаче государство, не были склонны к философии, а руководствовались в построении своих рекомендаций «государям» исключительно «здравым смыслом». Их умозаключения просты, логичны и понятны, поэтому их протекционистские идеи живут и побеждают на протяжении тысячелетий при любой авторитарной системе, когда единолично совершается выбор экономической политики. Однако трактаты меркантилистов явно проигрывали в «научности» трудам естествоиспытателей, которые научились излагать свои идеи строгим математическим языком.

Классическую политэкономия, прежде всего, интересовал процесс создания и сущность общественного богатства, которые она пытается исследовать уже на основе естественнонаучного подхода. Но, находясь еще под влиянием классической философии, различает форму и содержание, сущность и явление, выявляет существенные связи между экономическими явлениями, т.е. формулирует понятие экономического закона. Для этого требуется специфический язык, чтобы обозначать абстрактные понятия, определяющие сущность экономических явлений и их объективную взаимосвязь, которую выражают экономические законы. Поскольку реальная человеческая деятельность не укладывается в жесткие рамки формальной логики, для упрощения анализа вводится понятие «человека экономического» – весьма примитивного субъекта, асоциального типа, лишённого морали и прочих человеческих качеств, цель деятельности которого определяются единственным принципом – «максимизация индивидуальной полезности». Самое удивительное заключается в том, что такое поведение человека приобрело статус «рационального», т. е. единственно разумного. Если судить о степени рациональности поведения, основываясь на принципе максимизации индивидуальной полезности, то самым нерациональным (неразумным) живым существом на земле является *homo sapiens*. Но это не смущает наших «рыночников» (очевидно потому, что позволяет им чувствовать свое превосходство над этими «нерациональными субъектами» и дает им право учить их правильному рациональному поведению, т.е. делать их разумными). В результате, экономика стала представляться как совокупность атомарных субъектов, стремящихся к максимизации своей полезности, а «невидимая рука» наводит в этом хаосе идеальный порядок. Формально-логических построений недостаточно для раскрытия сущности экономических законов, поэтому классическая политэкономия дальше понятия «невидимой руки» рынка, которая якобы сама собой все упорядочивает, не продвинулась.

Однако, то, что нельзя понять формально логически, можно объяснить диалектически. Беда заключается в том, что выход из этого методологического тупика был предложен К. Марксом, который выступил в защиту угнетенных классов, и применил для этого в исследовании экономических процессов диалектический метод познания. Только марксизм, взявший на вооружение диалектическую логику, сумел открыть и сформулировать объективные законы экономического развития. Это и было конечной целью исследования К. Маркса: «...открытие экономического закона движения современного общества» [2, с. 6]. Но, раскрыв закон движения общества, Маркс доказал и необходимость смены общественного строя, создав, тем самым, идеологическое оружие эксплуатируемых классов. Это никак не устраивало тех, кто при этом строе

чувствовал себя вполне комфортно. Естественно, что реакция последовала незамедлительно, и была она представлена широким фронтом экономистов неоклассического направления. Последние уже не ставили перед собой амбициозных целей познания экономических законов, их вполне устраивала более скромная задача: определение путей извлечения максимальной полезности из ограниченных ресурсов. А для этого надо научиться правильно сопоставлять затраты и результаты, т. е. – уметь считать. Для того, чтобы просто что-то измерять, диалектическая логика не нужна, зато необходим развитый математический аппарат, который строится на законах формальной логики. Поэтому, дальнейшее развитие экономической теории пошло путем построения абстрактных моделей, основанных на функциональных взаимосвязях между экономическими переменными, определяющими положение обособленных субъектов относительно друг друга. Переводя язык экономики на язык математики параллельно, а может быть и приоритетно, решалась и другая задача – создание более мощного, чем марксизм, идеологического оружия. Об этом замечательно написал российский политолог и философ С. Г. Кара-Мурза: «Когда западного человека убедили, что он – *машина* и в то же время частичка другой огромной машины, это было важнейшим шагом к тому, чтобы превратить его в манипулируемого члена гражданского общества» [3, с. 73].

Использование математики позволяет науке, по мнению К. Маркса, достичь своего совершенства [4, с. 56]. Но этим же языком можно выражать и ложные идеи и теории, которые выглядят вполне научно и не противоречат законам логики. Широко известно высказывание великого физика Джеймса Клерка Максвелла, «так велико уважение, которое внушает наука, что самое абсурдное мнение может быть принято, если оно изложено таким языком, который напоминает нам какую-нибудь известную научную фразу». Математика, присвоив себе статус универсального научного языка, может использоваться как оружие, усиливающее идеологическое воздействие ложных идей. Политическая экономия, возникшая как «наука королей», также претендовала на «господство над умами», инструментом этого господства и стала формальная логика. Французский философ Мишель Фуко, который взялся за «раскопки смыслов», создавших современный Запад, утверждает определенно: «язык точности» (язык чисел) совершенно необходим для «господства посредством идеологии». В этот период формальная логика достигает высшей стадии своего развития в механистической картине мира, представленной И. Ньютоном. С помощью этого нового «языка точности» правящий слой стал господствовать над мыслями и словами о самых фундаментальных категориях бытия – пространстве и времени» [3, с. 78].

Неоклассика усилила естественнонаучные притязания политической экономии. С точки зрения физики, поведение «экономического человека» можно представить как движение атома в плоском мире, населенном элементарными частицами, определяемое «законом увеличения своей собственной массы». Так как существуют и другие атомы, движущиеся по тому же закону, между ними возникает конкуренция, которая, в конце концов, приводит к общему равновесию, когда все элементарные частицы распределены между атомами в соответствии с их первоначальной массой. Такое поведение экономических субъектов легко поддается формализации и математическому моделированию. Отсюда и возникла, по меткому выражению Р. Коуза, «экономика классной доски», где все логично и просто (если вы обладаете математическим складом ума) и помещается на плоскости, хотя и не обязательно является истиной. Если этим абстрактно-логическим построениям удастся найти статистическое подтверждение, то они наделяются статусом закона («Закон спроса»), если фактические наблюдения его опровергают, то появляются эффекты и парадоксы («эффект Гиффена, Веблена и т. д.). Их количество растет и множится по мере усложнения моделей путем включения в них дополнительных факторов, уводящих абстрактную модель экономической системы все дальше и дальше от состояния реальной экономики. Введение в анализ дополнительных факторов, по идее, должно приближать абстрактные модели к реальности, способствовать решению конкретных проблем, на деле же – каждый дополнительный

фактор, вводимый в модель для придания ей достоверности порождает все больше парадоксов и несоответствий: «парадокс бережливости», «парадокс Леонтьева», «Теория Невозможности» К. Эрроу (парадокс Алле), противоречие между целью производства (максимизация прибыли) и средством ее достижения (конкуренцией, которая ведет к фактическому уничтожению прибыли), теорема Зонненштайна-Дебре, которая ставит под сомнение и существование Парето-оптимальности – базового понятия современного мейнстрима. Дело дошло до того, что выбор более или менее подходящих объяснений экономических явлений из всего многообразия абстрактных моделей превратился в настоящую проблему, которую сформулировал Фрэнк Найт, отметив, что сложнее «выяснить, чего делать заведомо не следует». Пол Хейне приписывает ему следующие слова: «Самое вредное – это вовсе не невежество, а знание чертовой уймы вещей, которые на самом деле неверны» [5, с. 91].

Диалектический материализм, как методологическая и идеологическая основа марксизма, подвергался наиболее ожесточенной критике со стороны философов позитивистского направления, которые ставили перед собой цель – дискредитировать диалектику как метод научного познания. Они добились того, что диалектика была фактически исключена из научного оборота. Особых успехов здесь достиг «главный методолог» неоклассики К. Поппер, который в своей статье «Что такое диалектика?» «блестяще» доказал, что выводы, строящиеся на принципах диалектической логики не четки и неоднозначны, а потому – ненаучны. При этом он использует аппарат формальной логики. Это примерно то же, что отрицать правомерность геометрии Лобачевского, аргументируя это постулатами Эвклидовой геометрии, или опровергать законы термодинамики при помощи Ньютоновской механики.

Справедливости ради надо отметить, что отказ от диалектики, как метода познания, был характерен не только противникам, но и записным «марксистам», посвятившим себя доказательству незыблемости принципов коммунизма. Из вновь «открытых» законов построения социалистического (коммунистического) общества диалектика исчезла как бы сама собой, поскольку и их подвергала сомнению. А сомневаться правоверным строителям коммунизма было нельзя. Логические построения советских экономистов, пытавшихся выстроить идеальную модель коммунистического общества по изощренности, логичности и внутренней непротиворечивости, ничем не уступали моделям «идеального рынка» их западных коллег, кроме одного – они слабо использовали математический аппарат. Общедоступное изложение привело к тому, что несоответствие теории и практики построения социализма стало очевидным для всех. Это и послужило моральной основой краха социалистической системы, поскольку никто не возражал против ее демонтажа – слишком была очевидной разница между идеей и реальностью. А вот сложные математические модели буржуазных экономистов, которые столь же были далеки от действительности, для большинства оставались таинственными и непонятными, и вызывали, а у некоторых «экс-марксистов» вызывают до сих пор, лишь благочестивый трепет правоверных неопитов. В результате бывшие адепты коммунистической идеологии, которые только по недоразумению (или по относительному комфорту такого положения) называли себя марксистами, очень быстро поменяли религию и стали убежденными рыночниками.

В то же время разразившийся системный кризис капитализма заставил наиболее продвинутых представителей западной экономической мысли подвергнуть сомнению истинность фундаментальных постулатов мейнстрима, а затем и методологию этого учения. Но именно смена методологии мышления дается наиболее трудно: «Не идеи и материальные условия, возникающие самостоятельно диалектическим образом, а взаимодействие между ними – приводит к диалектическому процессу. Единственная причина, почему я не хочу использовать слово «диалектический», заключается в чрезмерно тяжелом идеологическом багаже, который сопровождает это понятие» [6, с. 59], – пишет в своей книге «Кризис капитализма» Джордж Сорос. А это еще раз подтверждает, что идеология и методология науки связаны между собой неразрывно,

как причина и следствие. Отсюда напрашивается вывод, что кризис экономической науки – это кризис идеологии рыночного фундаментализма и методологии «мейнстрима».

НЕОБХОДИМОСТЬ СМЕНЫ ОСНОВНОЙ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

При каких же условиях идеология терпит крах? Очевидно тогда, когда она перестает питать новые идеи. На глазах нашего поколения отвергнута коммунистическая идеология и находится в глубочайшем кризисе капиталистическая. Этот кризис начался примерно в середине 20-го века, когда капиталистическая система стала заимствовать у своего антипода – социалистической системы – новые формы отношений: обобществление собственности, государственное программирование, бесплатное образование и гарантированное медицинское обслуживание, социальная защита и т. д. В социалистическую систему, наоборот, стали внедрять элементы рынка (но, как сказал классик, «товарно-денежные отношения не терпят над собой никаких других отношений» [7, с. 167]) и, как следствие, социальное неравенство и коррупцию.

Центральные проблемы обеих экономических систем это «отчуждение» и «неопределенность». Они решались в каждой системе различными способами в соответствии с господствующими идеологическими установками: государственная собственность и централизованное планирование, самоотверженный труд и «энтузиазм масс» – при социализме; частная собственность и попытки компенсировать неопределенность, присущую рынку, путем развития транзакционного сектора экономики – при капитализме. Парадокс заключается в том, что старая система – капитализм – внедряла у себя новые «социалистические» институты, а более прогрессивная социалистическая система реставрировала у себя старые капиталистические формы отношений. И там и там – очевидное несоответствие идеологий и их теоретических моделей реальной практике. В результате социалистическая экономика деградировала в тисках устаревших рыночных институтов, потерпела крах из-за неэффективности реального сектора, и превратилась в отсталый придаток развитых стран. В свою очередь, отсутствие оппонента лишило капитализм источника новых идей общественного устройства, и теперь он задыхается под неимоверно разросшимся финансовым сектором. Но, поскольку научный процесс не останавливается, генерируются ложные знания, которые воплощаются в реальных институтах.

«Рыночные фундаменталисты трансформировали аксиоматическую, нейтральную по отношению к человеческим ценностям теорию в идеологию, которая оказывала и продолжает оказывать мощное и опасное влияние на поведение людей в политике и бизнесе», – отмечает Дж. Сорос [6, с. 167]. Современная финансовая система представляет собой наиболее последовательное и полное воплощение неоклассических и либеральных принципов рыночной организации экономики и «научных» представлений о том, как должна быть организована экономическая система. Деятельность субъектов на этом рынке мотивирована исключительно «самоинтересом», который может реализоваться только в условиях асимметрии информации, поскольку других источников прибавочного продукта в финансовой системе просто не существует. Асимметричность информации порождает неопределенность финансового рынка. Однако каждый финансовый менеджер стремится снять неопределенность «для себя» и путем получения наиболее полной и объективной информации трансформировать неопределенность в управляемый риск. Но, снижая неопределенность «для себя», каждый участник рынка, преследуя эгоистичный интерес извлечения из неопределенности прибыли, стремится установить собственную монополию на информацию и использовать ее как товар и как капитал, что только усиливает асимметрию информации и энтропию рыночной системы в целом. В результате в процессе развития финансового менеджмента произошла смена парадигмы методологии управления финансами: от субъективной оценки полезности и вероятности к попыткам сформировать «объективный рыночный подход». Но ни все более усложняющийся математический аппарат, ни новейшие

информационные технологии, ни изощренные финансовые инструменты не только не способны сделать более предсказуемой ситуацию на финансовых рынках, но, наоборот, раздувая их размеры, увеличивают неопределенность. За последние десятилетия ежедневный объем сделок на мировом валютном рынке возрос с 1 млрд. до 2000 млрд. долларов, а объем торговли товарами и услугами всего на 50 %. В результате, к 2005 г. объем валютных операций в 75 раз превышал объем мирового экспорта товаров и услуг.

Оперируя пустыми, бессодержательными формально-логическими понятиями, теоретики финансовых рынков игнорируют объективные экономические законы, подменяя их законами больших чисел. Пытаясь при помощи математических вычислений «обмануть бога», как это представил в своем знаменитом исследовании развития финансового риск-менеджмента Питер Бернштейн [8], они обманывают только себя и партнеров по бизнесу. Необходимо признать, что подмена «экономических законов» законами «больших чисел» была вынужденной, поскольку современная экономическая теория зиждется на субъективистских представлениях о стоимости, ожиданиях и т. д., а для научного предвидения и принятия конкретных решений необходимо знание объективных законов. Если же объективные законы игнорировать, то, как писал К. Маркс, они настигают нас «с неотвратимостью обрушивающего на голову дома».

Пренебрежение экономическими законами, «открытыми» на основе постулатов экономического субъективизма, вполне оправдано, так как для принятия решений в реальной экономике требуется объективная основа, а не субъективные представления о том «как может быть при прочих равных условиях». Вот эту «объективность» исследователи финансовых рынков и пытаются найти в законах математических, и ... не находят. В этих поисках пали последние оплоты рыночного фундаментализма: принцип рациональности и принцип равновесия. Дело в том, что законы больших чисел применимы только для прогнозирования изменений крупных массивов однородных явлений: чем больше совершается попыток, сделок, участников рынка и т. д., тем более достоверен будет прогноз для рассматриваемой совокупности. Поэтому на финансовом рынке создается множество производных финансовых инструментов, лавинообразно растут объемы сделок, вовлекаются на рынок огромное количество новых непрофессиональных игроков. И все для того, чтобы с большей достоверностью можно было бы рассчитать волатильность основных стоимостных показателей. Но поведение отдельных субъектов не подчиняется закону больших чисел, и, с этой точки зрения, оно иррационально, поэтому математические прогнозы никак не снимают проблему неопределенности экономических систем, а математические законы не могут заменить экономические.

В 2002 г. Нобелевскую премию по экономике получил профессор Принстонского университета Д. Канеман за исследования механизмов принятия решений индивидуумом в условиях неопределенности и риска. Оказалось, что эти решения не всегда так рациональны, как предполагалось в традиционной экономической теории. Основной тезис теории перспектив Канемана-Тверски состоит в том, что **люди иррациональны при оценке вероятностей возможных альтернатив**, так как принимают решения на основании ограниченного объема информации, которая к тому же во многом недостоверна. Еще одна фундаментальная закономерность, названная Канеманом и Тверски «*эвристикой репрезентативности*», состоит в том, что люди пользуются интуитивным способом принятия решений об объектах на основании сложившихся стереотипов, пренебрегая при этом важной информацией. Кроме того, они игнорируют элементарные законы теории вероятности, предпочитая спокойствие и стабильность разумному риску ради прибыли. Такое поведение, по мнению этих ученых, ну никак нельзя охарактеризовать, как рациональное. Хотя, по нашему мнению, все ровно наоборот: люди поступают гораздо разумнее, чем им предписывается принципами рационального экономического поведения. Поэтому человечество еще и существует. Разумное поведение человека всегда связано с проявлением его воли, которая не соотносится с экономическими законами, но, стремясь к своему воспроизводству и стабильности

как способу выживания как био-социального существа, он вынужден постоянно корректировать свое поведение в соответствии с этими законами, даже если не знает об их существовании. В этом и заключается объективность, абсолютность и всеобщность экономических законов. Они не имеют исключений и действуют всегда и везде, где существует общественное производство. Экономические законы, которые проявляются статистически – законами, по сути, не являются, а выражают лишь определенную связь явлений, которая может возникнуть при «прочих равных условиях» с некоторой вероятностью.

Программа построения общей экономической теории на основе модели равновесия была существенно подорвана результатом Зонненшайна. Из теоремы Зонненшайна следует, что без дополнительных предположений о виде функций полезности нельзя предсказать направление изменений эндогенных экономических переменных при вариации экзогенных параметров. Это означает, что в модели равновесия, претендующей на отражение реальности, функции полезности должны иметь специальный вид. Выяснить их специфику до сих пор не удастся. К этому же выводу пришел и известный финансист Джордж Сорос, который в своей книге «Кризис мирового капитализма» пишет: «Но очевидно, что попытки объяснить поведение финансовых рынков и макроэкономических событий посредством анализа равновесия нельзя считать успешными». И далее: «Равновесие – продукт аксиоматической системы. Экономическая теория строится на принципах логики и математики: она основана на некоторых постулатах, и все ее выводы также основываются на этих постулатах в результате логической манипуляции» [6, с. 15].

Все это свидетельствует о ложности исходных методологических постулатов, построенных по законам формальной логики и основанной на них системе научного доказательства. «Современная экономическая наука больна. Она все больше становится интеллектуальной игрушкой, в которую играют ради нее самой, а не ради практических следствий, необходимых для понимания экономического мира. Экономисты превратили свой предмет в разновидность социальной математики, в которой аналитическая строгость – это все, а практическая обоснованность – ничего», – сказал знаменитый методолог и историк экономической мысли М. Блауг [9, с. 84].

Подтверждением кризиса новых идей в «ведущих школах» экономической науки являются также последние «открытия», удостоенные Нобелевской премии по экономике. Так, в 2009 году она была присуждена Питеру Даймонду и Дэйлу Мортенсону из США, а также Кристоферу Писсаридесу из Лондонской школы экономики. Исследования, удостоенные премии, посвящены рынку труда и отвечают на вопросы, почему такое большое количество людей находятся без работы в то время, когда на рынке существует так много вакансий, и каким образом экономическая политика может влиять на безработицу. Главный вывод, который можно сделать из работ трех лауреатов: «более щедрые пособия по безработице приводят к росту безработицы в целом и к увеличению продолжительности времени, которое человек тратит на поиск работы». Разумеется, что этот «гениальный» вывод подтвержден весьма сложной эконометрической моделью и обширным статистическим материалом.

Поскольку автору данной статьи это открытие показалось слишком тривиальным, был проведен экспресс-опрос студентов на 4-ом курсе экономического факультета БГУ и на 2-ом исторического. В результате автор в очередной раз убедился в гениальности наших студентов – их ответы (все без исключения) на вопрос: как может повлиять размер пособия по безработице на время поиска работы? – полностью совпали с выводом нобелевских лауреатов. Причем для получения этого результата им не потребовалось проводить глубокий статистический анализ и строить математическую модель, студенты просто представили себя на месте безработных. С точки зрения «научной строгости» этот метод нельзя считать достоверным, но с точки зрения поиска истины игровое вербальное моделирование позволяет решать проблему гораздо проще и эффективнее, чем формально-логические построения. Необходимо отметить, что *формально-*

логические требования «стандарта строгости» уже давно играют роль идеологического фильтра, через который не могут прорваться новые нестандартные идеи на страницы ведущих экономических изданий. Так, типичная статья в журнале высокого уровня должна содержать, по крайней мере, одно из двух: либо теоретическое модельное обоснование основных тезисов, либо их эконометрическое тестирование на эмпирическом материале. Эта статья вряд ли вышла бы в свет, если бы автор, согласно «стандарта строгости», попытался бы обосновать тезис о том, что *в основе гипертрофированного развития финансового сектора лежит методология построения и управления финансовым рынком*. Этот вывод автор сделал на основании изучения функционирования финансовых рынков и современных методов финансового риск-менеджмента, а также опираясь на периодически появляющуюся в аналитических статьях квази-статистику о динамике роста финансовых рынков. Безусловно, обширный статистический материал и построенная на нем эконометрическая модель придала бы этой идее «солидный научный вес», но сбор информации для получения статистической достоверности мог бы занять несколько лет, а учитывая закрытость данной сферы – задача нереальная, т.е. формально доказать ничего невозможно, но истинность этого положения неоспорима, поскольку соответствует объективным закономерностям развития экономических систем – *sapienti sat* (умному достаточно).

Здесь уместно привести цитату из выступления одного из проповедников восточной философии *Свами Вишнудевананада Гири*: «Вполне очевидно, что усложнение реальности, рост масштабов и сложности задач, стоящих перед человечеством в третьем тысячелетии неизбежно приведут (и уже привели!) к тому, что человечество оказывается перед жестким выбором: или менять мышление и переходить на более целостное, глубокое, «высокоскоростное», многовариантное, игровое видение мира, или оставаться на уровне отсталой, низкоскоростной дискретной логики, и при этом быть всегда неадекватным в оценке реальности, всегда отставать, страдать из-за этого, и, в конечном счете, оказаться на обочине эволюции. Те, кто не смогут перейти на новый уровень мышления, увы, просто не смогут быть адекватными и отвечать на вызовы времени в сложном, многовариантном, играющем, насыщенном информационно-магическом мире третьего тысячелетия».

НЕЧЕТКАЯ (НЕПРЕРЫВНАЯ) ЛОГИКА («FUZZY THINKING»), СИНКРЕТИКА И СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Необходимость замены главной парадигмы научного мышления назрела достаточно давно и современная физика, термодинамика и, особенно, кибернетика уже взяли на вооружение новую логику и новое мышление – «нечеткую логику». Основатель теории нечетких множеств и нечеткой логики, профессор Калифорнийского университета Лотфи Аскер Заде свою основополагающую работу по теории нечетких множеств опубликовал в 1965, а уже в 1973 – предложил теорию нечеткой логики, позднее – теорию мягких вычислений (*soft computing*), а также – теорию вербальных вычислений и представлений (*computing with words and perceptions*). Заде при помощи аппарата «нечеткой логики» подошел достаточно близко к построению моделей, приближенных к рассуждениям человека, и использованию их в компьютерных системах. Тем самым он показал, что научное исследование сложных систем, особенно общественных, должно идти не путем упрощения объекта своего исследования для того, чтобы использовать формально-логический математический аппарат, а наоборот, математический аппарат должен выражать сложные, многозначные, нечеткие понятия, которые адекватно отражают сущность исследуемых процессов и явлений. Вербальное же моделирование, «вербальные вычисления», не только не менее достоверны, чем формально-логические, но и позволяют решать и более сложные задачи, и более простым и эффективным способом [10].

Последователь и ученик Лотфи Заде, живой классик «нечеткой логики» Барт Коско (*Bart Kosko*) в своей книге «Нечеткое мышление» (*Fuzzy Thinking*) считает, что два тысячелетия назад

человечество крупно ошиблось. В фундамент науки нужно было заложить не сухую двоичную логику Аристотеля, а «нечеткую логику» и поэтику ранних восточных философий. И с тех самых пор классическая «черно-белая» бинарная наука, которая зажата законом «исключения третьего», все дальше и дальше отдалается от нашего реального многозначного мира. Ведь в нем нет ничего абсолютного, а все самое интересное заключено, как раз, между «да» и «нет». В своей знаменитой теореме FAT («Fuzzy Approximation Theorem») Коско доказал, что любая математическая система может быть аппроксимирована системой, основанной на «нечеткой логике» [11, с. 63].

Более того, «нечеткая логика» все больше используется для решения прикладных экономических задач и особенно успешно в области исследования неопределенности и управления риском. И только фундаментальная экономическая наука по-прежнему не замечает происходящую смену методологической парадигмы. Возможно, это объясняется тем, что нечеткая логика (fuzzy logic), как метод научного мышления основывается, как и диалектическая логика, на отрицании «закона исключенного третьего». Это дает основания рассматривать ее как более современную трактовку диалектики, которую идеологи «мейнстрима» искореняют как самую страшную ересь.

Сегодня элементы нечеткой логики можно найти в десятках промышленных изделий – от систем управления электропоездами и боевыми вертолетами до пылесосов и стиральных машин. Без применения нечеткой логики немислимы современные ситуационные центры руководителей западных стран, где принимаются ключевые политические решения и моделируются разные кризисные ситуации. Одним из впечатляющих примеров масштабного применения нечеткой логики стало комплексное моделирование системы здравоохранения и социального обеспечения Великобритании (National Health Service – NHS), которое впервые позволило точно оценить и оптимизировать затраты на социальные нужды. И, наконец, самое широкое распространение получили изобретенные Б. Коско так называемые нечеткие когнитивные модели (Fuzzy Cognitive Maps), на которых базируется большинство современных систем динамического моделирования в области финансов, политики и бизнеса.

В отличие от стандартной логики, в которой существует лишь два бинарных состояния (1/0, Да/Нет, Истина/Ложь и т. д.), нечеткая логика позволяет определять промежуточные значения между стандартными оценками. С помощью созданного Латфи Заде и его последователями математического аппарата стало возможным сформулировать математически и впоследствии обработать их с помощью ЭВМ. Таким образом, с помощью данного математического аппарата удалось максимально приблизить механизм компьютерной обработки и анализа данных к человеческому мышлению.

Марксистская диалектика могла лишь объяснить мир и выступать в качестве «идеологического оружия», но мало была приспособлена к решению практических задач из-за нечеткости и многозначности выводов. За это она была подвергнута жесточайшей критике и «предана анафеме» философами-позитивистами. Сегодня, благодаря открытию Л. Заде, Б. Коско и их последователей, которые научились формализовать нечеткое мышление, «нечеткий» способ мышления доказывает гораздо большую эффективность, чем формальная логика, и в решении задач управления электронных систем, и в управлении финансами, и границ ее применения не видно. Лингвистические переменные, которыми оперирует нечеткая логика, выражают многозначность человеческого мышления и, поэтому ей больше соответствует методология мышления более высокого порядка, чем диалектика, а именно «синкретика». *Синкретика* по своему смыслу формулируется как многозначная философская логика. В синкретике за основу берутся не отдельные категории, как в дискретной логике, не полярно-противоположные категории, как в диалектике, а вся совокупность категорий как целое. Такое восприятие соответствует понятию «нечеткие множества», при помощи которых получают числовое выражение «лингвистические переменные» в нечеткой логике.

Синкретика, как новая философская логика, была впервые представлена в монографии С. Г. Федосина, изданной в 2003 г. [12] Само слово «синкретика» происходит от греческого *synkretismos* – соединение, объединение, переплетение. Если дискретную логику считать первым этапом развития логики, диалектику – вторым этапом, то синкретика представляет собой третий этап. Если сущность явления в дискретной логике усматривается только в движении какого-то одного начала, то в диалектической логике в явлении обнаруживают уже парные взаимно связанные и воздействующие друг на друга противоположности, взаимодействие которых считается источником движения и развития. В синкретной логике можно выделить следующие дополнительные особенности: все категории (стороны явлений) одновременно считаются противоположными друг другу, поэтому они заменяют дуальные противоположности, присущие диалектике. Если в диалектике источником развития являются противоречия парных противоположностей, то в синкретике развитие осуществляется путем одновременного разрешения противоречий множества противоположностей, каждое из которых может непосредственно воздействовать на все остальные. Развитие может происходить во всех направлениях – вширь и вглубь, с уменьшением размеров и соответствующим ускорением развития, с увеличением размеров и замедлением развития, во всех возможных формах и под действием разных причин. Тем самым получается новое качество или характерная черта развития: результат развития в общем случае зависит не столько от движения одного начала или от взаимодействия попарно взятых диалектических противоположностей, сколько от взаимодействия всех категорий-противоположностей, взятых во всех возможных сочетаниях.

Принципы и основные требования синкретной логики можно свести к следующему: предмет и его развитие должны рассматриваться во взаимодействии всех противоречивых сторон, присущих предмету и его окружению, и взятых во всех мыслимых комбинациях. Так, если в диалектической логике одним из основных принципов является принцип объективности, то в синкретике добавляется не менее важный принцип субъективности. Требования формальной логики – определенность, последовательность, обоснованность и другие – остаются и в диалектике и в синкретике, но в последней они приобретают новый смысл. Например, определенность может приобрести статистический или вероятностный характер, что приводит к появлению некоторой доли неопределенности. В синкретике принцип всесторонности имеет те же права, что и принцип односторонности (основного звена), а принцип практической активности, требующий доведения результатов познания до разработки программы и организации практической деятельности, дополняется требованием внедрения практических результатов в организацию познания. Формальная логика, являющаяся по своему духу метафизической, и диалектическая логика оказываются частными случаями синкретной логики, которая в силу единства материальных и идеальных носителей действительно становится единой логикой движения и вещей, и мышления. Ее важной задачей является построение новой философии, которая должна отражать не только интересы какой-либо группы людей, но иметь общечеловеческую ценность и исходить из обоснованного научного подхода. «Это позволит высвободить гигантский человеческий потенциал, бесполезно теряемый сейчас в столкновениях противоборствующих идеологий, дать новый импульс развитию общества и явиться основой для универсального гуманитарного и естественнонаучного мировоззрения» [12, с. 8].

МЕТОДОЛОГИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Современный мейнстрим, постоянно сталкиваясь с неоднозначностью и неопределенностью экономических понятий, не в состоянии выйти из порочного круга гносеологических противоречий, так как панически боится сойти с позиций метафизичной дискретной логики, поскольку следующая ступень развития методологии – диалектика. А диалектика – это основа совсем другой идеологии – в ней нет незыблемых категорий и принципов, категории не обособлены, а взаимодействуют,

порождая новые более сложные категории, они имеют форму и содержание. Познавая формы надо раскрывать их содержание и сущность, выражающую тенденцию развития и перехода к новому качеству. На основе диалектических законов были сформулированы объективные законы экономического развития: *Закон стоимости*, *Закон пропорциональности*, *Закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил*. Объективность этих законов заключается не только в том, что они действуют независимо от воли и сознания человека, но и в том, что они действуют всегда и везде и не имеют исключений. Когда человечество их учитывает в своей сознательной деятельности, они могут использоваться как сила созидательная, если нет – объективные законы действуют как разрушительная стихия.

Современная экономика игнорирует объективные экономические законы, как идеологически чуждые, и оперирует лишь пустыми формально-логическими понятиями, сводя их в столь же бессодержательные формулы и модели, основанные на незыблемых принципах «рыночного фундаментализма». В результате дискретная логика конвертируется в дискреционную экономическую политику. Таким образом, экономическая теория, основанная на формальной логике, в силу своей идеологической направленности отстает уже на две ступени от развития методологии научного познания.

В экономической политике государство пытается придать экономическим процессам целенаправленность путем воздействия на макроэкономические параметры методами дискреционной экономической политики, предпочитая при этом достаточно рыночное косвенное финансовое регулирование в либеральных моделях экономической политики, или административное вмешательство в экономические процессы в патерналистских моделях. Несмотря на внешнее различие этих моделей, они различаются лишь преимущественно используемыми инструментами экономической политики. По своей сущности это та же дискреционная политика, основанная на дискретной логике: бесплодные поиски «*равновесной процентной ставки*» или «*универсального показателя*» (прогнозного или директивного).

В предисловии к книге А. Кофмана «Введение в теорию нечетких множеств» Л. Заде пишет: «В наших поисках точности мы пытались подогнать реальный мир под математические модели, которые не оставляют места нечеткости. Мы стремились выявить законы, управляющие поведением как отдельных людей, так и групп с помощью математических выражений, подобных тем, которые используются при анализе неодушевленных систем. Это, с моей точки зрения, было и остается неправильно направленным усилием, подобным нашим давно забытым поискам «перпетуум мобиле» и философского камня» [13, с. 6]. Тем не менее, осознания необходимости перехода на новую парадигму научного мышления пока не происходит ни в рамках «мейнстрима», ни в других смежных экономических школах. Современная экономическая теория продолжает пользоваться дискретными экономическими понятиями – такими, как равновесные (цена, процентная ставка, валютный курс и т. д.), пытаясь определить ту точку, в которой сойдутся все экономические параметры и наступит всеобщая гармония и равновесие всей системы – своеобразный экономический «философский камень». Хотя уже давно доказано, что такой точки не существует, как не существует и «философского камня».

Несмотря на это, до сих пор считается базовой теорией экономической политики концепция Яна Тинбергена. Согласно этой концепции, составляющими экономической политики являются следующие: ключевые цели благосостояния (набор макроэкономических показателей); инструменты, которыми располагает правительство; модель, увязывающая цели и инструментарий и позволяющая определить оптимальный масштаб политических действий. Это является дополнительным свидетельством кризиса данного направления науки, поскольку «в принципе невозможно объяснить многие социально-экономические процессы, исходя из подходов, которые описаны в стандартных курсах микроэкономики и макроэкономики». Соответственно, рецепты

экономической политики, основанные на этой доктрине, не срабатывают даже в западных странах. В условиях рыночной неопределенности такая политика напоминает игру в бильярд с завязанными глазами, когда невозможно не только попасть в цель, но и просто попасть по шару (показателю). Это заставляет включать в анализ социальные политические и институциональные факторы, в оборот широко запускается «новая политическая экономия», все большую популярность получают поведенческие подходы, вводится понятие «неполной рациональности», призванное объяснить отклонение поведения экономических субъектов от «рационального выбора». Однако отчетливо видно, что все эти попытки не выходят за пределы «мейнстрима», который, в свою очередь, из идеологических соображений, не может отказаться от своей методологии.

Институционалистика, как новое направление экономической теории, возникла на основе критики главных постулатов мейнстрима, но будучи не в состоянии перейти на новую методологическую базу, так и не смогла дать адекватную философскую интерпретацию своего базового понятия – «экономического института», и осталась в рамках главного течения. С позиции же диалектики *институт* – это устойчивое, оформленное отношение сторон-носителей противоположно направленных интересов, «снятое противоречие», или *диалектическое тождество*. Синкретика дает более широкую трактовку института, который объединяет множество сторон и интересов, т. е. имеет более сложную и многозначную структуру, что больше соответствует понятию нечеткой логики – «лингвистической переменной». Теория нечетких множеств позволяет наилучшим образом структурировать все то, что разделено не очень точными границами, взаимосвязано и взаимообусловлено. Общественные отношения, изучаемые экономической наукой, более адекватно отражаются понятиями человеческого, а не механического мышления, поэтому переход на категории, соответствующие человеческим понятиям должен вывести экономическую науку из глубокого методологического кризиса. Это не означает отказа от существующих дискретных экономических понятий, наоборот – они должны занять свое соответствующее место в системе экономических категорий для определения параметров конкретных единичных сделок.

Диалектическая сущность товарообмена выражается категорией ценности, как единство противоположностей – стоимости и полезности – эффективные цены выражают состояние рынка, обеспечивающего более или менее полную реализацию товара и его воспроизводство. Синкретическое понятие, соответствующее нечеткой логике – это *эффективная цена*, которая не является точкой равновесия спроса и предложения, а может быть представлена множеством цен в установленном диапазоне на числовой оси, обеспечивающем в различной степени интересы производителей и потребителей, т. е. – нечетким множеством. Данный пример ставит задачу изменения представления о равновесии в экономических системах. Дискретная точка равновесия может относиться только к единичной частной сделке, но никак не характеризует состояние системы ни на микро, ни, тем более, на макроуровне. Согласно неоклассическим представлениям, равновесие на рынке – это идеальный частный случай – точка, вокруг которой происходит колебание реальных рыночных цен, т.е. неравновесие – это нормальное состояние рынка и всей экономической системы, как совокупности рынков. Этот подход является ярким примером метафизического и механистического подхода к определению равновесия экономической системы. О его непродуктивности уже было сказано выше. Хорошо известно, что всякую истину можно превратить в абсурд, если распространить за пределы ее действительной применимости. Казалось, что микроэкономические факторы цен изучены настолько досконально, что любой экономист может заранее рассчитать равновесную цену товара на основе соответствующей модели, но боже вас упаси применить эту цену на практике. Остается уповать только на «невидимую руку» рынка. Для исследования равновесия экономических систем, которые являются и саморегулирующимися, и управляемыми, наиболее адекватен кибернетический подход.

В восьмидесятые годы в советской экономической школе стал активно внедряться «системный подход» в анализе экономических явлений. Он возник как альтернатива погрязшему в догматизме и метафизике ортодоксальному марксизму-ленинизму. Его сторонники рассматривали общество как кибернетическую систему, а системный подход в качестве развития диалектики как «всеобщего метода познания» – одной из ее форм. Согласно данному подходу, любая система имеет свойство «гомеостата», «закключающееся в стремлении к равновесным состояниям и сохранению постоянства во времени своих параметров. Параметры, сохраняющие неизменные во времени значения, называются инвариантами. Существование инвариантов – объективное условие самоуправляемости системы» [14, с. 37]. Экономической интерпретацией инвариантов являются институты, стабильность и неизменность которых обеспечивает сохранение стабильности системы, а отнюдь не дискретные макроэкономические показатели как представляется макроэкономистам, изображающих экономическую систему в виде пересекающихся кривых. Относительная устойчивость рыночных экономик, периодически подвергаемых шокам дискреционной экономической политики государства или стихийных действий отдельных субъектов хозяйства, определяется высокой степенью их институционализации. *Таким образом, равновесие – это нормальное состояние экономической системы, как и любой другой кибернетической системы. Оно может характеризоваться большей или меньшей степенью устойчивости, но не сводится к дискретной точке равновесия.*

Еще одно важное положение системного подхода заключается в том, что системы – это такие объекты, свойства которых не сводятся без остатка к свойствам составляющих их частей, а представляют собой качественно новые образования, отсюда следует, что механический перенос микроэкономических понятий и показателей на макро или международный уровень – неправомерно. Но именно это характерно для теории общественного выбора Дж. Бьюкенена и К. Эрроу, которая исходит из того, что *начальным и конечным пунктами общественного развития выступает индивидуум, поведением экономического человека движет эгоизм, а человек раньше становится покупателем, чем избирателем и его действиями управляет стремление к предельной полезности.* «Принцип рыночных отношений можно обнаружить и на политической сцене», считают представители этой теории. Каждый индивид рассматривает политическую систему как коллективную защиту своих частных целей, которые не могут быть эффективно обеспечены индивидуальными рыночными действиями. При этом авторы данной концепции с удивлением для себя обнаруживают, что государство не является *«единым органичным целым, его не стоит приравнивать к механизму, который автоматически корректирует недостатки рыночного хозяйства, и оно далеко не всегда принимает решения, исходя из общественных интересов».* Правда тут же находится объяснение данному парадоксу – оказывается, как считал Кеннет Дж. Эрроу, дело не в методологии теории, а «дилемма состоит в том, что, допуская рациональность и индивидуальные предпочтения потребителей, мы не можем определить общественные приоритеты, т. е. общество не может сформировать коллективное мнение по поводу того, что оно хочет» [15, с. 104].

Но это не общество не может сформулировать свои приоритеты, а ученые мужи, используя методологию, пригодную лишь для анализа частных сделок, пытаются объяснить закономерности функционирования общественных систем. В общественном сознании давно определились приоритеты развития в таких нечетких понятиях, как стабильность, справедливость, благополучие, перспектива развития и сохранение окружающей среды. Эти понятия несводимы к дискретным экономическим показателям: цене, процентной ставке или норме прибыли – поэтому не воспринимаются вульгарными экономистами как экономические категории, хотя, безусловно, обладают экономической сущностью и содержанием. Все это отражается и на экономической политике, заключающейся в выборе методов воздействия на макроэкономические показатели – дискреционная экономическая политика, которая *никогда и нигде* не достигает поставленных целей.

Такая политика столь же эффективна в достижении общественных целей, как и лечение болезней человека путем манипуляций с градусником.

Тем не менее, успехи развития стран с рыночной экономикой очевидны. Объяснить это можно тем, что экономические системы являются самонастраивающимися, т. е. кибернетическими. Кибернетическая система – это целеустремленная система, множество взаимосвязанных элементов которой способно воспринимать, запоминать, перерабатывать и обмениваться информацией. Любую социальную систему можно отнести к классу кибернетических систем. Такие системы обладают особыми системными свойствами. Кибернетическую систему можно представить в виде двух взаимосвязанных подсистем: управляющей и управляемой. Подсистемы находятся в постоянном взаимодействии: управляющая подсистема передает команды, сигналы управляемому объекту, который, в свою очередь, посылает информацию о своем текущем состоянии. Важнейшим признаком кибернетической системы является обратная связь и, как следствие этого, – саморегулирование и саморазвитие.

Экономическая политика государства развитых стран с рыночной экономикой никогда не вмешивается в деятельность институциональных единиц, представляющих собой элементы (подсистемы) данной системы. Представляя собой устойчивые образования, путем обратной связи они корректируют шоки, вызываемые действиями правительства (управляющей подсистемы), однако это сопровождается ростом транзакционных издержек, которые снижают эффективность системы в целом. На современном этапе национальные экономики представляют собой подсистемы глобальной системы, процесс становления которой еще не завершен, поэтому внешние шоки снижают способность к адаптации (гомеостат) национальных экономик. Все это привело к колоссальному росту транзакционного сектора и, как следствие – разрастающемуся финансовому кризису.

Совершенно очевидно, что роль государства, как управляющей подсистемы, должна существенно вырасти, но оно должно проводить осознанную политику, поскольку энтропия системы (неопределенность) снимается только информацией, действенность которой зависит от того, насколько ее способны воспринимать управляемые субъекты. Естественно, что информацию о том, как надо управлять экономикой, должна предоставить экономическая наука. Но вот здесь и возникает проблема. Язык, на котором изъясняются современные экономисты, – это абстракции, математические формулы и модели, никак не связанные с реальной действительностью и непонятные никому, кроме их авторов. Последние политические события в Евросоюзе свидетельствуют о полной растерянности лидеров европейских стран в вопросах построения новой экономической стратегии. Но, похоже, они нашли выход, создавая так называемые «технические правительства» из специалистов, прежде всего – в области финансов. Однако, такие действия вряд ли приведут к желаемым результатам: «Если ученый не может объяснить восьмилетнему мальчику, чем он занимается, то он шарлатан», – очень точно отметил Нобелевский лауреат по литературе, писатель и философ – Курт Воннегут.

Проблема состоит не в том, чтобы перевести замысловатые формулы на человеческий язык, а в том, что общественные отношения не познаются и не выражаются формальным языком дискретной логики. Несмотря на то, что официальная экономическая наука непоколебимо зиждется на принципах мейнстрима, в деятельности институциональных единиц, образующих рыночную систему используются методологические подходы более высокого порядка. Основные методологические элементы научного аппарата, который может быть применен в теоретической экономике, уже разработаны и широко используются в прикладных исследованиях и для решения практических задач. Теперь необходимо их объединить на базе системного подхода, синкретики, теории нечетких множеств и нечеткой логики, с использованием понятийного аппарата институциональной экономики. Только на этой основе возможна выработка адекватной

экономической политики, и, уже в первом приближении, мы можем сформулировать основные принципы экономической политики на новой методологической базе.

Во-первых, дискреционная экономическая политика, должна уступить место непрерывному, планомерному управлению, направленному на снижение энтропии (неопределенности), и управлению рисками экономической системы, т. е. институциональному планированию, которое включает в себя исследование и прогноз, деятельность и контроль, определение параметров поведения и коррекция изменений. «Принципиальное отличие, состоит в обеспечении децентрализованных решений при установлении общих институциональных рамок. Планируются не действия экономических агентов, а соответствующие структуры, обеспечивающие этим агентам и обществу в целом снижение издержек» [16, с. 9]. Примером такой политики может служить опыт институционального строительства в рамках отдельных финансовых институтов, научных учреждений, фирм и даже регионов, где развитие осуществляется на основе институционального планирования.

Во-вторых, инструментом экономической политики государства являются институты, посредством которых снимается неопределенность (снижается энтропия), а также являются инструментом управления рисками экономических систем и снижения транзакционных издержек.

В-третьих, нельзя переносить принципы функционирования систем низшего уровня на уровень более высокого порядка. Интересы общества не являются суммой интересов индивидов, а глобальные интересы – суммой интересов отдельных стран, следовательно, для решения глобальных проблем должны быть созданы наднациональные институты управления.

В-четвертых, роль государства в формировании институциональной структуры общества и, соответственно, роль международных организаций на глобальном уровне – возрастает как в экономике, так и в политике.

В-пятых, экономическая политика должна формулироваться на понятном человеческом языке, поскольку политика направлена на корректировку поведения людей, которые как сознательные, разумные индивиды должны осознанно и добровольно осуществлять свой выбор. Если политика непонятна обычным людям, она не может быть эффективной, поскольку неопределенность сохраняется.

В-шестых, экономическая теория, зажатая в рамках «мейнстрима», перестала выполнять функцию теоретической основы экономической политики и стала главным препятствием развития экономической науки и общественного прогресса в целом как идеология «рыночного фундаментализма».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Прогресс, 1980. – Т. 29. Философские тетради. – XXVII, 944 с.
2. Маркс К. Избранные произведения: в 3-х т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1980. – Т. 1. – 640 с.
3. Кара-Мурза, С.Г. Идеология и мать ее наука / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2002. – 253 с.
4. Лафарг П. Воспоминания о Марксе / П. Лафарг. – М.: Госполитиздат, 1958. – 23 с.
5. Хрестоматия по экономической теории / сост. Е. Ф. Борисов. – М.: Юристъ, 1997. – 530 с.

7. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности / Дж. Сорос; пер. с англ. С.К. Умрихиной, М.З. Штернгарца. – М.: Изд. дом «Инфра-М», 1999. – 260 с.
8. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Киев: Политиздат Украины, 1982. – Т. 46. Ч. 1. [Экономические рукописи 1857-1859 годов. (Первоначальный вариант "Капитала")]. – XXVI, 515 с.
9. Бернштейн П.Л. Против богов. Укрощение риска / Питер Л. Бернштейн ; пер. с англ. [А. Марантиди]. – М. : Олимп-Бизнес, 2000. – 396 с.
10. Blaug M. Ugly Currents in Modern Economics. – Access mode // <http://www.irpp.org/po/archive/sep97/blaug.pdf>
11. Заде И. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / И. Заде ; пер. с англ. Н.И. Ринго ; под ред. Н.Н. Моисеева, С.А. Орловского. – М.: Мир, 1976. – 168 с.
12. Kosko B. Fuzzy Thinking: The New Science of Fuzzy Logic/ Publisher: Hyperion/ 1994/ 336 pages
13. Федосин С.Г. Основы синкретики. Философия носителей / С.Г.Федосин. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 460 с.
14. Кофман А. Введение в теорию нечетких множеств / А. Кофман ; пер. с фр. В.Б. Кузьмина ; под ред. С.И. Травкина. – М.: Радио и связь, 1982. – 432 с.
15. Журавлев А.Г. Управленческий труд и эффективность общественного производства / А.Г. Журавлев ; науч. ред. О.Н. Пашкевич. – Минск: Наука и техника, 1981. – 270 с.
16. Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности / К.Дж. Эрроу ; пер. с англ. Кеннет Дж. Эрроу ; [науч. ред., пер., авт. предисл. и послесл. Ф.Т. Алескеров]. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 201 с.
17. Лемещенко, П.С. Переходный период в контексте институционально-эволюционной теории / П.С. Лемещенко // Философия хозяйства. – 2002. – № 3. – С. 179–193.

НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКОНОМИКИ – КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Байнев Валерий Федорович

доктор экономических наук, профессор. Белорусский государственный университет,
кафедра менеджмента
г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: neweconomics@neweconomics.info

Аннотация. В статье показано, что в условиях глобализации основой конкурентоспособности выступают интеграционная доктрина развития и новая индустриальная политика. Обеспечение глобальной конкурентоспособности Беларуси и России объективно требует отказа от индивидуалистского конкурентно-рыночного мировоззрения в пользу традиционной коллективистской системы ценностей.

Ключевые слова: интеграция; доктрина; неоиндустриализация; вертикальная интеграция; нравственность; глобальная экономика; развитие

Код УДК: 330.34

Annotation. The article illustrates that the basis for competitiveness under conditions of globalization is the doctrine of integration and the new industrial policy. The ensuring of mutual competitiveness of Belarus and Russia will require rejection a competitive individualistic market outlook objectively imposed on us in favor of traditional system of collective values.

Keywords: integration; doctrine; neoindustrialization; vertical integration; morality; global economy; development

Сложности союзного строительства, растянувшегося на десятилетия, свидетельствуют, что на пути жизненно важных для всех нас интеграционных процессов имеются серьезные препятствия. Думается, что глубинные причины этих трудностей и проблем следует искать, прежде всего, в *мировоззренческой плоскости*. Имеются все основания считать, что главные трудности построения Союзного государства и интеграции в рамках СНГ во многом обусловлены тем, что постсоветские страны ориентированы на либерально-рыночную, конкурентную, состязательную, частнокапиталистическую доктрину развития. Очевидно, что подобная система ценностей до предела дезинтегрирует, «атомизирует» экономику и общество, ибо заставляет нас видеть друг в друге как минимум конкурентов, которых по объективным законам рыночного капитализма всемерно ослабляют, а затем подчиняют, поглощают, уничтожают. Тут уж, как говорится, не до братского единения народов! Вполне закономерно, что естественная для условий либерально-

рыночной экономики конкуренция как «война всех со всеми» время от времени перерастает в ставшие уже привычными газовые, нефтяные, молочные, сахарные и т.д., а иногда даже и полноценные «горячие» войны между некогда братскими странами и народами. Следует пояснить, что *классическая либерально-рыночная, конкурентная доктрина развития, обеспечивавшая процветание нынешних лидеров мировой экономики примерно до середины прошлого века и ныне принятая в ряде стран бывшего СССР, сегодня быстро теряет свою актуальность, уходит в прошлое. Ей на смену уверенно приходит интеграционная система ценностей, ориентирующая не на состязательность и конкуренцию, а на кооперацию и интеграцию экономических систем всех уровней.*

Последнее утверждение легко доказать на примере современных технологически развитых стран. Так, на уровне конкретных фирм и предприятий, интеграционный эффект реализуется в виде беспрецедентного роста концентрации капитала и прибыли под контролем крупных и сверхкрупных фирм. В частности, на протяжении последних десятилетий США, Великобритания, Япония, Франция и т.д. демонстрируют быстрый рост и усиление монопольной власти своих транснациональных корпораций (ТНК), реализующих вертикальную и горизонтальную интеграцию производственных процессов. В отличие от лукаво навязываемых периферийным странам представлений о конкуренции, малом и среднем бизнесе как «локомотивах» инноваций лидеры мировой экономики сделали ставку именно на крупные и сверхкрупные компании, в то время как роль малых и средних предприятий, как раз наоборот, быстро падает (табл. 1). Получается, что сегодня подлинным «движителем» инноваций и экономического развития в целом являются сверхкрупные фирмы, а отнюдь не конкуренция малых и средних предприятий.

Таблица 1

Концентрации капитала и прибыли под контролем корпораций США (1970–2005 гг.)

Год	Всего, %	Размер компании (величина ее капитала)						
		менее 10 млн. долл.	от 10 до 25 млн. долл.	от 25 до 50 млн. долл.	от 50 до 100 млн. долл.	от 100 до 250 млн. долл.	от 250 млн. долл. до 1 млрд. долл.	1 млрд. долл. и выше
<i>Капитал, %</i>								
1970	100	11,95	3,54	3,48	4,49	8,26	19,45	48,82
1980	100	9,15	3,15	2,52	3,03	5,44	13,00	63,72
1990	100	5,42	2,83	2,13	2,76	4,71	10,93	71,21
2000	100	3,54	1,76	1,49	1,87	3,09	8,03	80,23
2005	100	2,90	1,47	1,20	1,54	2,44	7,24	83,21
<i>Прибыль, %</i>								
1970	100	9,84	2,84	2,93	3,85	8,10	20,52	51,91
1980	100	8,41	2,42	2,06	2,68	4,90	12,42	67,11
1990	100	7,74	4,69	2,51	2,42	3,20	6,46	72,99

Год	Всего, %	Размер компании (величина ее капитала)						
		менее 10 млн. долл.	от 10 до 25 млн. долл.	от 25 до 50 млн. долл.	от 50 до 100 млн. долл.	от 100 до 250 млн. долл.	от 250 млн. долл. до 1 млрд. долл.	1 млрд. долл. и выше
2000	100	6,02	2,48	1,24	1,00	1,27	5,49	82,50
2005	100	4,29	1,59	0,98	0,97	1,99	4,12	86,06

Источник: Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) [1, с. 20]

На уровне национальной экономики интеграционный эффект реализуется благодаря быстрому усилению роли государства – этого системно интегрирующего экономику и общество института. Так, проведенный МВФ анализ бюджетной политики ведущих держав мира за последние 125 лет убеждает, что удельный вес государственных расходов в их ВВП неуклонно растет. В частности, с 1870 по 1996 годы эта доля в наиболее развитых державах мира выросла в среднем в 4,4 раза и составляет сейчас от 33,3% в США до 64,7% в Швеции (табл. 2). В связи с антикризисными мерами, предпринимаемыми правительствами большинства стран мира в последние годы, включая многомиллиардные вливания в экономику и национализацию крупнейших предприятий и банков, такая тенденция еще больше усилилась. К сожалению, во многих странах ЕвразЭС и СНГ (за исключением Беларуси) анализируемый показатель планомерно снижался на протяжении последних полутора-двух десятилетий и сегодня он существенно ниже, чем в большинстве стран даже с так называемой «либерально-рыночной экономикой».

И, наконец, на глобальном уровне интеграционный эффект достигается за счет того, что технологически развитые страны активно объединяются в рамках мощных интеграционных группировок типа ЕС, G7, ОЭСР, НАТО и др. По оценкам известного белорусского экономиста проф. С.А. Пелиха, за счет единения в рамках Евросоюза обеспечен совокупный интеграционный эффект в размере 100 млрд. евро в год, что существенно повысило глобальную конкурентоспособность унии и каждого из ее членов.

Таблица 2

Долгосрочная тенденция роста государственных расходов в наиболее развитых странах мира в период 1870–1996 гг., % ВВП

Страны/Годы	1870 г.	1913 г.	1920 г.	1937 г.	1960 г.	1980 г.	1990 г.	1996 г.
<i>Страны 1-й группы</i>	<i>Общие государственные расходы, % ВВП</i>							
Австралия	18,3	16,5	19,3	14,8	21,2	34,1	34,9	36,6
Австрия	-	-	14,7	20,6	35,7	48,1	38,6	51,7
Великобритания	9,4	12,7	26,2	30,0	32,2	43,0	39,9	41,9
Германия	10,0	14,2	25,0	34,1	32,4	47,9	45,1	49,0

Страны\Годы	1870 г.	1913 г.	1920 г.	1937 г.	1960 г.	1980 г.	1990 г.	1996 г.
<i>Страны 1-й группы</i>	<i>Общие государственные расходы, % ВВП</i>							
Ирландия	-	-	18,8	25,5	28,0	48,9	41,2	42,0
Канада	-	-	16,7	25,0	28,6	38,8	46,0	44,7
Новая Зеландия	-	-	24,6	25,3	26,9	738,1	41,3	34,7
Норвегия	5,9	9,3	16,0	11,8	29,9	43,8	54,9	49,2
США	7,3	7,5	12,1	19,7	27,0	31,4	32,8	33,3
Франция	12,6	17,0	27,6	29,0	34,6	46,1	49,8	54,5
Швеция	5,7	10,4	10,9	16,5	31,0	60,1	59,1	64,7
Швейцария	16,5	14,0	17,0	24,1	17,2	32,8	33,5	39,4
Япония	8,8	8,3	14,8	25,4	17,5	32,0	31,3	36,2
<i>В среднем по 1-й группе стран</i>	<i>10,4</i>	<i>12,3</i>	<i>18,7</i>	<i>23,2</i>	<i>27,9</i>	<i>41,9</i>	<i>43,0</i>	<i>44,5</i>
<i>Страны 2-й группы</i>	<i>Расходы центрального правительства в 1870–1937 гг., общие государственные расходы за 1937–1996 гг.</i>							
Бельгия	-	13,8	22,1	21,8	30,3	57,8	54,3	54,3
Испания	-	11,0	8,3	13,2	18,8	32,2	42,0	43,3
Италия	11,9	11,1	22,5	24,5	30,1	42,1	53,4	52,9
Нидерланды	9,1	9,0	13,5	19,0	33,7	55,8	54,1	49,9
<i>В среднем по 2-й группе стран</i>	<i>10,5</i>	<i>11,2</i>	<i>16,6</i>	<i>19,6</i>	<i>28,2</i>	<i>47,0</i>	<i>51,0</i>	<i>50,1</i>
В среднем по странам 1 и 2-й групп	10,5	11,9	18,2	22,4	27,9	43,1	44,8	45,8

Источник: Лисин В.Е. Макроэкономическая теория и политика экономического роста [2, с. 68]

Таким образом, нам пора бы уже и осознать, что принятая к реализации в большинстве стран бывшего СССР *дезинтегрирующая либеральная, конкурентно-рыночная модель экономического развития и соответствующее ей мировоззрение являются непреодолимыми препятствиями на пути объединительных процессов в регионе*. Более того, они наносят невосполнимый ущерб глобальной конкурентоспособности наших стран, ибо являются устаревшей, не соответствующей современным реалиям и потому давно отвергнутой технологически развитыми странами системой экономических воззрений.

Другим практическим подтверждением данного вывода служат негативные процессы, развернувшиеся в странах бывшего СССР по мере их либерально-рыночного «оздоровления».

В числе таких разрушительных явлений:

1. Беспрецедентное для условий мирного времени снижение научно-технического и инновационного потенциала. Это выразилось, например, в 2 – 5-кратном снижении наукоёмкости ВВП стран СНГ до нынешних 0,3 – 1,2%, что существенно ниже оптимального (3%) и порогового (2%) уровней. Поэтому вполне закономерно, что Россия сдала свои позиции на мировом рынке наукоёмкой и высокотехнологичной продукции другим странам, осуществляющим более дальновидную экономическую политику.

2. Деиндустриализация постсоветских стран (за исключением Беларуси и Казахстана) как процесс снижения их промышленного, индустриального потенциала. Следует подчеркнуть, что деиндустриализация, таящая в себе прямую угрозу экономическому и политическому суверенитету, в корне противоречит современным тенденциям развития государств, демонстрирующих актуальное для нас догоняющее развитие. Следует пояснить, что разрушение промышленности периферийных стран – важный конструктивный элемент системы их неколонизации технологически развитыми державами.

3. Ухудшение качества жизни большинства населения, что выразилось, например, в скачкообразном снижении такого всемирно признанного обобщающего показателя, как индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Известно, что СССР по данному показателю незначительно уступал США. Если в 1989 г. Советский Союз занимал по ИРЧП 26-е место, уступая Штатам с их 19-м местом всего 7 позиций [3, с. 65], то за годы либерально-рыночного «оздоровления» стран бывшего СССР это отставание увеличилось почти в 9 раз. Так, в 2011 г. рыночно-капиталистическая Россия по ИРЧП заняла лишь 66-е место, уступив США с их 4-м местом уже 62 позиции. Для справки – лидирующая среди стран СНГ Беларусь в 2010 г. расположилась на 65 месте.

4. Деградация и депопуляция населения. Известно, что в СССР в период с 1950 по 1991 годы численность населения возрастала в среднем по 2,6 млн. чел. в год, увеличившись на 111,6 млн. чел. – со 178,5 до 290,1 млн. чел. За годы дезинтегрирующих рыночных реформ людские потери восточнославянских стран (с учетом положительного сальдо миграции 4,5 млн. чел.) составили не менее 16 млн. чел. «убитыми». Если учесть наши потери «ранеными» – многие и многие миллионы наркоманов, алкоголиков, бомжей, преступников, безработных и т.п., то вполне правомерно вести речь о разразившемся в наших странах *рынкоморе*. Последний даже по оптимистичным прогнозам экспертов ООН к концу нынешнего века должен сократить население России, Украины и Беларуси почти в 2 раза (табл. 3).

Таким образом, сегодня во имя выживания, во имя будущего наших детей и внуков, для того чтобы переломить описанные негативные тенденции развития постсоветских стран *нам, как воздух, необходим прорывной, амбициозный, жизнеутверждающий проект*, способный «зажечь» нашу угасающую восточнославянскую цивилизацию, вдохнуть надежду и жизнь в наши «надломленные» либерально-рыночными реформами народы. Этот проект под условным названием «Наш прорыв в XXI век и третье тысячелетие» может и должен стать «локомотивом» и «катализатором» интеграционных процессов в рамках Союзного государства и в регионе бывшего СССР в целом.

Базовые параметры нового, по-настоящему прорывного проекта можно определить, исходя из следующих очевидных соображений. Не секрет, что в нынешнюю технотронную эпоху место страны в иерархии технологически развитых держав всецело определяется уровнем развития ее промышленного комплекса. Именно в промышленности максимальна концентрация высокотехнологичных и наукоёмких производств, поставляющих прогрессивные средства труда в прочие отрасли и сферы жизнедеятельности. Это значит, что *подлинным локомотивом инновационного развития современной экономики выступает промышленный комплекс, индустрия*.

Таблица 3

Рынокотор восточнославянских республик бывшего СССР в период с 1990 по 2010 гг. и прогноз его динамики в XXI веке

Страна	Численность населения, млн. чел.						
	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	Прирост за период 1990-2010 гг.	Прогноз экспертов ООН	
						2050 г.	2100 г.
Беларусь	9,627	10,189	10,005	9,481	- 0,708	7,539	5,745
Россия	138,127	147,662	145,559	142,414	- 5,248	101,456	79,537
Украина	49,609	51,452	49,246	45,690	- 5,762	31,749	24,129
<i>Итого</i>	<i>197,363</i>	<i>209,303</i>	<i>204,810</i>	<i>197,585</i>	<i>- 11,718</i>	<i>140,744</i>	<i>109,411</i>

Источник: База данных Отдела статистики ЕЭК ООН, Демографический кризис в регионах СНГ [4, 5]

Об этом же, кстати, свидетельствует и опыт технологически развитых стран, которые сегодня, по мнению многих специалистов, вступили во вторую фазу индустриализации, именуемую *неоиндустриализацией* [1, 6]. Например, в 2004 г., несмотря на лукаво навязываемую нам концепцию постиндустриализма (экономики услуг), удельный вес производства средств производства в совокупном общественном продукте США составил почти 56%, Германии – свыше 58%, а Японии – около 60%. Как показывает непредвзятая статистика, доля материальных факторов в общем потреблении американских домашних хозяйств никогда не опускалась ниже 64%, что не позволяет вести речь о доминировании экономики услуг [1]. Указанные факты свидетельствуют, что вопреки лукавым попыткам направить нас по пути опережающего развития сферы услуг, сами лидеры мировой экономики развиваются исключительно благодаря реальному сектору экономики и, прежде всего, промышленности, индустрии. Иными словами, для западных стран характерен переход не к постиндустриальной, а скорее к сверхиндустриальной, основанной на масштабном внедрении элементов VI технологического уклада, экономике.

Таким образом, на основе сравнения общемировых тенденций экономического развития и фактов деиндустриализации постсоветских стран, можно сделать вывод, что обозначенным выше прорывным инновационным и интеграционным проектом в странах Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ должен стать курс на их *неоиндустриализацию*. При этом неоиндустриализация, трактуемая в качестве второй фазы индустриализации, первый этап которой успешно пройден нашими странами в 20-30 годы прошлого столетия, должна предусматривать скачкообразное наращивание количественных и качественных показателей работы отечественного промышленного комплекса на основе массивного внедрения техники и технологий, относящихся к VI технологическому укладу. Именно неоиндустриализация может и должна стать для нас современным «Поле Куликовым» – главным фактором нашего прорыва в технотронный XXI век.

Важно отметить, что обозначенная задача прорыва в технотронную эпоху третьего тысячелетия отнюдь не невыполнима. В 1925-1940 гг. мы уже явили миру русское чудо прорыва

в индустриальный XX век, после того как на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. был официально провозглашен курс на индустриализацию СССР. В результате аграрная Россия к середине прошлого века превратилась в мощную индустриально развитую державу, которая в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) доказала свое экономическое превосходство над хозяйственными системами Германии и всех прочих поработанных ею «цивилизованных» европейских стран.

Так, за годы индустриализации в СССР было введено в действие 9 тыс. крупных, оснащенных передовой техникой промышленных предприятий. Созданы новые отрасли промышленности: тракторная, автомобильная, станкостроительная, авиационная и др. К 1940 г. валовая продукция промышленности СССР возросла по сравнению с 1928 г. в 6,5 раза, в том числе производство средств производства увеличилось в 10 раз. Уже в 1937 г. свыше 80% всей промышленной продукции было получено с новых предприятий. В результате по объему промышленной продукции СССР к 1937 г. вышел на 1-е место в Европе и 2-е в мире.

Позднее, как результат этого индустриального прорыва, мы самыми первыми запустили в космос спутник, человека, луноход и космическую станцию, спустили на воду атомный ледокол, ввели в строй атомную электростанцию, построили синхрофазотрон... Одним словом, на равных соперничая с самими США по ряду направлений науки и техники, мы долгие годы были на самом острие научно-технического прогресса до тех пор, пока не начались рыночные, частнокапиталистические, дезинтегрирующие, разобщающие нас реформы.

Как известно, формула первой фазы индустриализации выглядела следующим образом:

Индустриализация = Электрификация + Механизация народного хозяйства.

Поскольку Россия, Беларусь, другие союзные республики унаследовали от СССР в основном электрифицированную и в значительной степени механизированную производственную базу, сегодня нам вполне возможно перейти к осуществлению второй фазы индустриализации – неоиндустриализации [1].

Содержание формулы неоиндустриализации можно представить так:

*Неоиндустриализация = Вертикальная интеграция производства +
Автоматизация народного хозяйства.*

Опыт современного развития лидеров мировой экономики показывает, что они уже вступили в фазу неоиндустриализации. Так, охарактеризованный выше рост концентрации капитала и прибыли под контролем западных ТНК, реализующих полный цикл переработки сырья в готовую продукцию, позволяет вести речь о высокой степени вертикальной интеграции производства в экономиках развитых стран. Тотальная компьютеризация рабочих мест обеспечивает возможность сквозной автоматизации производственных процессов вплоть до передачи компьютерам с функциями искусственного интеллекта значительной части управленческих, контрольных и отчасти даже творческих функций.

Таким образом, очевидно, что Россия, Беларусь, другие страны бывшего СССР, если они желают остаться на политической карте мира в третьем тысячелетии, *должны немедленно сосредоточить усилия на разработке и реализации скоординированной межгосударственной промышленной политики. Ее стержнем должна стать неоиндустриализация, а конечной целью – сохранение и повышение глобальной конкурентоспособности, выход в лидеры научно-технического прогресса и мировой экономики в целом.* Наши народы во имя будущего наших детей и внуков просто обязаны вернуть себе утраченную возможность строить самые мощные электростанции, самые зоркие телескопы, самые быстрые звездолеты, самые могучие локомотивы, первыми покорять космические дали и океанические глубины, выступать оплотом мира и справедливости на планете Земля.

Очевидно, что требующая интеграции неоиндустриализация потребует кардинальной корректировки доминирующей в обществе системы ценностей. Тем более, что наши традиционные мировоззренческие коллективистские идеалы изначально входят в антагонистическое противоречие с активно насаждаемыми нам индивидуалистскими западными «общечеловеческими», демо(но)кратическими ценностями. Последние, как известно, во главу угла ставят права, свободы и потребности индивидуума и тем самым провоцируют всеобщую конкурентную борьбу за их реализацию, то есть непрерывную рыночную «войну всех со всеми». Тут уж, как говорится, не до интеграции! Неслучайно ныне почивший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II (1929-2008) в г. Страсбурге в октябре 2007 г. на сессии ПАСЕ отмечал, что «сегодня происходит губительный для европейской цивилизации разрыв взаимосвязи прав человека и нравственности. Это наблюдается в появлении нового поколения прав, противоречащих нравственности, а также в оправдании безнравственных поступков с помощью прав человека» [7]. Результат указанного антагонизма – в обществе растут протестные настроения, поскольку, как это уже теперь вынуждены отмечать даже специалисты приближенного к власти Российского института стратегических исследований, «правительство упустило из виду идеологическое здоровье российского общества» [8, с. 4].

Нравственная экономика призвана обеспечивать соблюдение фундаментальных интересов всего народа, а не какой-либо малой его части – олигархов, криминала, бюрократического чиновничества и т.п. С экономической точки зрения расширенное воспроизводство нации достигается за счет *максимизации инвестиций в человеческий капитал нации и принадлежащие ей активы*, а не максимизации прибыли для избранных за счет использования большинства в качестве приобретаемого на рынках (труда) ресурса. Только на этой – нравственной – основе нашим странам сегодня возможно осуществить неоиндустриальный прорыв!

Вертикальная интеграция со всей очевидностью потребует восстановления (усиление) государственного контроля над стратегическими, инфраструктурными, рентными отраслями экономики вплоть до их частичной и полной национализации. В 1996 г. российским экономистом Сергеем Губановым был открыт экономический закон вертикальной интеграции [1, 6]. Этот закон утверждает, что любая цепочка последовательных производств, обеспечивающих преобразование сырья в конечный продукт, функционирует с максимальной экономической эффективностью при условии, когда прибыль снимается со всей цепочки в целом, а не с каждого из ее отдельных звеньев. Если же игнорировать данный закон, как это, например, случилось при насильственном расчленении единого народнохозяйственного комплекса СССР и далее – в процессе допущенной на его территории приватизации-дезинтеграции, эффективность экономических систем быстро снижается. Это происходит, главным образом, по той причине, что сырьевые компании, объективно расположенные в самом начале описываемых цепочек создания добавленной стоимости, имеют возможность «взять за горло» постоянно растущими ценами на сырьевые и энергетические ресурсы все следующие за ними обрабатывающие и выпускающие производства. В результате в национальной экономике угнетаются ее несырьевые, прежде всего, наукоемкие и высокотехнологичные секторы, а стремление сырьевых компаний «выкачать» из них прибыль постоянно растущими ценами и тарифами на свою продукцию порождает самовоспроизводящуюся инфляцию. Неслучайно сырьевые перекосы экономического роста и «загадочно необоримая» инфляция сделались своего рода визитными карточками стран бывшего СССР.

Поэтому сейчас, как никогда ранее, для России, Беларуси и других стран бывшего СССР актуален решительный отказ от либерально-рыночной частнокапиталистической доктрины развития, включая повышение роли государства и как планирующего, регулирующего экономику института, и как глобального предпринимателя, о чем уже неоднократно шла речь выше. Важно помнить, что экономический либерализм не только не создает условий для полноценной конкуренции, но и обеспечивает беспрецедентные конкурентные преимущества сверхкрупному

долларовому капиталу. В условиях либерально-рыночной экономики могучие западные ТНК получают возможность беспрепятственно пользоваться своей силой против слабости наших предприятий для того, чтобы подчинить, захватить или уничтожить своих изначально более слабых конкурентов – отечественные предприятия.

К сожалению, абсолютизация «чудотворной силы» частной собственности вплоть до ее «обожествления» – одна из наиболее важных причин многих негативных процессов в странах бывшего СССР. Частнокапиталистическая, не регулируемая объективно заинтересованным в долгосрочном развитии государством либеральная экономика не может быть нравственной в том смысле, что частнику, особенно иностранному, в подавляющем большинстве случаев безразличны проблемы перспективного прогресса страны и, соответственно, расширенного воспроизводства нации. Отнюдь не случайно наш всемирно известный соотечественник, нобелевский лауреат, депутат ГД РФ, вице-президент РАН Ж.И. Алферов в своем выступлении в г. Москве 3 апреля 2010 г. заявил буквально следующее: «Частная собственность – это раковая опухоль, а бизнес – ее метастазы». Думается, странам бывшего СССР ради «выздоровления» их кризисных экономик необходимо проанализировать и объективно оценить итоги приватизации-денационализации, которую в народе презрительно окрестили «прихватизацией» и даже на либеральном Западе ассоциируют с «пиратизацией».

Еще один необходимый шаг – возврат к трудовой парадигме экономической науки и практики. Это подразумевает отказ от нынешней абсолютизации рынка (сферы обмена), от уничтожения производительного труда и возвеличивания «труда» всевозможных рыночных менял – банкира-ростовщика, торгаша-спекулянта и биржевого игрока. Важно понимать, что процесс расширенного воспроизводства реализует в себе ряд неразрывных его стадий, включая исследования и разработки, производство, обмен, распределение, потребление. Абсолютизация роли какой-либо одной из этих фаз, в данном случае «обожествление» сферы обмена (рынка), приводит к тому, что именно она оттягивает на себя «львиную долю» всех ресурсов и тем самым «обескровливает», угнетает прочие, жизненно важные стадии расширенного воспроизводства. Поэтому деиндустриализация, процессы разрушения науки и производства, снижение уровня жизни основной массы занятых в этих сферах людей, весьма роскошная жизнь немногочисленной прослойки «ударников капиталистического труда» и, как результат, вопиющая экономическая дифференциация населения – это прямые и неизбежные следствия нашего искаженного миропонимания, связанного с «обожествлением» рынка и сферы обмена в целом.

Наши народы – великороссы, малороссы и белорусы – должны и обязаны быть вместе, чтобы сообща отстоять и сделать нормой жизни наши общие традиционные, коллективистские, проверенные временем духовно-нравственные ценности. На этой и только на этой мировоззренческой платформе, реализуя скоординированную, взаимодополняющую научно-техническую, инновационную, промышленную, экономическую политику, Россия и Беларусь, а также другие интегрирующиеся вокруг Союзного государства страны бывшего СССР смогут выдержать глобальную конкуренцию, сохранить экономическую и политическую независимость в третьем тысячелетии. Иными словами, формуле «Разделяй и властвуй!» надо противопоставить наше славянское, коллективистское, нравственное – «Пока мы едины – мы непобедимы!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанов С. С. Неиндустриализация плюс вертикальная интеграция : (о формуле развития России) / С. С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3-27.

2. Лисин В. Е. Макроэкономическая теория и политика экономического роста : учебное пособие / В. Е. Лисин. – Москва : Экономика, 2003. – 320 с.
3. Волович В. Н. О сущности и стратегии российских экономических реформ / В. Н. Волович // Проблемы современной экономики. – 2003. – № 3/4. – С. 64-68.
4. База данных Отдела статистики ЕЭК ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://w3.unep.org/prxweb/Dialog>. – Дата доступа: 22.05.2012.
5. Демографический кризис в регионах СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zlev.ru/61_56.htm. – Дата доступа: 06.03.2010.
6. Губанов С. С. Державный прорыв. Неиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. С. Губанов. – Москва : Книжный мир, 2012. – 224 с.
7. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II назвал ряд самых значительных событий 2007 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nne.ru/news_pr.php?id=4984.
8. Кузнечевский В. Д. Экономический кризис правительство преодолевает успешно, на очереди – выработка мер по преодолению кризиса идеологического / В. Д. Кузнечевский. – Москва : РИСИ, 2012. – 84 с.

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ КАК КАТЕГОРИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Толокина Елена Леонидовна

доктор экономических наук, профессор. Московский педагогический университет, кафедра экономической теории и менеджмента

г. Москва, Российская Федерация. E-mail: tolokina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается категория «рабочее время», как основа закона стоимости, и «деньги», как форма экономического времени общества, а также «свободное время», как цель общественного производства. В статье определено место этих категорий в системе категорий экономической теории как центральное в дефиниции закона экономии времени. Рассматривается вопрос о возможности стимулирования свободным временем вместо материального вознаграждения. Отмечается социальное значение свободного времени в становлении социального государства. Подробно анализируется временной компонент постиндустриального общества и специфический процесс диффузии рабочего и свободного времени.

Ключевые слова: рабочее время; свободное время; закон экономии времени; социальное государство; постиндустриальное общество; диффузия рабочего и свободного времени

Код УДК: 330.01

Annotation. The article deals with the category of «working hours» as the basis of the law of cost, «money» as a form of economic time of the society, and «free time» as the purpose of social production. These categories are defined as central in the system of categories of the economic theory according to the definition of the law of economy of time. The author examines the possibility of stimulation by means of spare time instead of material reward. Social value of spare time is marked in establishing a social state. The time component of post-industrial society and the specific process of working and free time diffusion are analyzed in detail.

Keywords: working hours; free time; law of saving of time; social state; post-industrial society; diffusion of working and free time

Свободное время – категория парная. Рассматривать ее можно только в паре с категорией «рабочее время». Ведь это две части общего бюджета времени работника. Эти части можно рассматривать в различные временные промежутки: в астрономический день, в астрономическую неделю, в месяц, год, а также исследовать соотношение рабочего и свободного времени в течение всего жизненного цикла. Но, несмотря на важную роль, которую имеет время в жизни человека и человеческого общества, общетеоретический аспект анализируемых в статье категорий выявлен до сих пор недостаточно.

По общему мнению ученых, время и пространство – понятия неопределимые. Однако современному человеку представляется необходимым измерять как первое, так и второе. Правда, так было не всегда. Свободное оперирование понятием «время» связано с развитием отношений

товарного хозяйства, создавшими особый тип «экономического человека». Именно ему принадлежит явление гипостазирования (то есть рассмотрения абстрактных объектов, не обладающих пространственными и временными онтологическими статусами, в качестве непосредственных объектов человеческого мышления) и овеществления времени в человеческом сознании. [1, с. 6]

Если смотреть на систему категорий одного из основных течений современной экономической науки, плотно оккупировавшей учебный процесс на всех уровнях (имеется в виду неоклассика), то не только свободному времени, но и вообще, понятию «время» места почти не выделено. Ну, разве что в разделе о ресурсе «труд», где известная кривая показывает, что, коль скоро предельная полезность благ, получаемая в результате часа труда, станет ниже предельной полезности досуга, потребитель выберет свободное время.

Но в рамках теоретической экономики мне не хотелось бы начинать анализ заявленной проблемы с фазы потребления. Поэтому я обращаюсь не к неоклассикам, а к их предтече – классической школе политической экономии с ее, на мой взгляд, важнейшим научным достижением – трудовой теорией стоимости.

В теории, объясняющей закономерности хозяйственной деятельности человечества, существует ряд догматов. Один из таких догматов – роль разделения труда в повышении его производительности. Именно с углублением общественного разделения труда рост производства стал отличаться такими высокими темпами, что за несколько столетий возникла так называемая «вторая природа», материальная жизнь изменилась для, как минимум, миллиарда землян коренным образом и рабочее время перестало занимать большую часть их деятельности. Однако в товарном производстве именно рабочее время легло в основу ключевого понятия «стоимость». Его количественной определенностью классики считали величину затраченного на производство товара общественно-необходимого труда или общественно-необходимого времени этого труда. Как писал К. Маркс, «сведение всех товаров к рабочему времени есть не большая, но, вместе с тем и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух» [2, с.17]. Это наводит нас на интересную мысль. Если денежное выражение величины стоимости – цена, то деньги имеют к ней непосредственное отношение. И знаменитая фраза «время – деньги» обозначает не просто необходимость как можно дольше работать, чтобы как можно больше получить (или обратно: не тратить время попусту, иначе не будет результата в виде необходимых благ). В контексте теоретической экономики деньги превращаются в экономическое время общества. В сознании «экономического человека» время, как и деньги, тоже можно тратить и накапливать, экономить и расходовать. Во всяком случае, это относится к обществу, которое «наблюдает часы» в своей производственной деятельности. Общество это не слишком счастливо, но зато гораздо богаче материально по сравнению со своими предшественниками, которые временем не интересовались.

Надо отметить, что на бытовом уровне распространено ошибочное мнение, что у всех сфер человеческой активности, да и вообще в природе, форма времени едина – это время ньютоновой механики. Но представители негуманитарных наук прекрасно осведомлены, что это не совсем так. В микромире и макромире время иногда даже течет в обратном направлении – от будущего к прошлому. В астрономии форма времени – световой год, то есть расстояние, которое свет проходит за год. Это не часы и не минуты, а триллионы километров. И в биологии есть своя форма времени, связанная со скоростью размножения бактерий. Вот и в экономической науке временем оказываются деньги со своим масштабом часов-минут: рубль-копейка, доллар-цент. Кстати, этот масштаб оказывается ближе к пространственному, метрическому, чем к временному с его делением на 60, а не на 100. И это тоже результат пространственно-временного видения хозяйственной деятельности.

Итак, объективный экономический закон экономии времени. Все понятия типа экономический рост, производительность труда, разделение труда, эффективность производства являются целевыми в индустриальном хозяйстве, будь оно общественное или частное. А результатом всех этих процессов должно стать уменьшение рабочего времени общества, которое оно тратит на удовлетворение своих материальных нужд. А значит, человечество все время борется за увеличение своего свободного времени. Чтобы стать подлинным человечеством. По марксистским представлениям, именно свободное время является истинной формой богатства, пространством для свободной творческой деятельности человека.

Особенно остро встает проблема свободного времени в новой постиндустриальной экономике. Увеличение доли творческого труда в совокупном труде общества ставит в ряд важнейших разрешение данной проблемы даже в рамках рыночной экономики с ее наемной формой труда. Говоря об особенностях найма креативного работника по сравнению с репродуктивным, А.В. Бугалин отмечает, что «творческий процесс протекает не только в рабочее, но и в свободное время. Отсюда вытекает стремление капитала приобрести Человека со всеми его личностными качествами, все время его жизнедеятельности, все продукты его личностной самореализации. Отсюда, в частности, заинтересованность собственника капитала в долгосрочном (в пределе – пожизненном) контракте с креатором» [3, с. 13]. Заметим, что здесь время берется в различных пластах, вплоть до жизненного цикла работника. Это надо отметить, а то в проблеме свободного времени акцент всегда делается на дне – месяце-годе, что связано с традиционной статистикой трудовой деятельности. В годовом разрезе главная составляющая свободного времени – продолжительность оплачиваемых отпусков. Но сегодня, когда интенсивность умственной деятельности невероятно высока, очень важно определить, на сколько лет хватит работника при такой интенсивности. То есть встает проблема возрастной оценки окончания рабочего периода жизни человека. Ведь многие показатели свидетельствуют о том, что творческий человек является долгожителем и в физическом смысле, и как работник.

Заметим, что, в рыночном хозяйстве индустриального типа свободное время является скрытой за материальным потреблением стратегической целью производства, но основа соизмерения различных видов труда все же остается за приведенным рабочим временем или величиной стоимости. В переходный период к постиндустриальному обществу или «экономике знаний» это противоречие снимается. Происходит это в процессе диффузии свободного и рабочего времени. Теперь достаточно сложно определить у представителей массовых профессий, таких, как учителя, врачи, инженеры, ученые, деятели культуры и даже менеджеры с чиновниками, – где у них кончается рабочий день и начинается свободное время. Новая форма экономического времени общества совмещает в себе обе стороны «бывших противоположностей». Это приводит к тому, что затраты труда одновременно становятся его результатами. Особенно четко это проявляется в сфере высших услуг, где непосредственно производятся и передаются знания. А знания превращаются в основной продукт производства, имеющий в своей природе нетоварную составляющую. И это новое противоречие разворачивается в новой экономической деятельности общества, превращая его возрастающее свободное время в рабочее время отдельных работников нематериального производства, в увеличивающееся время обучения каждого гражданина не только развитых, но и развивающихся стран. В системе категорий постиндустриального хозяйства единица времени, совмещающая в себе черты как рабочего, так и свободного времени, будет занимать еще более важное место. Недаром одной из стратегических целей опережающего развития нашей страны ученые называют «рост свободного времени (времени, в котором осуществляется развитие человеческих качеств) при сокращении времени репродуктивного труда (труда, как средства обеспечения жизни), трансакций (типичный пример – «шопинг»), «досуга» (нерабочего времени, не обеспечивающего развитие человеческих качеств) и т.п. Использование параметра «свободное время общества» как одного из ключевых измерителей качества развития» [4, с. 299].

Таким образом, центральное место в системе категорий свободное время завоевывает не только как цель общественного производства, то самое «подлинное богатство», но и как равноправное с рабочим время созидания стоимости в рыночном хозяйстве, при переходе к его высшей стадии.

Закон экономии времени особенно ярко реализуется в сфере образования. Все большая часть жизни уходит у человека на учебу, повышение квалификации, приобретение второй, третьей профессии в высших учебных заведениях. Даже в самых бедных странах Африки, Азии, Латинской Америки начальное образование становится нормой. Развитые страны переходят к обязательному высшему образованию. Квалифицированный работник, в свою очередь, через прогресс техники и технологии, которому такой работник активно способствует, наращивая производительность своего труда, вновь запускает процесс увеличения свободного времени общества.

В истории рыночного хозяйства этот процесс проявляется в законодательном уменьшении продолжительности рабочего времени, введении институтов оплачиваемого отпуска и пенсионного обеспечения. В XIX веке случился известный билль о 10-ти часовом рабочем дне, когда капиталисты думали о грядущей катастрофе, а получили возможность необыкновенно долго эксплуатировать удивительную способность работника увеличивать интенсивность труда в условиях сокращения его времени. Эту обратно пропорциональную зависимость между величиной рабочего времени и интенсивностью труда заметили классики марксизма-ленинизма. Так, К. Маркс писал: «Чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем больше сокращается рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда» [5, с. 539]. Эту же идею мы находим и у В.И.Ленина: «...при длинном рабочем времени рабочий вырабатывает в каждый час изделий меньше и гораздо хуже, чем при коротком рабочем дне» [6, с. 278]. Сегодня трудно поверить, что всего лишь сто лет назад в Чикаго расстреляли демонстрацию рабочих, требовавших всего лишь восьмичасового рабочего дня (под этим лозунгом проходила и революция 1917 года в России). Сегодня это стало нормой во многих странах мира, но экономический рост от такого уменьшения рабочего времени не только не сократился, но значительно возрос. По этим фактам мы можем судить о реализации объективного экономического закона экономии времени в экономической политике различных государств. Кстати, гипотезы о повышении отдачи труда в процессе сокращения рабочего времени подтверждались эмпирическими данными различных исследований еще в конце XX века. Их проводили и советские ученые, и их коллеги за рубежом. То есть независимо от того, плановая или рыночная система господствовали в той или иной стране, закономерность оставалась.

Приведем несколько примеров. На режим неполного рабочего дня перевели работников обувной фабрики, в составе которых была значительная доля женщин, имеющих малолетних детей, а также пенсионеры. Интересно, что последние, работая полный рабочий день, демонстрировали среднечасовую выработку на 16% ниже, чем рабочие трудоспособного возраста. Но как только их переводили на режим неполного рабочего дня, тот же показатель оказывался на 7% выше среднеспяточного работника. Если же считать по интегральному индексу выработки, учитывая в нем и внутрисменные потери, то этот показатель оказывался наиболее высоким у женщин трудоспособного возраста, работавших неполное рабочее время – 1,148 [7, с. 17]. Так что уменьшение рабочего времени выгодно не только трудящимся, но и работодателям. Но, как и в XIX веке, капиталисты понимают это не сразу, что нельзя сказать о наемных рабочих. Недаром за право иметь значительное свободное время продолжают классовые битвы и в XXI веке. Как только встает вопрос об уменьшении свободного времени в жизненном цикле работника, трудящиеся весьма активно включаются в борьбу за сохранение своих завоеваний. Это еще раз показало рабочее движение в развитых странах Европы и Северной Америки в период мирового экономического кризиса 2008 года. Капитал, естественно, выбирается из него не только через снижение зарплат (скрытое увеличение рабочего времени), но и через увеличение пенсионного

возраста, аргументируя свои действия демографическими проблемами.

Еще одним аспектом наличия свободного времени в системе категорий, непосредственно связанных с фазой производства, служит возможность его использования в качестве стимула трудовой деятельности и даже в качестве одного из ее измерителей. Что касается стимулирования с помощью свободного времени работника, то достаточно вспомнить хрестоматийный пример из опыта Э. Мэйо (позже названного эффектом Хоторна), проведенного на одной из фабрик в начале 20-х годов прошлого столетия. Там для работников вводились четыре перерыва по 10 минут и выяснилось, что производительность труда повысилась несмотря на формальные потери 40 минут. Причем дальнейшие исследования показали, что произошло это не только в связи с возможностью передохнуть, но и в связи с использованием этого отдыха для общения, в том числе и «на производственные темы». Эти опыты дали начало новому направлению в менеджменте – школе «человеческих отношений» [8, с. 59-61].

Использование стимула «свободное время» для измерения (нормирования) труда основано на гипотезе Б.М. Раковского об «урочной оплате труда». В развитие этой идеи была доказана возможность редуцирования труда в непосредственных часах рабочего времени. Соблюдение ряда условий дало возможность вывести формулу «равноинтенсивного часа» [9, с. 53]. Метод нормирования труда при помощи стимулирования свободным временем, предложенный Б.М. Раковским, имел ряд ограничений. Первое связано с деятельностью, интенсивность которой задана ритмом оборудования, то есть не зависит от личных усилий работника. Второе относится к работам, где возможна только повременная оплата, например, библиотекарь, дежурный слесарь, секретарь, охранник. Урочная оплата – это работа с укороченным рабочим временем, но при сдельной оплате труда. Каждый работник выполняет индивидуальное задание, но вначале «урок» устанавливается в результате коллективного самонормирования. Льготное время работник зарабатывает более интенсивным трудом, не снижая ни качества, ни количества сделанного. Мы уже говорили, что объективные факторы для увеличения интенсивности труда имеются в индустриальном хозяйстве. И самый важный из них – само уменьшение рабочего дня. Советские ученые, используя модель «урочной оплаты», установили, что час уменьшения рабочего времени увеличивает норму выработки на 6,25% [10, с. 64].

Методика урочной оплаты труда состоит в следующем. Все работники предприятия переводятся в установочный период на режим свободного окончания работы. Для менеджера задача состоит в том, чтобы привести зарплату и нормы выработки в соответствие с личным трудовым вкладом каждого работника. Первоначально прежние нормы сохраняются как ориентиры. В ходе эксперимента фиксируется фактическое время выполнения этих норм каждым членом коллектива. В результате получают данные о зависимости трех факторов: сменной нормы, рабочего времени для ее выполнения и заработной платы. Нормы выработки для каждой зарплатной группы участвующих в эксперименте по окончанию установочного периода пересматривают, если это необходимо. Добавление или снятие трудовых функций или количества вырабатываемой продукции проводится с целью привести фактическое среднее время работников, получающих одинаковую зарплату, к заданному. Последнее находят следующим образом: принимают время для группы работников, получающих на данном предприятии максимальную зарплату, за 8 часов. Время остальных «зарплатных групп» так относят к 8-ми, как зарплата группы относится к местному максимуму (если максимальное рабочее время по закону не более восьми часов, а минимум по условиям эксперимента не ограничен). Получаем шкалу норм выработки, переводим ее в натуральные показатели, предъявляем ее работнику к обязательному исполнению и – снимаем ограничения по времени производства.

Акцентируем внимание читателей на том, что норма здесь является результирующей величиной от общественного действия работников предприятия. Они являются полноправными

соавторами эксперимента, а не простыми исполнителями для проверки расчетов, полученных в кабинетах различных уровней. Работники сами делают выбор между увеличением свободного времени или уменьшением интенсивности труда. Именно этот выбор отразится и в новой норме «зарплатной группы». Стимул «свободное время» здесь оказывается объективным и отчасти материальным. Насколько велика потребность в свободном времени у общества или у отдельной личности, настолько увеличится или снизится общественная интенсивность труда, которая при широком распространении «урочной оплаты» проявлялась бы в увеличении или снижении индивидуальной интенсивности труда каждого работника.

Описанная математическая модель «урочной оплаты труда» предполагает, что потребность в зарплате и свободном времени развиты одинаково, то есть работник в равной степени заинтересован в увеличении заработка и свободного времени. Какова действительная пропорция, зависит от многих факторов. В последние годы проведены специальные исследования по этой проблеме [11, с. 311-332]. Но одна закономерность подмечена даже в неоклассической литературе: чем больше доход, тем больше потребность в свободном времени. Ведь для использования этого дохода необходимо пространство-время. А пространством для использования материального дохода является именно свободное время. Но возникает противоречие: чем больше свободного времени, тем меньше возможности заработать новый доход. Только если взять «золотую середину», можно достаточно качественно распорядиться и заработком, и свободным временем. Но здесь явно прослеживается однобокий подход к свободному времени как к объекту использования. В модели урочной оплаты акцент стоит на необходимости зарабатывать дополнительное свободное время. Если же потребность в зарплате выше, чем в свободном времени, то, хотя материальные условия и позволяют хорошо тратить доход, но времени на это не хватает. В российском лексиконе бытует фразеологизм: на одной работе есть нечего, на трех – некогда. И вместо саморазвития человеческой личности работники в современном российском рыночном хозяйстве, в лучшем случае просто восстанавливают свою рабочую силу, а в обычном, даже этого не происходит. Отсюда высокая смертность в трудоспособном возрасте. Пренебрежение к отпускным, выходным дням, ненормально большой рабочий день характерен и для наемных рабочих, и для госслужащих, и для работников образования и здравоохранения.

И, несмотря на то, что основными причинами высокой смертности считается ухудшение уровня жизни после распада СССР, мировой финансовый кризис, низкий уровень медицины, временной аспект проблемы, на наш взгляд, не менее важен в решении этой животрепещущей проблемы. За последнее время, по данным рейтинговых агентств, уровень жизни в нашей стране начал расти (на последний предкризисный 2008 год мы занимали 57-е место), продолжительность жизни для мужчин в 63 года, а для женщин 76 (общая – 70,3 года) хотя и немного выше, чем в благополучные советские годы (64 г. – 70 лет, в 87 г. – 70,1), но от развитых стран мы еще отстаем. И то, что в кризис наша экономика упала на 7,8% (по сравнению с 3,9% в США) не усиливает оптимизма¹.

За последние годы кое-что сделано. Особенно отрадно присоединение к европейской конвенции по отпускам: ряд наших сограждан забыл, что такое отпуск в три недели в обязательном порядке. Но внимания к свободному времени пока еще недостаточно не только в практике хозяйствования, но и в теории.

Конечно, сегодня, когда от некоторых кандидатов в президенты России поступают предложения о введении 60-часовой рабочей недели, рассуждения о необходимости стимулирования труда свободным временем звучат чуть ли не насмешкой. Но магистральное направление производства людей все же подчинено объективным экономическим законам. Да и биологические возможности человека не предполагают подчинения всей его жизнедеятельности

¹ Данные приведены на Абалкинских чтениях в Институте экономики РАН в докладе академика Аганбегяна.

труду «на хозяина». Даже за очень высокий уровень потребления. Потому что само потребление требует большого количества свободного времени. И потому, что проблемы естественной убыли населения в нашей стране решаются не только (и я бы сказала не столько) за счет стимулирования рождаемости, сколько за счет снижения смертности в трудоспособном возрасте. А для этого, в первую очередь, необходимо вернуться к нормальному рабочему дню и неделе, хотя бы на уровне середины 20-го века, к нормальной продолжительности отпуска, поскольку неделя на Канарах не дает возможности даже просто отоспаться, в нормальной охране и профилактике здоровья, требующей свободного времени и т.п.

Кое-что из перечисленного уже начинает возвращаться в нашу жизнь, но очень часто формально (например, распространение практики получения справки об обязательной диспансеризации за деньги). И очень хочется, чтобы оплачиваемое свободное время на качественное лечение, внимание к заболевшему со стороны трудового коллектива, бывшее 30 лет назад нормой человеческих отношений, вернулось к нам. А то раковые больные трудоспособного возраста у нас зачастую больше всего боятся не умереть, а потерять работу. И бегают «на химию» в перерывах между лекциями. Как в рекламе: некогда болеть. Да и жить некогда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов Г. П. Причина времени / Г. П. Аксенов. – Москва : Эдиториал УССР, 2001. – 300 с.
2. Маркс К. К критике политической экономии / Карл Маркс. – Москва : Прогресс, 1983. – 279 с.
3. Бузгалин, А. В. Эксплуатация творческой деятельности // Альтернативы –2011. – № 4. – С. 4-29.
4. Стратегия опережающего развития. Том 1. Российские модернизации : диагнозы и прогнозы / под общей редакцией А. В. Бузгалина, Р. Крумма. – Москва : ЛЕНАНД, 2011. – 520с.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала : [перевод] / К. Маркс ; [предисловие Ф. Энгельса]. – Москва : Прогресс, 1985. – 830 с.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 5 т. Т. 2. 1895-1897 / В. И. Ленин. – Москва : Политиздат, 1984. – XIV, 626 с.
7. Население и формы занятости : [сборник] / редактор-составитель А. Г. Новицкий. – Москва : Мысль, 1985. – 95 с.
8. Смирнова Г. Б. Менеджмент / Г. Б. Смирнова. – Москва : Дашков и К, 2002. – 352 с.
9. Толокина Е. Л. Роль и место свободного времени в современной экономике. / Е. Л. Толокина В. В. Демина // Вестник НГУ. Т. 10. Выпуск 4 – 2010. – С. 49-56.
10. Краснов В. Н. Использование гибкого рабочего дня в повышении производительности труда / В. Н. Краснов, Б. М. Раковский // Совершенствование планирования и управления в народном хозяйстве Украинской ССР. – Киев, 1985.
11. Демина В. В. Концептуальные основы природы рабочего и свободного времени в постиндустриальной экономике / В. В. Демина. – Москва : МГОУ, 2011. – 370 с.

О ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Слепцова Валентина Петровна

доктор экономических наук, профессор. Институт экономики и права НОУ ВПО «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», кафедра экономики и финансов
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: tolokina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается несколько явления: становление новых социально-трудовых отношений в пореформенной России, рыночная трансформация основополагающего отношения в сфере труда – отношения между наемными работниками и работодателями, а также некоторые особенности формирующейся российской модели социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: трансформация; изменение; социально-трудовые отношения; труд; капитал; собственность; социальное партнерство; государство; институты

Код УДК: 331.104

Annotation. The article highlights several effects: the formation of new social-working relations in post-reform Russia, market transformation of the basic relation in the labor sphere which is the relation between the hired workers and the employers, and also some special features of the forming Russian model of social-working relations.

Keywords: transformation; change; social-working relations; labor; capital; property; social partnership; state; institutes

В последние годы возрос интерес к теоретическим и методологическим вопросам трансформации экономической системы России и в т. ч. отношений в сфере труда. Наибольшее освещение получили вопросы трансформации труда как фактора производства, рынка труда, социального партнерства как инструмента гармонизации отношений труда и капитала, социальных гарантий.

Изменения, происшедшие в системе социально-трудовых отношений западных стран, актуализировали исследования в области взаимоотношений работников и работодателей в направлении переосмысления теорий их взаимодействия, представленных разными направлениями экономической мысли.

Несмотря на значительное число публикаций, многие вопросы преобразований в сфере труда в России нуждаются в дополнительной разработке и объяснении. Это связано с исследованиями теории трансформации, ее закономерностей, применительно к российской экономике, а также трансформации трудовых отношений в странах с развитой рыночной экономикой, осуществляющих переход к постиндустриальному обществу, государственного воздействия на процесс преобразований в сфере труда, роли социального партнерства и других проблем, требующих

объединения усилий представителей различных школ экономической науки. Сложность социальных систем, учет в общественном развитии факторов всех сфер – культуры, религии, образования, отношений с природной средой и др. определяет необходимость исследований любой сферы общества, общественных отношений на основе представлений теории сложности, теории нелинейности развития общества.

Трансформация социально-трудовых отношений в России – есть процесс их изменений, преобразования, развития в направлении соответствия цивилизованным отношениям, включающий взаимодействие всех компонентов составляющих этих отношений, с учетом факторов экономического и неэкономического, индивидуального и коллективного, формального и неформального характера.

Социально-трудовые отношения – это отношения отдельных индивидов и социальных групп в сфере труда, включающие экономические, правовые, социальные, психологические и др. отношения. По своему составу они не однородны и включают отношения по поводу найма и увольнения, условий труда, форм и методов разрешения трудовых конфликтов, отношений по поводу оплаты труда, получения профессионального образования, отношения работников к своему труду, отношения по поводу обеспечения социальных гарантий и выплаты пенсий.

Субъекты социально-трудовых отношений в постсоветской России сформировались в ходе приватизации. Это – работодатели, наемные работники, профсоюзы и объединения работодателей как представители их интересов, государство.

Основополагающими в системе социально-трудовых отношений являются отношения между наемными работниками и работодателями. Трансформация социально-трудовых отношений определялась изменениями отношений собственности и социально-экономической системы в целом при переходе России к рыночным отношениям.

Новые отношения труда и капитала в России складывались не просто. Ставилась задача преодолеть отчуждение работников от собственности на средства производства, которое имело место в дореформенной России и свидетельствовало о недостаточной зрелости социализма и деформации государственной собственности в разновидность групповой, происшедшее в годы социалистического строительства.

Возникновение новых отношений в ходе рыночных преобразований происходило не путем эволюционного развития, а насильственного разрушения созданного за годы существования советской системы многими поколениями людей национального богатства страны. Произошла передача значительной его части в собственность отдельных лиц. Необходимость и экономические основы этой передачи в полной мере пока не исследованы. Это не позволяет ответить на многие вопросы, связанные с формированием новой экономической системы и новой модели социально-трудовых отношений в России.

В результате рыночных преобразований новыми собственниками оказались те, кто в прежней системе фактически распоряжался общенародным достоянием. Перерождение государственной (общенародной) собственности в разновидность групповой послужило экономической основой перехода и облегчило переход к новым отношениям собственности в России.

Работники в России в рыночной системе получили формальное право быть собственниками, а фактически ими не стали. Институт частной собственности в России претерпел значительную трансформацию. Частная собственность стала восприниматься как право бесконтрольного распоряжения ею, что было перенесено и на отношения между работодателями и работниками. Работодатели, получив объекты общественной собственности в свое распоряжение на правах частного собственника, независимо от способа ее приобретения, перестали считаться с кем-либо,

кроме реализации своих интересов. Такое понимание назначения бизнеса – это чисто российское явление.

Известный экономист Л. Мизес писал: «Смысл частной собственности в рыночном обществе радикально отличается от того, что она означает в системе замкнутых домашних хозяйств» [1, с. 641]. В домашнем хозяйстве средства производства, находящиеся в частной собственности, служат собственнику, и он получает выгоду от их использования. «В рыночной экономике собственники капитала и земли могут получать пользу от своей собственности, только применяя ее для удовлетворения потребностей других людей... Они должны служить потребителям... Она суть социальная функция» [1, с. 641].

В развитых странах частная собственность служит и частному, и общему благу, поэтому она и получила там признание, и в России она до сих пор не получает полного признания, т. к. служит частным интересам тех, кто и получил ее несправедливым путем.

Как известно, предполагалось, что приватизация обеспечит передачу объектов государственной собственности в частную как более эффективную. Однако в ходе ее проведения выяснилось, что эффективность никого не интересовала: провозглашены были одни цели – достижение эффективности, а реализовывались другие. Шел процесс формирования крупных состояний российской элиты, причем с использованием грабительских методов. Лучшие объекты государственной собственности попали в руки партийной и хозяйственной элиты, что и предопределило отсутствие заметного роста эффективности частных предприятий.

Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц в своей нобелевской лекции, давая оценку перехода России к новой рыночной системе, отмечал, что стратегия приватизации, проведенной быстро и без создания эффективного кооперативного управления, обусловила не повышение общественного благосостояния, а уничтожение национального богатства [2, с. 601].

На Западе такие состояния формировались столетиями, а у нас они возникли сразу.

Возникшая в России частная собственность не была по-настоящему таковой, а приобрела лишь ее форму. Это означает, что становление частной собственности требует времени. Незрелость частной собственности обусловила наличие незрелых, псевдорыночных отношений. В ходе приватизации государственные предприятия, перешедшие в собственность бывших их руководителей или трудовых коллективов, продолжали хозяйствовать по-прежнему и являлись носителями отношений, заимствованных от прежней экономической системы [3, с. 587-589]. Но их деятельность была подчинена реализации интересов владельцев данных предприятий, а не обществу. В ходе рыночных реформ создавались и настоящие частные предприятия, являющиеся и по форме, и по содержанию частными.

Совместное существование и псевдорыночных, и рыночных отношений определяло специфику трансформации экономической системы в целом и отношений в сфере труда, а также специфику трансформации институциональной системы в России.

Приватизация в России привела к диктату работодателей. Реальная власть работодателей над работниками получила многообразные формы проявления: это занижение заработной платы, сохранение плохих условий труда, искажение информации о качестве рабочих мест и обмане при найме, отсутствие выплат в повышенном размере за работу в выходные и праздничные дни, задержки выплаты заработной платы, нарушение трудового законодательства, унижение и т. п.

Существующий Трудовой кодекс РФ, в силу своего несовершенства, дает возможность работодателям нарушать права работников. С переходом к рынку государство утратило статус непосредственного субъекта управления трудом, передав эту функцию работодателям. Они же в рамках своей компетенции организуют управление трудом на праве собственника предприятия

и предоставленной государством возможности управления. Пробелы в ТК РФ по вопросам включения в него требований к правовым документам предприятий открывают возможность принятия произвольных решений, причиняющих работникам материальный и моральный ущерб.

В итоге всех преобразований в России была создана система социально-трудовых отношений, которые не могут быть охарактеризованы как более прогрессивные ни в сравнении с развитыми странами, ни в сравнении с отношениями в сфере труда в дореформенной России. Позитивные последствия приватизации в сфере труда, такие как снятие ограничений размеров заработной платы, возможность заработать, были перекрыты из-за трудностей в их реализации. Низкая заработная плата, перенапряжение при дополнительной работе, потеря здоровья и несоблюдение трудового законодательства сводили на «нет» предоставленную возможность улучшить свое материальное положение.

Рыночная трансформация отношений в сфере труда в России включала изменение всех их звеньев структурных составляющих, и прежде всего основополагающего отношения между наемными работниками и работодателями.

Наличие двух субъектов социально-трудовых отношений с их противоположными интересами в сфере труда предполагает необходимость их согласования.

По проблеме согласования интересов работников и работодателей не достигнуто пока однозначного ее понимания. Одни исследователи полагают, что с переходом к рыночной системе противоположность интересов работников и работодателей существует, а следовательно, необходим и механизм их согласования. Но существует представление, что такой проблемы нет. Возможно оно «навеяно» благодаря тем изменениям, которые происходят в трудовой сфере развитых стран. Однако отрицать несовпадение и противоречивость интересов работников и работодателей в формирующейся экономической системе России, где капитализм восстанавливается в его «дикой» нецивилизованной форме, вряд ли возможно. Отрицать этот факт для новой российской системы хозяйствования – значит не видеть реальных отношений в сфере труда, либо забегать вперед, ссылаясь на тенденции развития социально-трудовых отношений в странах с развитой рыночной экономикой, которые будут иметь место в России только через десятилетия. Сейчас же постсоциалистическая трансформация всей системы экономических отношений и, в т. ч. системы социально-трудовых отношений, идет с таким своеобразием, что приходится говорить о специфике модели социально-трудовых отношений России, либо ошибочности реформ, недостаточном анализе прежней системы, которую стали реформировать. Немаловажную роль сыграла и неразработанность теории трансформации и ее закономерностей применительно к постсоциалистической трансформации, когда происходит переход от одной экономической системы к другой, и применительно к трансформации, которую проходят передовые развитые страны, но на основе изменений частной собственности, технологического уклада и с учетом социально-культурных факторов, их роли в общественном развитии.

Проблему согласования интересов в рамках российской модели социально-трудовых отношений нельзя игнорировать, т. к. она характеризуется неравноправным положением субъектов трудовых отношений в пользу работодателей. Существуют представления, что К. Маркс при характеристике отношений между трудом и капиталом абсолютизировал антагонизм между ними. Например, Й. Шумпетер, оценивая позицию К. Маркса, полагал, что она следует из логики учения К. Маркса. Если борьба классов есть главный фактор исторического развития и способ приближения социалистического будущего, то отношения двух классов должны быть антагонистическими [4, с. 53]. Но если Й. Шумпетер признавал наличие антагонизма и сотрудничества, их неразделимость в общественной жизни, то другой известный экономист Л. Мизес отмечал, что «в рыночной экономике нет конфликта между интересами продавца и покупателя [1, с. 637]. По его мнению, все его участники удовлетворяют свои нужды, и

одновременно других людей, а на основе разделения труда создаются дружеские отношения между людьми, что устраняет конфликт интересов.

На рынке труда в качестве продавцов и покупателей выступают наемные работники и работодатели, выполняющие на основе разделения труда свои функции.

Однако обмен между капиталом и трудом, анализ которого был проведен К. Марксом, и простой обмен (товара на товар при посредстве денег) – это два различных процесса. Причем обмен между трудом и капиталом включают два различных и противоположных процесса: во-первых, обмен товара (рабочая сила) на определенную сумму денег, которую капитал выплачивает рабочему; и, во-вторых, это качественно отличный от обмена процесс, который завершается производством продукта, т. к. капитал получает при обмене труд как деятельность, которая сохраняет и умножает капитал. «Только злоупотребляя словами его можно вообще назвать обменом какого бы то ни было рода» [5, с. 226].

Следовательно, исследователи, придерживающиеся позиции отсутствия противоречий, конфликтов в отношениях наемных работников и работодателей, не берут во внимание сущностно-содержательный аспект в их взаимосвязи, исходят из формальной схожести простого обмена и обмена между трудом и капиталом или подчеркивают лишь одну сторону взаимосвязи труда и капитала – их взаимную потребность друг в друге для организации процесса производства. Внешняя видимость равенства обоих участников сразу рассеивается, если учесть различие целей и противоположность интересов в обмене между трудом и капиталом.

Если в течение XX в. западным странам удалось сгладить противоречия между трудом и капиталом, то в России характер взаимоотношений труда и капитала отчасти напоминает проведенный К. Марксом анализ отношений труда и капитала в условиях раннего капитализма. Но это не означает абсолютизации положений К. Маркса.

Способ разрешения противоречий труда и капитала, предложенный К. Марксом, долгое время рассматривали как единственно возможный путь освобождения труда. Изменения, происшедшие в развитых странах в сфере труда вызвали активизацию в исследовании этой проблемы в направлении переосмысления марксистской теории взаимодействия труда и капитала.

Изменив подход к анализу взаимоотношений труда и капитала, акцентируя внимание на многовариантности развития данных отношений, марксистскую теорию взаимодействия труда и капитала можно считать одним из вариантов разрешения противоречий между трудом и капиталом, который отражает характер их взаимодействия в условиях капитализма эпохи К. Маркса. [6, с. 131-140].

Для современного капитализма характерна ситуация, когда обе стороны социально-трудовых отношений не заинтересованы в развитии событий «по Марксу», а для этого необходимы условия для эволюционного постепенного перехода к новому типу социально-трудовых отношений. В рамках данного варианта развития отношений труда и капитала в свою очередь возможно многообразие видов их взаимодействия.

В связи с тем, что «противоречия интересов труда и капитала даже при появлении элементов их единства все-таки остаются» [7, с. 114], необходим поиск более приемлемого варианта согласования интересов наемных работников и работодателей с учетом конкретной ситуации, складывающейся в той или другой стране, и трансформации национальной модели социально-трудовых отношений конкретной страны на разных этапах ее развития. Важная роль в этом принадлежит формированию институтов, способствующих согласованию интересов труда и капитала, и прежде всего таких, как институт социального партнерства, государства и др.

Рыночная трансформация социально-трудовых отношений в России произошла со всеми их звеньями, структурными составляющими. Различия в трансформации разных звеньев системы социально-трудовых отношений были обусловлены, прежде всего, тем, что в ней имеют место отношения нерыночного характера.

К числу отношений нерыночного характера в сфере труда можно отнести социальные стандарты, нормы, трехсторонние соглашения и коллективные договоры, общественные работы, пособия по безработице, отношения по поводу распределения ряда социально-значимых благ и др. Эти отношения предопределяют государственное участие в процессах трансформации. Оно обусловлено и различной степенью зрелости тех отношений, которые носят рыночный характер.

В системе отношений по найму и увольнению работников произошло изменение принципов подбора кадров – возросла роль связей для трудоустройства на хорошо оплачиваемую работу и снижение значимости образования, квалификации, как при трудоустройстве, так и оплате труда. Использование краткосрочных контрактов, устных соглашений между работниками и работодателями усилили уязвимость работников, зависимость их от работодателя. Подготовка и переподготовка персонала предприятия без отрыва от производства также стала зависеть от работодателей, которые игнорировали необходимость сохранения и развития трудового потенциала своего предприятия. В политике подбора кадров используется как трудоустройство по связям, так и самостоятельное трудоустройство по приглашению администрации предприятий. Но возможности легального трудоустройства у работников ограничены.

Неравноправное отношение работодателей и работников проявляется в отсутствии внимания к условиям труда, нежелании не только их улучшать, но оплачивать в повышенном размере, как это предусмотрено в ТК РФ, в случае выполнения работы в неблагоприятных условиях труда.

В блоке отношений, по поводу оплаты труда трансформация шла с доминированием негативных тенденций. Это привело к появлению острых проблем в оплате труда: снижение ее уровня, изменение соотношений по отраслям, регионам, категориям работающих, предприятиям, чрезмерная дифференциация, уменьшение роли тарифа в общем заработке, уменьшение доплат, надбавок, исчисляемых по отношению к тарифной части заработной платы, установление МРОТ ниже прожиточного минимума, отсутствие связи оплаты с фактическими результатами труда, задержка выплаты заработной платы, несовершенство организации оплаты, нерегулярный пересмотр состава и стоимости потребительской корзины и прожиточного минимума, недооценка государственного регулирования оплаты труда и всей системы социально-трудовых отношений, несовершенство или отсутствие механизма формирования фонда оплаты труда.

Претерпела изменения и система регулирования социально-трудовых отношений, обусловленная изменением самого объекта регулирования.

В развитых странах отношения работодателей и работников строятся на принципах социального партнерства, которая доминирует среди других форм взаимоотношений труда и капитала. Все его национальные модели базируются на осознании партнерами взаимосвязи их интересов, равенстве и независимости каждого партнера, признании нежелательности использования крайних мер для разрешения конфликтов.

Формально в России сложилась система социального партнерства, включающая федеральный, межрегиональный, региональный, отраслевой уровни организации. Эта система начала формироваться «сверху» с разработки законодательной базы. В результате формирования институтов сферы труда обозначилась слабость профсоюзов, обусловленная чрезмерной бюрократизацией их аппарата и несовпадением интересов профсоюзной верхушки с интересами рядовых членов. Это позволило объединениям работодателей использовать свое участие в работе трехсторонних региональных и территориальных комиссий для решения своих задач.

Система социального партнерства на уровне предприятий в России работает только там, где сохранились и действуют крупные профсоюзные организации. Для российской модели социального партнерства характерно отсутствие связи между Генеральным соглашением, отраслевыми и региональными соглашениями, с одной стороны, и условиями социального партнерства предприятий, с другой. Это означает, что формально социальное партнерство в России является многоуровневым, а функционирует как одноуровневое. Для России характерны региональные и отраслевые различия, но региональные выражены более резко. Поэтому в становлении социального партнерства в России важно преодоление неравенства в социально-экономическом развитии регионов.

Хотя для развития социального партнерства сформирована законодательная база и институциональные основы, существует целый ряд факторов, сдерживающих его становление: неразработанность процедур переговоров, неравенство сторон переговоров, низкий уровень жизни и чрезмерная и необоснованная дифференциация доходов в российском обществе.

Относительная бесконфликтность социально-трудовых отношений в России обусловлена боязнью и нежеланием работников отстаивать свои права, из-за страха потерять работу, а также неэффективностью институтов, призванных защищать права работников.

Отличительной чертой социально-трудовых отношений в России является невысокий уровень гарантий, предоставляемых работникам государством и через систему коллективных договоров и соглашений. Анализ практики заключения коллективных договоров, проведенный Центром исследования рынка труда ИЭ РАН, показал, что в первые годы реформирования экономики обнаружились такие тенденции, как уменьшение доли предприятий, заключающих коллективные договоры, исключение из их содержания пунктов, связанных с оплатой труда, премирования, предоставления льгот работникам, а также пунктов, отражающих ответственность за невыполнение колдоговорных обязательств в полном объеме. Такое состояние коллективно-договорного регулирования обусловлено слабостью профсоюзов и позицией государства, выполняющего посредническую функцию. Государство зачастую принуждает обе стороны переговорного процесса прийти к согласию, и социальное партнерство выглядит навязанным «сверху». С другой стороны, государство, предоставив предприятиям право решать значительную часть вопросов через заключение коллективных договоров, не учитывает при этом неравенство сторон, особенно слабость профсоюзов, позволяя тем самым работодателям свести до минимума права и гарантии трудящихся в социально-трудовой сфере.

В сложившейся ситуации только государство может выступить гарантом соблюдения прав и свобод трудящихся, и государство тем самым должно играть особую роль в системе социального партнерства. Эта регулирующая функция государства в полной мере не осознается в силу переоценки роли рыночных механизмов и недооценки связи трудовых отношений с решением социальных проблем, где роль государства выходит на первый план. До сих пор на государственном уровне не решены вопросы соотношения коллективных договоров и тарифных соглашений, не выработан механизм согласования интересов наемных работников и работодателей, государство само не выполняет трехсторонние соглашения.

В большей мере российское государство реализует свою роль в качестве работодателя, и в этой роли оно не показывает пример в становлении партнерских отношений между работниками и работодателями.

В Конституции РФ провозглашен тезис, что Россия является социальным государством, однако в ней отсутствует четкое определение функций и черт социального государства, а в научных публикациях существует большой разброс в их толковании. Однако сформулированные исследователями черты социального государства, пока не характерны для России. [8, с. 10]. Применительно к России можно говорить лишь о некоторых признаках социального государства,

находящегося в начальной стадии развития. Длительность становления института социального государства будет определять и длительность становления цивилизованных социально-трудовых отношений в России.

Важная роль в согласовании интересов работников и работодателей принадлежит институциональной системе, включающей две подсистемы – формальную и неформальную. Первая представляет совокупность законодательных актов, правил, зафиксированных в законах, вторая включает общепринятые правила поведения. Однако ряд исследователей, отмечая многоуровневый характер институциональной системы, выделяют три уровня: нижний уровень как основание системы образуют культурные традиции и ценности, сформировавшиеся в данном обществе, следующий, более высокий уровень образуют неформальные правила, и третий верхний уровень – формальный уровень – правовые акты, деловые контракты. Изменения институциональной системы на каждом уровне отличается скоростью, механизмом [9, с. 10].

О роли институтов, их изменений в понимании происходящих преобразований в обществе, подчеркивал еще Д. Норт. «Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом, являются ключом к пониманию исторических перемен» [10, с. 117].

Опираясь на положения институциональной теории, ряд исследователей низкую эффективность рыночных преобразований связывают с ошибками в институциональных изменениях, их сложностью, упрощенным подходом к заимствованию институтов, характерных для развитых стран. Быстрая ломка старых институтов, свойственных прежней системе, привела к рассогласованию формальной и неформальной подсистем институтов. Новые институты быстро закрепиться не могли, необходимы были меры со стороны государства по их поддержке, а реформы шли при минимальном участии государства, вследствие чего новые институты вступили в противоречие со старыми неформальными институтами. Отторжение новых формальных институтов в результате их внедрения в условия российской реальности, отличные от экономик развитых стран, привело к доминированию неформальных правил, норм, изменяющихся значительно медленнее, чем формальные.

Формирующаяся российская модель социально-трудовых отношений долгое время продолжала и продолжает сохранять элементы трудовых отношений, унаследованных от прежней системы. В первое десятилетие рыночных реформ трудовые отношения регулировались нормами КЗоТ, а новый ТК РФ был принят в 2001 г.

В развитии отношений в сфере труда нельзя отрицать влияния общемировых тенденций развития трудовых отношений под влиянием глобализации, противоречивости их развития, направленности их как на ухудшение позиций наемных работников, так и на улучшение (повышение оплаты труда, совершенствование трудового законодательства в интересах работников и др.) [11, с. 107-123].

Как следствие этого – появление в системе трудовых отношений в России новых черт, свойственных западным моделям: их гибкость, индивидуализация, придание участникам контрактных отношений качеств экономического субъекта, использование цивилизованных форм контрактов, повышение социальной ориентации и социальной ответственности работодателей и др.

Представляется, что дальнейшая эволюция социально-трудовых отношений в России будет определяться становлением смешанной модели трудовых отношений, усилением государственного регулирования на определенных этапах ее развития, демократизации управления, развитием патернализма на уровне предприятий, партнерских отношений между работниками и работодателями, формированием социальной ответственности бизнеса, что в конечном итоге будет способствовать социальной сплоченности общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность : трактат по экономической теории / Людвиг фон Мизес ; пер. с англ. А. В. Куряева. – Челябинск : Социум, 2005. – 875 с.
2. Мировая экономическая мысль : сквозь призму веков. В 5 т. Т. 5: Всемирное признание : лекции нобелевских лауреатов. Кн. 2 / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Благотворительный фонд «Благосостояние для всех» ; руководитель научного проекта Г. Г. Фетисов. – Москва : Мысль, 2005. – 813 с.
3. Нуреев Р. М. Экономика развития : модели становления рыночной экономики : [учебник] / Р. М. Нуреев. – 2-е издание, переработанное и дополненное – Москва : Норма, 2008. – 640 с.
4. Шумпетер Й. А. Капитализм, Социализм и Демократия : перевод с английского / Й. А. Шумпетер / предисловие и общая редакция В. С. Автономова. – Москва : Экономика, 1995. – 540 с.
5. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 46. Ч. 1. – 648 с.
6. Розанова Н. К вопросу о марксистской теории труда и капитала. Современный подход / Н. Розанова, А. Назаренко // Вопросы экономики. – 2004. – № 12. – С. 131-140.
7. Куликов В. Марксово наследие и современная экономическая наука : «круглый стол» журнала «Вопросы экономики» / В. Куликов // Вопросы экономики. – 2005. – № 1. – С. 112-115.
8. Михалев И. К вопросу о формировании концепции социального государства / И. Михалев // Ч и Т. – 2009. – № 6. – С. 9-11.
9. Институты : от заимствования к выращиванию / Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики. – 2005. – № 5. – С. 5-27.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения функционирования экономики / Д. Норт. – Москва : Начала, 1997. – 190 с.
11. Садовая Е. С. Современные механизмы регулирования социально-трудовых отношений : опыт развитых стран и России / Е. С. Садовая // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 5. – С. 107-123.

УЧЕТ УРОКОВ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В СССР КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Гордеев Артем Анатольевич

аспирант. Ярославский государственный технический университет,
кафедра экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: gordeev89@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу уроков индустриализации, проведенной в СССР в 1920-1930-х годах, как важного фактора успешности предстоящей в РФ новой индустриализации. Автор находит объективные общие черты у двух индустриализаций, а также отмечает некоторые различия между ними. На основе анализа автор делает вывод о степени актуальности советской индустриализации для современной России.

Ключевые слова: индустриализация; мануфактура; фабрика; корпорация; технологии; энтузиазм

Код УДК: 338.1

Annotation. This article is devoted to the analysis of the industrialization experience of the USSR in 1920ies-1930ies which the author claims to be an important factor of the future new industrialization's efficiency in the Russian Federation. The author finds objective common features in these two industrializations. At the same time some distinctions between these two industrializations are noted. Hence the author draws a conclusion of the actuality of the Soviet industrialization for modern Russia.

Keywords: industrialization; manufactory; factory; corporation; technologies; enthusiasm

Теоретическая экономия, как и любое научное направление, наряду с методологической и теоретической должна осуществлять и объяснительную, а также прогнозную функции. То есть объяснять сегодняшние реалии на основе избранной методологии и разработанной теории, делая выводы о тенденциях, позволяющие «заглянуть» в завтра и, тем самым, «осветить» путь практике экономической политики. При этом объяснение сегодняшнего и «заглядывание» в завтрашнее, как показывает вся история экономической мысли, бывает тем адекватнее и успешнее, чем больше они адресуются к анализу вчерашнего. Все это, как мне представляется, имеет прямое отношение к рассмотрению проблемы актуальности или неактуальности уроков советской индустриализации для современной России, где задача новой индустриализации и обоснована теоретиками, и провозглашена политиками.

В самом деле, выдвинутая политиками и учеными идея новой индустриализации страны, усиления несырьевого сектора экономики, как мы уже показывали [1, с. 404; 2] не вызывает сомнений в ее необходимости ни «в первом приближении», ни с позиции глубоких теоретических

исследований. Больше того: индустриализация правомерно предстает как безальтернативная (ибо альтернатива ей только гибель страны, ее экономики и населения) необходимость. Во-первых, в деле залечивания ран, нанесенных стране, ее населению и хозяйству так называемыми реформами последних двух десятилетий, проведенных, по нашему мнению, вопреки научным рекомендациям и урокам из мирового опыта, особенно развитых стран Запада и реформируемого Китая. Во-вторых, в деле прорыва человечества, в том числе населения нашей страны, и его хозяйства, в запостмодерновое состояние из сегодняшней ситуации мировой экономической катастрофы. А значит, теоретическое осмысление проблем осуществления индустриализации предстает сегодня и актуальным, и очень значимым. Одним из возможных направлений осмысления проблем индустриализации выступает анализ имеющегося опыта ее проведения, особенно в нашей собственной стране, выявление в нем актуальных и неактуальных для РФ аспектов. Считаем, что на предмет такого выявления, прежде всего, претендует опыт советской индустриализации 1930-х годов. Потому что он принадлежит к отечественному опыту, кроме того, он проявлен сравнительно недавно (по историческим меркам), и, наконец, он, по моему мнению, показал достаточно внушительную социально-экономическую результативность. Правда, в научной литературе нет однозначной оценки актуальности этого опыта для сегодняшней РФ, причем разброс мнений необычайно велик: от полного отрицания его актуальности до принятия целиком и полностью. Такой разброс тем более свидетельствует, по нашему мнению, о необходимости осмысления указанного опыта, что я и попытаюсь реализовать в данной статье, разумеется, не претендуя на полноту и всесторонность такой попытки.

Прежде всего, нельзя не согласиться с теми специалистами, которые в целом положительно оценивают главные итоги советской индустриализации. Справедливо, считаю, например, В.Т. Рязанов отмечает, что «...советская система позволила создать первоклассную по тем временам добывающую и обрабатывающую индустрию... Форсирование индустриализации, создание устойчивой и работоспособной экономики позволили основательно подготовить ее к Великой Отечественной войне. Советская военная экономика, конкурируя в тот период с экономикой практически всей континентальной Европы, обеспечила армию достаточным объемом вооружения, которое по многим видам было лучшим» [3, с. 10]. Поэтому, несмотря на распространенные утверждения о неприменимости опыта административно-командной системы к сегодняшним реалиям, отметим объективно существующие признаки, присущие социально-экономической ситуации как перед тогдашней, так и перед провозглашенной сегодня новой индустриализацией, а также в процессе их проведения, как она может представляться на основе проведенного анализа.

Во-первых, в отличие от индустриализации 17-19 веков, связанной с переходом от ручного труда мануфактур к машинному производству фабрик, советская и предстоящая российская индустриализации вызваны необходимостью восстановления экономики. В первом случае речь шла о восстановлении разрушенного первой мировой и гражданской войнами, интервенцией 14-ти держав против Советской России и социально-экономическими издержками политики «военного коммунизма». А во втором – о восстановлении от результатов реформ, начавшихся в 1990-е годы и приведших к двукратному падению промышленного производства и еще большему снижению инвестиций в производство. Значит, в обоих случаях, думаю, требовались и требуются экстраординарные меры, рассчитанные на вывод национальной экономики из неконкурентоспособного состояния в масштабах мирового хозяйства, обеспечение ее траектории не догоняющего, а обгоняющего развития.

Во-вторых, в послереволюционный период СССР находился, по существу, в состоянии экономической блокады. Казалось бы, такая особенность тогдашней ситуации, совсем не приложима к сегодняшней обстановке в социально-экономической сфере РФ, к характеристике ее места в мировой экономике. Ведь за последнюю четверть века мы немало слышали, что уж теперь-то мы вошли в мирохозяйственные связи, что наши ракеты ни на кого не нацелены, поскольку

никто, наконец, на нас нападать не собирается, а сегодня немало говорится о совершившемся вступлении РФ в ВТО. Но, с другой стороны, например, как известно, поправку Джексона-Вэника в законе США, принятую полвека назад и запрещающую продавать нашей стране высокотехнологичные товары, до сих пор никто не отменял. То есть, экономическая блокада, по существу, как и 80 лет назад, снова имеет место. Исключение – наш экспорт сырья. Да и то сейчас все больше информации о предпринимаемых западными странами мерами по снижению их зависимости от нашего экспорта нефти и газа. Поэтому, считаю, неслучайно создание в ноябре-декабре 2011 года Воздушно-космических войск РФ и размещение в Калининграде радиолокационной станции в ответ на расширение ареала американских баз противоракетной обороны непосредственно у наших западных границ резонно были объяснены Президентом – Верховным главнокомандующим России Д.А. Медведевым не как предвыборный пиар, а как действия, вызванные объективными, внешними для нашей страны обстоятельствами. А значит, объективная необходимость индустриализации и тогда, и сейчас выступает общим признаком тогдашней и сегодняшней ситуации, аргументом, доказывающим актуальность опыта ее проведения в 1930-х годах применительно к РФ.

В-третьих, и тогда, и сейчас ситуация в мировой и отечественной экономике характеризуется небывалым кризисом, что создает, между прочим, и дополнительные возможности для импорта подешевевших по причине экономического спада новых высоких технологий. Это уже с наступлением кризиса 2008 года тшечно призывал делать академик Л.И. Абалкин, отмечая, что сейчас самое время закупать такие технологии [4]. Но ведь именно так и делал СССР в начале 1930-х годов: и тысячи тонн зерна, и многие произведения искусства из Эрмитажа были отправлены на Запад в обмен на современные высокие технологии для тысяч будущих предприятий, которых в тот момент еще не было, но которые были затем в небывало короткие сроки построены благодаря порыву энтузиазма миллионов людей. В отмеченном сходстве тогдашней и сегодняшней ситуации, предшествующей индустриализации (наличие мирового экономического кризиса-спада) заключается еще одно доказательство актуальности опыта тогдашней индустриализации для РФ как объективного фактора его использования в настоящее время.

В-четвертых, нередко исследователи истории советской индустриализации утверждают, что она осуществлялась за счет крестьянства, оттока рабочей силы из сельскохозяйственной отрасли. Видимо, на такой упрек в адрес тогдашних организаторов указанного процесса трудно возразить. Другое дело, что критики, считаю, должны понимать объективную безальтернативность такого источника рабочей силы и даже финансовых ресурсов для проведения столь масштабного и сложного дела, как индустриализация, в тех условиях. А вот сегодня, на первый взгляд, ситуация другая: крестьянства, трудовых ресурсов в аграрной сфере РФ, по существу, нет, как нет и соответствующих финансовых средств в данной отрасли. Выходит, что это, казалось бы, тот аспект тогдашней индустриализации, который мы должны признать как не имеющий актуальности в современных условиях. Однако это, думаю, лишь на первый взгляд. Ведь исходя из отмеченного нами второго аспекта актуальности тогдашнего опыта (наличие экономической блокады нашей страны тогда и сейчас), естественно и логично вытекает третий ее аспект. А именно: объективная необходимость для нашей страны и тогда, и сейчас осуществлять индустриализацию за счет внутренних источников рабочей силы и финансов. Разумеется, это не означает, что этот вывод посягает на сомнения в теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо, по которой существует необходимость взаимовыгодной внешней торговли даже при наличии «самодостаточности» страны, абсолютного преимущества ее в производстве всех видов товаров, – мы не отрицаем такой выгоды, но усматриваем невозможность ее реализации для сегодняшней России в силу объективных для нее обстоятельств, необходимости обратиться снова, как и в 1930-х годах к опоре на внутренние источники трудовых и финансовых ресурсов.

Да, сегодня это должны быть другие по сравнению с тогдашними источники. Но они тоже

должны быть внутренними. Например, необходимую рабочую силу считаю возможным и объективно требующимся найти в оптимизации использования существующей. Специалисты, исследующие данную проблему, справедливо, на мой взгляд, отмечают, что в РФ сегодня миллионы молодых мужчин заняты в охранных подразделениях различных фирм. Наверное, это вполне отвечает текущим потребностям владельцев таких предприятий, но зато никак не соответствует объективной потребности спасения страны, национальной экономики, а значит, возможно, и долговременной, хотя и не осознаваемой ими потребности самих владельцев фирм. Кроме того, стало уже давно общеизвестным такое негативное проявление нерационального использования трудовых ресурсов в РФ, как избыточность чиновничества. В РФ количество чиновников сегодня значительно больше, чем было в СССР, который, нельзя забывать, являлся второй в мире экономикой с самым мощным военно-промышленным комплексом, к тому же это была планово-регулируемая экономика, то есть необходимость определенного количества чиновничества была видна «невооруженным глазом». А теперь при «саморегулируемом рынке» и значительно «съежившейся» экономике, при возможностях электронного документооборота у нас, например, в маленьких городах не стало уже никакого другого взрослого населения, кроме пенсионеров, безработных и... управляющих всем этим чиновников! Число российских чиновников в расчете на тысячу человек населения сегодня в несколько раз больше, чем в развитых странах Запада и реформируемом Китае.

Следует заметить, что подступы к разрешению данной проблемы были намечены еще в президентском послании федеральному собранию 2010 года, где, в частности, поставлена задача разработать нормативы определения эффективности работы чиновников, позволяющие объективно судить о степени профессиональной пригодности их, своевременно избавляться от непригодных. Однако провозглашение даже такой скромной задачи, к сожалению, не получило достойного продолжения в реализации ее. Косвенное подтверждение такого неутешительного вывода можно, например, увидеть в красноречивом признании, сделанном вскоре в СМИ начальника контрольного управления президентской администрации о том, что до объявления указанных «строгостей» своевременно и полно осуществлялась лишь одна шестая распоряжений президента РФ, а после объявления – одна пятая! А значит, 80 процентов не находят своевременной и полной реализации и сейчас.

К этому следует добавить, что анализ правоприменительной практики, имеющийся в публикациях, убеждает в том, что наиболее типичная мера по отношению к нерадивым чиновникам – лишь отстранение от должности. А то, что нерадивость их обернулась многомиллиардным ущербом для экономики страны и ее населения, – остается, как правило, «за кадром», то есть о возмещении ущерба речь даже и не заходит. И хотя эти многие миллиарды не наличествуют в официальных декларациях, но зачастую они очень даже реально наличествуют в качестве собственности ближних и дальних родственников нерадивого чиновника. Видимо, указание президента о нормативах для чиновников надо не просто жестко и неукоснительно выполнять, но и продолжить идею этого указания – добиваться полного возмещения ущерба от неэффективной, а тем более противоправной деятельности госслужащих. Как известно, в конце 2011 года, видимо, под влиянием небывалого протестного движения против фальсификации выборов, состоявшихся 4 декабря, президент Д.А. Медведев и премьер правительства В.В. Путин высказались за необходимость декларирования должностными лицами не только доходов, но и расходов. Но ведь, заметим, такое «новшество» давно было известно практике многих стран и неужели надо было дожидаться резкого социального обострения, чтобы, наконец, прекратить игнорировать указанную «азбуку» из мирового опыта?!

Что касается финансового источника осуществления индустриализации, то сегодня вместо аграрной отрасли следует, считаю, видеть его в оптимизации распределения и перераспределения доходов населения в целом. Широко известна шокирующе запредельная величина децильного

коэффициента в РФ. Помимо опасности социального конфликта, раскола общества, что наглядно показали результаты выборов депутатов в государственную думу РФ и мэра города Ярославля с резким падением поддержки партии власти, данная ситуация прямо указывает на источник финансирования новой индустриализации. Например, представляется необходимым не уклоняться больше от общемировой практики прогрессивного налогообложения. Как известно, еще в июле 2010 года на заседании государственной думы РФ убедительные, по нашему мнению, аргументы представил тогдашний депутат А. Багаряков, показав, что даже увеличение с 13 до 20 процентов подоходного налога на миллиардеров и обладателей сотен миллионов дохода способно сделать наш бюджет куда более дееспособным в деле финансирования модернизации и социальной политики, причем 97-ми процентов населения страны увеличение налога никак бы не коснулось. Убедительность предложений А. Багарякова была столь красноречива, что только политико-идеологической тенденциозностью можно объяснить непринятие думским большинством этих предложений (их автор не принадлежал к партии власти – «Единой России»). В этом смысле представляется недостаточно обоснованной и позиция главы правительства РФ, утверждавшего, что для прогрессивного налогообложения еще не наступило время. Считаем, что в деле оптимизации распределения и перераспределения доходов среди населения РФ даже недостаточно указанной меры ликвидации плоской шкалы подоходного налогообложения. Следует, на наш взгляд, обратить внимание на выдвинутое одной из думских партий в предвыборный период 2011 года требование национализации природных богатств, то есть некоторого пересмотра итогов проведенной в 1990-х годах приватизации. Как бы кому ни не нравилось такое требование, но в экономической теории уже достаточно убедительно обоснованы и необходимость пересмотра итогов российской приватизации, и невозможность без этого условия какого-либо выхода национальной экономики из постигнутого ее тупика [5].

Таким образом, четвертый аспект актуальности/неактуальности советского опыта индустриализации применительно к сегодняшним задачам РФ предстает не как повторение ее за счет аграрной отрасли народного хозяйства, а как реализацию ее за счет других внутренних источников финансов и рабочей силы. А именно – посредством существенной корректировки курса макроэкономической политики, пересмотра итогов проведенной приватизации, введения прогрессивного налогообложения, а также значительного сокращения количества чиновников и ужесточения требований к ним за результативность труда, перетока нерационально используемых трудовых ресурсов в производственную сферу.

В-пятых, размышляя над степенью актуальности или неактуальности советского опыта индустриализации, считаю необходимым обратить внимание на такую его особенность, как уже упоминавшийся единый всенародный порыв энтузиазма как фактор индустриального прорыва.

Конечно, неправомерно полемизировать с теми авторами, которые указывают на немалочисленные примеры формализма в организации социалистического соревнования, на проявления индивидуализма-эгоизма, – такое, видимо, нельзя отрицать, – и все же в целом наличие массового порыва-энтузиазма как главной тенденции того периода – достаточно общепризнанный факт. Сегодня же искать такой же степени всеобщего энтузиазма, нацеленного на новую индустриализацию, сколько бы к ней ни призывали президент-премьер, тщетно даже среди таких влиятельных социально-демографических групп, как олигархи и чиновники – им два десятилетия и без индустриализации было неплохо, а с ней могут прийти лишь дополнительные риски-хлопоты. Замечу далее, что есть и третья группа: остальные, как их ни назови, – народ, электорат или статистическая людская совокупность. Может, они-то, раз уж не олигархи с чиновниками, поголовно заряжены идеей индустриализации и рвутся ее выполнять, не щадя живота своего? Тысячи фактов, к сожалению, опровергают такое предположение. А ведь чтобы действительно реализовать индустриализационный прорыв, требуется, считаю, поистине всенародный порыв энтузиазма россиян. И олигархов, и чиновников, и «остальных». По поводу первых двух, как уже

частично отмечено выше, в президентских посланиях справедливо говорилось о конкуренции и конкурентоспособности, о необходимости выработки нормативных критериев оценки деятельности. Справедливо, но недостаточно, как мы видели, не выводит на необходимую системность и эффективность, а значит, надо здесь нам серьезно додумывать научно. А о третьих так и вообще как-то осталось за пределами внимания. Между тем здесь речь идет о большинстве населения страны, и вопрос о выработке действенных стимулов, побуждающих к всенародному инновационному порыву и прорыву, приобретает исключительно важное значение.

В отношении, например, к развитию экономического соревнования государству, как уже резонно отмечалось на страницах нашего электронного журнала «Теоретическая экономика» [6], надо не абсолютизировать значение антимонопольной политики, не ограничиваться только ею: следует возвратиться, например, к политике стимулирования трудовой состязательности. В том числе и в частной сфере, где собственник-работодатель должен быть поставлен государством перед необходимостью обеспечить подлинно состязательные отношения участников кооперированного труда, направленные на повышение количества и качества результатов последнего и включающие товарищескую взаимопомощь как важнейшую составляющую. Следует обратиться к опыту японских предприятий второй половины XX века (взятому, немаловажно заметить, из практики СССР) почти поголовного участия рядовых работников в изобретательстве и рационализации, возродить в РФ деятельность когда-то столь активного Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Замечу, что мой прадед, старший оператор нефтеперерабатывающего завода, получал за внесение рационализаторских предложений премии, сопоставимые в совокупности по объему с основной зарплатой, а к этим материальным стимулам добавлялись имевшие не меньшее значение тогда моральные – постоянно на доске почета, в президиуме собраний, а самое главное – неофициально уважительное «Да, Саша, голова у тебя здорово варит!». Конечно, сегодня такое не может не представляться экзотикой, увещеванием это не возродишь, когда наш социум уже четверть века приучали ставить на первое место сиюминутную индивидуальную выгоду, а не всеобщие стратегические цели вроде прорыва в запостмодерн путем всенародного индустриализационного порыва. Однако, сегодняшняя задача новой индустриализации, тем не менее, требует смены курса макроэкономической и особенно социальной политики.

В связи с этим, по моему мнению, заслуживает внимания, например, высказываемая в литературе точка зрения [7], о том, что российскую экономику можно вывести из состояния катастрофы лишь возвращением к мобилизационной модели развития, повторением опыта сталинских пятилеток. Применительно к сегодняшним реалиям следует по примеру развитых стран не чересчур «молиться» на «икону» частной собственности, а поставить олигарха-собственника-работодателя под угрозу смены собственника, если он не обеспечит на своих предприятиях атмосферу совместного творческого труда, взаимопомощи вместо примитивной иерархии «я начальник – ты...». Нельзя, считаю, сегодня игнорировать предложения ученых о необходимости пересмотра итогов российской приватизации как обязательного условия позитивных сдвигов в отечественной экономике или обобществления капитала. По поводу последнего положения следует, на наш взгляд, согласиться с рассуждениями профессора нашей кафедры В.И. Корнякова [8] о том, что экономический рост, которым может похвастаться современная, в том числе российская, экономика, примерно на девять десятых уничтожается ею же самой. Даже если происходит снижение издержек производства на первичных стадиях движения продуктов от смежника к смежнику, конечные предприниматели не только не снижают отпускных цен, а даже еще и завышают их – ради получения сверхприбыли (разности между снизившимися издержками и ценой). То есть они забирают в сверхприбыль всю первичную экономию, деформируя тем самым объективный глубинный процесс экономии общественного труда, уничтожая его. Правомерно, на мой взгляд, считает ученый, что пора уже обнажить этот немислимый грабеж и принять какие-то меры: объединить, к примеру, частные капиталы в общественный с выплатой процентного дохода

собственникам доли в соответствии с величинами «паев». Понятно, что в нынешних условиях это кажется невозможным, но объективная реальность требует кажущегося невозможным – и вряд ли тут можно обойтись без некоторых социализаций, без смены курса макроэкономической политики с целью обеспечения всеобщего индустриализационного порыва. То есть актуализировать пятый из отмеченных нами аспектов советской индустриализации 1930-х годов.

В-шестых, такая актуализация немыслима без должной оценки социальных инноваций как важного фактора индустриализации. Можно это назвать шестым аспектом актуальности ее проведения в СССР применительно к сегодняшней задаче новой индустриализации экономики РФ. И вот здесь вопреки шквалу пропагандистского шума о «гулагах» полезно увидеть, что именно по социальным инновациям в процессе и в результате индустриализации – перед войной 1941-1945 гг. и в послевоенные 1946-1953 гг. – наша страна была лидером среди всех стран планеты [7, с. 169-174]. И только в таком качестве она может сегодня с помощью всенародного индустриализационного порыва выйти на траекторию обгоняющего других развития, прорыва в посткризисное и запостмодерновое состояние.

В общем, считаю, сегодня, как никогда актуализируется значимость социальных инноваций в макроэкономической политике государства и деятельности предприятий. Обычно социальные инновации определяются как такие новшества, которые направлены на обеспечение социальных потребностей: улучшение условий труда, развитие образования, здравоохранения и культуры. Наверное, только о социальных инновациях и можно говорить как направленных на возвращение общества и его хозяйства в русло, позволяющее человеку становиться действительно человеком. Поэтому, считаю, правомерно, что Центр общественных наук и лаборатория философии хозяйства специально посвятили работу своей секции на одной из «инновационных» международных научных конференций МГУ (апрель 2009 г.) рассмотрению роли именно социальных инноваций в преодолении кризисного состояния и прорыву к постмодерну. А на базе нашего Ярославского государственного технического университета полугодом позднее проведена международная конференция – круглый стол по теме «Социальные инновации в мировом, макроэкономическом и региональном разрезе», где были конкретизированы и развиты упомянутые идеи [8].

Считаю важным заметить, что при поиске пути новой индустриализации страны через социальные инновации в самой уязвимой ситуации может оказаться тот исследователь, который в качестве главной опоры изберет неоклассическую методологию. Ее вневременной подход вообще, по сути, исключает стратегичность целей («рынок вечен»), а социальные инновации предстают здесь как досадный вычет из прибыли, терпимый только потому, что иначе не избежать социальной напряженности, конфликтов и краха системы. Задача здесь может сводиться лишь к текущему косметическому ремонту, а то и в консервации (называемой обычно «стабилизацией») сложившегося, например, в РФ социально-экономического состояния. Непригодность такого подхода становится особенно очевидной на фоне развертывающейся глобальной экономической катастрофы, которая в наших средствах массовой информации стыдливо и неправоммерно, на мой взгляд, именуется обычным кризисом.

А вот по Марксу, как известно, объективная закономерность индустриализации и в целом социально-экономического развития направлена к экономике, основанной на знаниях. В ней получают дальнейшее развитие замеченные уже в 19 веке такие две взаимосвязанные объективные тенденции, как вытеснение непосредственного труда из производственного процесса и расширение технологического применения науки. Первая тенденция в своем логическом развитии приведет к тому, что «человек становится рядом с производством» и «относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик» [9, с. 213]. То есть Маркс характеризует автоматизированное производство, где на долю человека остаются информационные и организационно-управленческие функции. Маркс предвидел, что переход к будущей экономике

будет сопряжен с кардинальными социально-экономическими последствиями: «Кража чужого рабочего времени, на котором зиждется современное богатство, представляется жалкой основой в сравнении с этой недавно развившейся основой, созданной самой крупной промышленностью» [9, с. 214].

Комментируя вторую тенденцию, Маркс характеризует ее как переход роли главного источника богатства к научному знанию. Здесь и появляется его известная формулировка о превращении «всеобщего общественного знания ... в непосредственную производительную силу» [9, с. 215]. В такой экономике «...изобретения становятся ... особой профессией, а применение науки к непосредственному производству само становится для нее одним из определяющих и побуждающих моментов. По отношению к формирующемуся человеку этот непосредственный процесс производства является школой дисциплины, а по отношению к человеку сложившемуся, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он представляет собой применение знаний, экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку» [9, с. 212, 221].

Итак, работник в процессе и результате индустриализации – не винтик в иерархии, не технический исполнитель указаний сверху, а творческая личность, реализующая в процессе такого труда подлинно человеческую сущность. Но ведь такое состояние и является объективной целью человека и общества. А значит, в достижении этого состояния и представляется необходимым искать путь новой индустриализации и в целом социально-экономического развития в полном соответствии с классической политэкономической методологией. А неоклассические и институциональные методологические принципы, по моему мнению, могут при этом послужить для определения организационно-экономической формы движения к такой цели.

Когда-то К. Маркс, нарисовав модель будущего коммунистического общества, которое, по его мнению, должно сменить капиталистическую общественно-экономическую формацию, вынужден был признать, что потребуются относительно длительный переходный период социализма, прежде чем появится настоящий коммунизм. Потому что немыслимо, непредставимо, чтобы люди, привыкшие к миру частной собственности, к господству принципа «человек человеку волк», сразу стали следовать заповеди «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Ну, какие могли быть потребности у таких людей, кроме хватательно-эгоистическо-потребительских?! То есть требовалась достаточно длительная переделка самого человека, воспитание истинно человеческих потребностей, и прежде всего потребности к самовыражению личности в творческом труде, во всестороннем развитии своей личности, как гармонически сочетающей в себе духовное богатство, физическое совершенство и нравственную чистоту.

Нечто подобное, считаю, но в еще большем масштабе, выходит сегодня на первый план как стратегическая задача содержательного наполнения предстоящего индустриализационного прорыва в посткризисное, запостмодерновое состояние и как актуальный аспект опыта индустриализации экономики СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев А.А. Индустриализация в СССР : актуализация опыта / А. А. Гордеев, В. А. Гордеев // Шестьдесят пятая всероссийская научно-техническая конференция студентов, аспирантов и магистрантов высших учебных заведений с международным участием. 18 апреля 2012, г. Ярославль. Ч. 2 : тезисы докладов. – Ярославль : ЯГТУ, 2012. – С. 404.

2. Гордеев А. А. Актуален ли для РФ опыт советской индустриализации 1930-х годов / А. А. Гордеев, В. А. Гордеев // Научные труды Вольного экономического общества России. Т 163. – 2012.
3. Рязанов В. От рентной экономики к новой индустриализации России / В. Рязанов // Экономист. – 2011. – № 8.
4. Абалкин Л. «Кризис – самое время дешево скупать западные технологии и заводы!» : [интервью с академиком Леонидом Абалкиным] / Л. Абалкин ; беседовал А. Зюзев // Комсомольская правда. – 2009. – 3 июня.
5. Глинкина С.П. Приватизация. Концепции. Реализация. Эффективность / С. П, Глинкина. – Москва : Наука, 2006. – 235с.
6. Гордеев В.А. Модернизация хозяйства Российской Федерации: экономико-теоретический аспект [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// theoreticaleconomy.info>articles/267.pdf](http://theoreticaleconomy.info/articles/267.pdf)
7. Ханин Г.И. Экономический кризис 2008 г. в России: причины и последствия / Г. И. Ханин, Д. А. Фомин // ЭКО. – 2009. – № 1.
8. Блеф модернизации // Завтра. – 2011. – 19 января.
9. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала»). Том 46. Ч. 2. // Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е издание. – Москва : Издательство политической литературы, 1969.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ТНК

Ермакова Анна Юрьевна

5-го курса. ФГБОУ ВПО «Государственный морской университет им. адм. Ф.Ф. Ушакова»
г. Новороссийск, Российская Федерация. E-mail: secret.ange@ya.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается роль глобализации в современной экономике. Затрагиваются вопросы о месте ТНК в данном процессе. Автор описывает факты негативного влияния глобализации на развивающиеся и слаборазвитые страны, приводит совокупность факторов, противоречащих дальнейшему развитию и существованию глобализации в настоящем виде, а также представляет альтернативные сценарии экономического развития в обозримом будущем.

Ключевые слова: неолиберальная глобализация; транснациональные корпорации; либерализация; кризис; государственное регулирование; модели экономического развития

Код УДК: 339.982

Annotation. The article deals with the role of globalization in the modern economy. The author studies the problem of the place of transnational corporations in this process, describes the facts of negative influence of globalization on the developing and underdeveloped countries, provides a range of factors that is contrary to the further development and existence of globalization in its current form and also presents alternative scenarios of economic development in the near future.

Keywords: neoliberal globalization; transnational corporation; liberalization, crisis; government regulation; models of economic development

На юбилейной пятидесятилетней сессии Ассамблеи ООН в докладе Генерального секретаря Кофи Аннана глобализация определяется, как «все более сложный комплекс трансграничных взаимодействий между физическими лицами, предприятиями, институтами и рынками», а в материалах МВФ – как «растущая экономическая взаимозависимость стран всего мира в результате возрастания объемов и разнообразия международных сделок с товарами, услугами и мировых потоков капитала, а также благодаря все большей диффузии технологий» [1]. Т.е. из этих определений следует, что глобализация является результатом действия объективных и долговременных факторов. Они связаны с усилением интеграционных тенденций, расширением международного обмена, все более интенсивным взаимодействием национальных экономик, развитием сотрудничества между странами. Данная трактовка процесса глобализации не является единственной. Поэтому ниже более подробно рассмотрена глобализация с другой точки зрения.

Современная глобализация имеет вид неолиберальной модели. Суть ее можно кратко сформулировать так: богатства нашей планеты должны принадлежать богатым людям, поскольку именно они в условиях «демократического капитализма» являются наиболее рациональными и эффективными пользователями ресурсов земли. Все остальные жители планеты имеют право на собственный выбор и независимое поведение в пределах норм, которые заданы «корифеями» либерализма [2].

Современная мировая экономика конструировалась с 1990-х годов под проект униполярной глобализации. Основными ее принципами выступают либерализация и дерегулирование. Главным ее центром и контролирующим органом стала единственная сверхдержава – США. Развертывание униполярной глобализации связано с углублением тенденции растворения национального в глобальном. При этом роль регуляторов все больше отводится международным рынкам и международным институтам, замещающим в этой сфере национальные государства. Активными субъектами глобализации выступают национальные правительства стран базирования транснациональных корпораций (ТНК), они выступают в качестве ее главных идеологов, пропагандистов, способствуют продвижению и защищают интересы «своих» ТНК. При этом большинство ТНК находятся в США, т.е. существуют достаточно весомые аргументы в пользу того, что современный вид глобализации в наибольшей степени отвечает интересам США и других западноевропейских держав, но в целом его можно оценить, как «американский проект» [3].

В данный момент времени ТНК занимают исключительную роль в мировой экономике и на мировых рынках. По данным ЮНКТАД, в 2008 году в мире действовало 82 тысячи ТНК. Среди них ведущую роль в мировой экономике в процессе глобализации играют порядка 2-3 тысяч, среди них 500 ТНК являются представителями высшего эшелона и 100-150 крупных транснациональных банков и финансовых корпораций. На 500 ведущих ТНК сегодня приходится свыше 30% экспорта обрабатывающей промышленности, более 70% мировой торговли сырьевыми товарами, более 80% торговли мировыми технологиями. В целом 500 ТНК контролируют 70% мировой торговли, 400 ТНК контролируют половину всех прямых иностранных капиталовложений [1]. ТНК задают тон в экономическом и научно-техническом развитии, реализуя свои мирохозяйственные стратегии, они играют основополагающую роль в процессе глобализации. Для них распространение влияния и либерализация в мире является ключом к успеху в их деятельности, а наиболее эффективным инструментом для достижения этих целей является именно глобализация. Соответственно в данных условиях экономическая власть трактуется в контексте ее перемещения от глав государств большинства стран в наднациональные центры, в руки собственников и высших менеджеров наиболее значимых ТНК.

Ключевую роль в конкурентоспособности ТНК играет создание зарубежных филиалов. С помощью прямых иностранных инвестиций (ПИИ) ТНК повышают рентабельность предпринимательской деятельности за счет реализации сравнительных преимуществ стран и территорий, принимающих ПИИ, освоения новых рынков сбыта и осуществления в основном внутрифирменной международной торговли (перемещение товаров и услуг между подразделениями компаний, расположенных в разных странах) [4]. Более 50% американской внешней торговли в стоимостном выражении – это перемещение товаров внутри ТНК [3]. Такой механизм позволяет осуществлять поставки не по международным, а по внутрифирменным, трансфертным ценам. ТНК выступают крупнейшими организаторами научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКР). В настоящее время американские ТНК выполняют порядка 17-22% мировых НИОКР [4]. Все эти факторы в совокупности создают абсолютные преимущества для ТНК.

Антиглобалисты считают, что интересам западных стран и, прежде всего, США служат такие глобальные финансовые, торговые организации, как МВФ, Всемирный банк, ВТО и другие международные институты, навязывая всему миру максимальную либерализацию экономической деятельности и снижение торговых барьеров. По существу данные институты устанавливают выгодные для мегакорпораций и западных элит правила игры в глобальной экономике. Результатом вовлечения в такую игру является увеличение разрыва между «богатыми» и «бедными» странами. По утверждению антиглобалистов, глобализация ведет к эксплуатации развивающихся стран, их человеческих и природных ресурсов глобальной капиталистической олигархией. Государства третьего мира утрачивают свой фактический суверенитет, и контроль над ними переходит к

международным финансовым институтам и ТНК. В результате либерализации за странами периферии окончательно закрепляется роль поставщиков сырья и энергоресурсов, и развитие их идет только по данному направлению. Такая тенденция обрекает их на непреодолимое отставание от развитых стран. ТНК во многих случаях сознательно разрушают местное производство. Они скупают в слаборазвитых странах предприятия не для реорганизации, а для ликвидации [5]. Таким образом, либерализация способствует разрушению местного производства, поскольку национальные производители не могут выдержать глобальной конкуренции. Глобализация способствует превращению в товар не только всех видов человеческой деятельности, но и природных ресурсов, социальных и культурных благ. Многообразие культур подменяется культурой наживы, уничтожается национальная самобытность целых стран и народов, в качестве универсального идеала продвигается жизнь «по-американски» со своими символами и регалиями власти в лице брендов и логотипов ТНК.

Глобализация в ее нынешней форме способствует поддержанию в развитых странах высокого уровня жизни, и можно сказать, что вся экономико-политическая и военная сила США и западноевропейских стран встала на защиту своего сверхпотребления. Таким образом, глобализация разделяет страны на те, что пользуются ее возможностями для своего развития, и те, которые лишены этого.

Власть финансового капитала США на протяжении длительного промежутка времени оставалась приемлемой экономической базой мироустройства для стран «золотого миллиарда». Становление национальной валюты США в качестве мировой финансовой валюты позволило им не только властвовать на мировом финансовом рынке, но и эффективно эксплуатировать и контролировать другие страны. Т.е., чем больше стран задействовано в процессе глобализации и подчинено единой системе, тем большая область распространения интересов и тем больше имеется возможностей извлекать прибыль. США заинтересованы в использовании доллара в качестве мировой валюты, т.к. их эмиссия обеспечивается производством товаров и услуг по всему миру. Такое положение дел США стараются сохранить всеми доступными способами, одним из которых является военная мощь. На основе провозглашенного официальным Вашингтоном права превентивного вмешательства во внутренние дела других стран под предлогом защиты демократии, борьбы с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения стали попирается международное право, предприниматься бомбежки и военные действия против неудобных ему стран и политических режимов [6].

Военная интервенция стран НАТО сыграла решающую роль в падении и гибели ливийского лидера в октябре 2011 года. В социальные потрясения «арабской весны» оказались втянуты даже наиболее либеральные арабские страны, например, Египет и Тунис, которые поддерживали многовекторные связи с Западом. Вместе с тем, более автократические арабские страны, которые ограничивали свое взаимодействие с Западом, легко пережили «арабскую весну». При этом статистические показатели в Тунисе и Ливии далеко не критические. А в Ливии между тем до войны основной экономической индикатор, характеризующий положение населения и социальные гарантии, был выше среднего по региону. Рейтинг Ливии по индексу развития человеческого потенциала – 53 (Россия – 67) и равен 0,755 (высокий уровень от 0,8). ВВП на душу населения – 9714 долл. США на человека, что выше среднемирового уровня. Доля лиц с доходами меньше 2 долл. США в день – 7% [7]. Однако субъективное восприятие успехов в экономическом развитии в данных странах основной частью населения оказалось отрицательным. Существенную роль в этом сыграла антиправительственная пропаганда, проводимая исламскими и либерально-демократическими политическими кругами.

В 2009 году один только созданный конгрессом США национальный фонд демократии финансировал 23 египетских, 21 палестинских, 13 йеменских, 10 иорданских, 8 ливанских, 3

туниских, 3 ливийских, 3 сирийских, 3 алжирских и 1 кувейтскую неправительственную организацию для работы с молодежной аудиторией по различным направлениям [7]. Без соответствующего внешнего фона, моральной, политической, материальной поддержки извне ни туниская, ни египетская, ни ливийская революции не имели бы реальной перспективы. Т.е. подобная экспансия демократии снижает уровень безопасности в мире, подогревая различного рода конфликты, что создает угрозу международного хаоса.

Современный этап развития характеризуется кризисом глобализации с вероятным ее крахом в лице неолиберальной модели, с закатом американской гегемонии и главенством ТНК в силу накопившихся проблем и противоречий и столкновением интересов различных сторон.

Факторы и противоречия, угрожающие существованию неолиберальной модели глобализации:

1. Неспособность мировых экспортно-импортных связей и международных организаций заменить собой национально-государственную систему регулирования.

В кризисе 2008 года мировые валютно-финансовые институты проявили себя как структуры, не способные эффективно противодействовать мощным экономическим потрясениям, своевременно их блокировать и обеспечивать вывод экономики из кризисного состояния. Возводимая конструкция с доминированием принципов либерализации и дерегулирования на деле привела систему хозяйствования к нерегулируемому, неорганизованному состоянию с высоким риском и неопределенностью. В условиях кризиса оказалось, что наиболее эффективные инструменты противостояния кризису находятся именно в руках государства, а не международных институтов, в то время как традиционные национальные системы государственного регулирования были существенно ослаблены, эти факторы способствовали кризису управляемости мировой экономики.

2. Накопившиеся финансовые противоречия.

Последний финансовый кризис был спровоцирован проблемами ипотеки, что является следствием стремления правящих кругов США насытить дешевыми деньгами экономику страны, обеспечив благоприятную монетарную ситуацию, и создать комфортные условия для жизнедеятельности своих граждан. Искусственно созданный избыточный спрос позволил США сделать существенный рывок в научно-техническом прогрессе, добиться многих для себя положительных результатов, но это интенсивное развитие происходило во многом за счет расходов будущих лет. Фактически США «проели» свои ресурсы на многие годы вперед и создали себе «долговую яму», которая продолжает непрерывно расширяться. Многие десятилетия экономика Штатов растет со скоростью 2-3, максимум 4% в год, а долги 8-10% [2].

Наличие огромного военного потенциала, лидерование в экономико-политической сфере и заинтересованность западной элиты в стабильной Америке относительно сберегают на данном отрезке истории США от экономических бурь.

В экономике развитых стран произошло смещение интересов инвесторов из реального сектора в финансовый. Финансовый рынок стал наиболее прибыльным и привлекательным для них, при этом большая доля рынка отводится под спекулятивный капитал, который очень мобилен и создает дополнительные условия для нестабильности и непредсказуемости. Доля финансового сектора возрастает с одновременным сокращением реального сектора. Например, в США доля реального сектора в 1979 году в экономике составляла 60% ВВП, а в 2008 – 35% [3]. К концу 2008 года стоимость обращающихся на мировых финансовых рынках деривативов (516 трлн. долл.) в 10 раз превысила величину мирового ВВП [1].

Вокруг ипотеки сформировался «финансовый пузырь», состоящий из различных производных финансовых инструментов. И обвал рынка ипотечного кредитования вызвал соответственно и

обвал всех производственных финансовых инструментов. Долги домохозяйств превысили объем экономики страны и составляют ныне 14 трлн. долл. [2].

Одновременно происходит перенос трудоемкого и грязного промышленного производства в развивающиеся страны в целях сокращения издержек. Это привело к изменению структуры народного хозяйства. США из экспортера готовой продукции превратились в импортера. В 90-е годы доля экспорта в структуре экономики составляла 50%, в 2008 – 10% [3]. При этом ориентация на импорт создает дополнительные риски вследствие непредсказуемости и неустойчивости ситуации и большой доли зависимости от внешних неконтролируемых факторов.

Наибольшая глобализация наблюдается именно в финансовой сфере, и она распространилась на многие страны в условиях демонтажа государственного регулирования финансовой сферы и отказа от контроля финансовыми потоками, торговли финансовыми продуктами и инструментами. Однако предложения ряда государств по изменению мировой финансовой системы во многом остаются благими пожеланиями, а значит, система в своей основе не претерпела существенных изменений и при определенном стечении обстоятельств противоречия в созданной системе могут вспыхнуть с новой силой.

3. Проблема усиления социально-экономической дифференциации.

В условиях глобализирующегося мира разрыв между развитыми и развивающимися странами увеличивается. Если разница доходов 5 богатейших государств к 5 беднейшим странам в 1960 году составляла 30:1, то в 1997 составляла 74:1 [3]. При этом происходит общее увеличение численности и удельного веса беднейшей части населения. В настоящее время 2,6 млрд. чел. в мире живут менее чем на 2 доллара в день, т.е. за порогом бедности. При этом разница в доходах населения на верхней и нижней ступени мировой социальной лестницы возросла за последние полтора десятилетия с 1:80 до 1:500. По оценке ООН (июль 2008 г.), 400 самых богатых людей в мире в настоящее время имеют больше ресурсов, чем миллиард бедняков [1]. Глобализация также усиливает расслоение внутри развивающихся, и особенно беднейших стран. Все это вызывает социальную напряженность и возрастание нестабильной обстановки в мире, и при сохранении данной тенденции социальная напряженность будет только увеличиваться.

Также увеличивается дифференциация мира на стратегически выигравшие страны от глобализации и проигравшие от нее. Глобализация предполагает подгонку экономической и социальной жизни страны к западному стандарту, зачастую отбрасывая особенности исторически-культурного развития государства и, тем самым, вызывая противоречия и кризисы внутри страны. При этом роль основной части развивающихся и бедных стран сводится к обеспечению развитых государств необходимыми ресурсами. В данной ситуации странам остается либо пребывать в периферийной зоне, либо делать ставку на формирование отличной модели развития.

Причиной бедности развивающегося мира является не столько сама глобализация, сколько исключение стран третьего мира из процессов современного постиндустриального развития, основанного на достижениях научно-технической и информационно-телекоммуникационной революции, и незаинтересованность ТНК, в руках которых находятся основные научно-технические достижения современного мира, в инвестировании в развитие экономики отсталых районов. Около 90% иностранных инвестиций остаются в пределах развитых стран.

4. Формирование регионализации параллельно глобализации.

Распад СССР способствовал формированию однополярного мира, находящегося под влиянием единственной сверхдержавы – США. Но по прошествии двух десятилетий мир стоит у порога очередных революционных перемен в геополитической и экономической обстановке. Тенденции заката американской гегемонии и становления многополярной системы международных отношений

проявляются все отчетливее, что фактически означает крах глобализации во главе с США.

В настоящее время Европа, создавая Европейский союз, объединивший 27 государств, в состоянии конкурировать с США в финансово-экономической области. При этом Европа и США уже на данный момент имеют расхождения в интересах. Например, основные различия мотивов вмешательства в дела арабского региона состоят в том, что он географически близок к Европе и удален от США. ЕС заинтересован в предсказуемости и относительной стабильности в регионе, поскольку он является основным поставщиком энергоресурсов в Европу. Эти условия подогревают желание ЕС провести в нем реформы, которые бы привели арабский регион в состояние ведомого на протяжении обозримого ряда лет. Недостаток военной мощи Евросоюз компенсирует сложной системой договорных отношений. При удачном завершении процесса «Крепость Европа» будет окружена надежным рвом из ведомых государств. Это гарантирует ЕС на целые десятилетия возможность черпать все необходимые ресурсы и извлекать сверхприбыли в регионе [7].

Проект ЕС видится ответом на обострение международной конкуренции в условиях глобализации экономики под американским руководством и щитом, способным защитить от безудержного распространения влияния американских «мегакорпораций». Европейцы, в отличие от американцев, не склонны уповать на бесконтрольную власть рынка, и многие из них практикуют социальную модель рыночной экономики с ведущей ролью государства. Но не только ЕС может консолидировать силы вокруг себя, противоречащие глобализации в едином центре.

К. Брутенц справедливо подчеркивает, что «наиболее серьезный вызов гегемонии Соединенных Штатов зреет в недрах Третьего мира» [6]. Позиции Китая в политической и экономической сфере неуклонно укрепляются. Уже сейчас Китай занимает лидирующие позиции по объемам ВВП, при этом рост ВВП Китая за 2011 год составил 9,2% и достиг 7,4 трл. долл. Китайская экономика – это не шаблон дряхлеющего капитализма, а симбиоз прогрессивных тенденций развития человеческой цивилизаций, который не противоречит устоявшимся традициям и не разрушает национальную самобытность страны. При вступлении в ВТО Китай не стал бездумно открывать свои границы. В результате Запад скорее получил 1,3 млрд. новых, конкурентоспособных производителей, чем новый рынок сбыта. Китай на данный момент не только обеспечивает массовое производство различной продукции, которой пользуется весь мир, но и обладает реальным инновационным потенциалом, что также способствует нарушению двухполюсной модели, на одном полюсе которой разрабатываются новые технологии и продукты, а на другом обеспечивается их массовое производство. Примером инновационного потенциала Китая может послужить введение в 2009 г. первой скоростной магистрали протяженностью свыше 1000 км, на которой самый быстрый экспресс показал среднюю скорость 350 км. в час. До 2013 года запланировано построить 42 скоростные железнодорожные магистрали, общая протяженность которых 13 тыс. км. Также реализуется программа производства своего электромобиля. Поставлена задача до 2015 г. половину рынка новых автомобилей в Китае обеспечить за счет электромобилей [3].

Помимо Китая, усиливаются позиции и других азиатских стран, например, Индии, в которой наблюдается бурный экономический рост. И не только Азия, но и другие развивающиеся страны, в том числе латиноамериканские, прежде всего Бразилия, играют в этом отношении все более активную роль.

5. Быстрое распространение экономических сбоев и финансовых кризисов из одних регионов в другие.

При определенном сочетании негативных факторов такие кризисы могут приобрести глобальный характер. Особое место в этой проблеме занимает краткосрочный спекулятивный капитал. Он очень чутко реагирует на все негативные изменения в экономической обстановке и

быстро мигрирует в другие районы, такая массовая утечка капитала за короткий промежуток времени наносит дополнительный удар по устойчивости системы хозяйствования.

Глобализация в ее нынешней форме основывается на принципах капитализма. Его развитие исторически было связано с распространением сферы влияния на новые территории. В настоящее время этот потенциал практически исчерпан. Неолиберальная глобализация под предводительством США натолкнулась на непреодолимые препятствия и барьеры. В обозримом будущем такая модель исторически малоперспективна, и поэтому дальнейшая модификация капитализма лежит через освобождение части занятой им территории и отказа от неолиберальной глобализации в ее настоящем виде с заменой на альтернативные сценарии экономического развития.

Возможные варианты экономического развития:

1. Трансформация и реставрация неолиберальной глобальной модели экономического развития, возможно, со сменой лидера. Для стран «золотого миллиарда» этот путь наиболее приемлем. Он гарантирует, что страны Запада удержат свои лидирующие позиции на мировой арене. В противном случае им придется отказаться от чрезмерного потребления, что в свою очередь может вызвать социально-политические потрясения уже внутри этих стран. При сохранении данной модели существенных изменений в хозяйственной и финансовой сфере не произойдет. Выходом из критических ситуаций может стать увеличение мирового совокупного спроса. В данном случае одним из решающих факторов является готовность транснационального капитала поделиться своей прибылью.

2. Демократическая глобализация. Демократическая глобализация предполагает построение гражданского общества, которое бы являлось противовесом всевластия транснационального капитала. Но такая модель в рамках капитализма является утопией, т.к. исторический опыт наглядно показывает, что построить демократическое общество в интересах большинства даже в рамках национального государства – труднореализуемая задача при рыночной системе хозяйствования.

3. Регионализация параллельно глобализации. Регионализация – это альтернативный проект, в котором возможно наличие нескольких управляющих центров. Такая форма является оптимальной, т.к. больше отвечает национально-культурным особенностям и степени развития каждого из регионов. В таком объединении нет насильственного внедрения одного стандартного прозападного образца экономического развития и возможно сосуществование нескольких различных путей исторического и социально-экономического развития.

4. Переход к протекционистской модели. При осуществлении данного варианта полномасштабная контролирующая, регулирующая и защитная функция государства будет восстановлена. В пользу данной модели свидетельствует тот факт, что политика невмешательства государства в хозяйственную деятельность оказалась малоэффективной. Во время кризиса большинство стран вводили защитные меры вопреки международным соглашениям по либерализации и открытости. Но необоснованный протекционизм также может оказаться недейственным, поскольку существует вероятность усугубления экономического спада в стране и в целом в мире из-за «торговых войн».

5. Переход к модели в форме деглобализации. Деглобализация означает отказ от использования глобализационной интеграционной модели в качестве направляющего вектора в развитии мирового хозяйства и обеспечения финансовой и экономической стабильности в мире. Деглобализация в политической сфере предполагает непризнание за транснациональными институтами функций государства, а в экономике – отказ от господства мировых рынков, всецело подчиненных ТНК. Это возврат внутреннего рынка под управление государства. Несопоставимость интересов, специфика условий хозяйствования, различающиеся оценки происходящих событий

мешают достижению договоренностей в сложных критических ситуациях с помощью глобальных институтов. И только государство способно создать наилучшие условия для защиты прав собственности, установить законность и порядок, сконструировать действующую систему регулирования. В. Рязанов по этому поводу пишет: «Нарастающая напряженность между экономической логикой формирования рынков без границ и легитимацией государства, ее сдерживающей, должна рассматриваться как фундаментальное противоречие глобализации, требующее своего разрешения» [3, с. 19]. Одним из главных недостатков такой модели может являться недостаточное взаимодействие с мировым рынком, что не позволяет в полной мере воспользоваться возможностями международного разделения труда.

В настоящее время ключевую роль в глобализации играют ТНК и страны их базирования, в особенности США. Подобный порядок мироустройства, нацеленный на максимальное извлечение прибыли одной из сторон за счет ущемления интересов других сторон, приводит мир к все большей дифференциации, к нарастанию социальных конфликтов и к острым дисбалансам в мировом хозяйстве.

В данных условиях первоочередными задачами являются устранение дисбаланса в мировой экономике, обеспечение ее гармонизации, ограничение глобального неравенства, несправедливости и всевластия транснационального капитала на мировой арене, смена парадигмы униполярной глобализации на более отвечающие реалиям данного времени модели экономического развития, а такими могут являться регионализация и деглобализация. В подобных изменениях видится ключ к упорядочиванию мирохозяйственных отношений, обеспечению их сбалансированного роста в перспективе. Необходимо создавать сотрудничество между странами на новой основе, обеспечивающей равноправие, взаимовыгоду, добрососедство и т.д. Изменение устоявшейся парадигмы – емкий и сложный процесс, где любым новым веяниям, которые могут ограничить свободу и снизить сверхприбыли, будет оказано активное сопротивление со стороны ТНК. Но в агрессивной глобализации, построенной под интересы ТНК, заложена саморазрушающаяся основа, которая может в любой момент подорвать всю мировую экономику, и ее сохранение в неизменном виде может привести к самым непредсказуемым последствиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паньков В. Глобализация экономики : qualis et quo vadis / В. Паньков // МЭиМО. – 2011. – № 1.
2. Орешин В. П. Системный кризис глобализирующегося капитализма / В. П. Орешин, М. С. Халиков // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 3.
3. Рязанов В. Деглобализация, или регулирование вместо дерегулирования / В. Рязанов // Экономист. – 2010. – № 10.
4. Сапунцов А. Л. Транснациональные корпорации США в мировой экономике / А. Л. Сапунцов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2007. – № 7.
5. Работяжев Н. Альтерглобализм, как социальный и политический феномен: опыт анализа / Н. Работяжев // МЭиМО. – 2011. – № 12.
6. Богомолов О. Фундаментальное исследование системы международных отношений / О. Богомолов // МЭиМО. – 2010. – № 9.
7. Фитуни Л. «Арабская Весна» : трансформация политических парадигм в контексте международных отношений / Л. Фитуни // МЭиМО. – 2012. – № 1.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ У.Ж. АЛИЕВА «ПРЕДМЕТ И МЕТОД ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ (ОСНОВЫ ПРЕДМЕТОВЕДЕНИЯ)»

Корняков Василий Иванович

доктор экономических наук, профессор. Ярославский государственный технический университет,
кафедра экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vikorn1@rambler.ru

Уважаемый читатель, сколь часто тебе доводилось, вникая в текст, ощущать жгучую необыкновенность-уникальность, единственность книги? Не торопись с ответом, прислушайся к уточнению: сочинение совершенно современного, сегодняшнего дня специалиста-экономиста, общительного, в меру известного, но знаменитым пока еще не прослывшего? Иначе: когда в последний раз ты держал в руках фундаментальную книгу своего современника?

Твой ответ мне известен. Такой же был и у меня, – до ознакомления со всего-то 143-х страничной книжкой (брошюрой?) доктора экономических наук профессора ведущего казахстанского университета Урака Жолмурзаевича Алиева. Еще не дочитав его работы, я неколебимо знал, что имею дело с редчайшей ситуацией научной фундаментальности в сфере теоретической экономики. И страничный объем исследования не имел к этому почти никакого отношения. Фундаментальная работа – отнюдь не всегда пятикнижие А. Смита. Научно фундаментальной может быть и статья, как у А. Эйнштейна.

Почему же я, ничтоже сумняшеся, нимало не колеблясь, заявляю о безусловной фундаментальности рецензируемого произведения?

Фундаментальность научного исследования чаще всего определяется не одним, а рядом признаков. «Штанга» научной фундаментальности набирает это свое качество, подобно одноименному спортивному инструменту, добавлением новых и новых «весов» (с последующим их расплавом в «золото» фундаментальной науки). Необыкновенность-фундаментальность научного свершения автора скомпанована, по меньшей мере, пятью «весами» его золотой «штанги». «Заявку» дает уже первый, которым я считаю поистине беспредельную широту раскрытия-развертывания исследуемой проблемы не только в масштабах всей мировой науки, но и в космоселенских масштабах естественно-исторической миссии человечества плюс то впечатляющее обстоятельство, что большинство анализируемых проблем, как становится очевидным при прочтении книги, исследуется в научной литературе впервые. То есть автор – первопроходец. Данное обстоятельство само по себе, конечно, еще недостаточно для придания книге ее уникального статуса, но оно напрочь «сцеплено» с четырьмя другими.

Второй «вес» – почти необозримый пласт изученной и скрупулезнейше точно-четко использованной литературы. Только в логико-теоретической схеме (таблице) развития научных взглядов на определение предмета теоретической экономики на стр. 66-74 поименно представлено со стопроцентной достоверностью более 400 авторов. Гигантская работа тщательнейшей вычитки, логико-теоретической сгруппированности, взаимосотнесения взглядов целой армии ученых! И по всему тексту – такая же армия мастерски отобранных (всегда строжайше по «делу») взаимоперекликающихся высказываний экономистов и философов всех времен и народов, начиная с древнекитайского мыслителя V века до н. э. Мо-Цзы, Ксенофонта и пока еще мало известного научной общественности Ибн-Хальдума (хотя, как доказывается в книге, это первый в истории науки мыслитель, выдвинувший «теорию закономерного прогрессивного развития общества от низшей фазы к высшей через развитие форм **производительной** деятельности людей», за четыре столетия до Маркса высказавшего взгляды, тесно перекликающиеся с идеями последнего, – см. с. 56-57). С восхищенным отчаянием я (кстати, постарше Урака Жолмурзаевича) думал: это сколько же жизней мне бы еще потребовалось, чтобы с таким же абсолютным тщанием-вниканием процедить-проработать то грандиозное источниковое море, которое покорно плещется на 143 страницах книжки? Мне и сейчас не очень понятно, как оно уместилось в столь скромном объеме. Впервые встречаю такой научно-литературный концентрат. Я мог бы называть и называть, перечислять громоздкие тома на многие-многие сотни страниц с куда меньшей источниково-литературной насыщенностью. Это качество текста У.Ж. Алиева, по-видимому, стоит в связи с его глубоким почитанием нас с тобой, дорогой читатель. Ибо и к нему, к читателю книги относится необыкновенное посвящение его труда: «Книга посвящается достославной политической экономии и мыслителям-политэкономам всех времен, почитающим и развивающим ее великие идеи и добрые традиции». Несомненный, хотя прямо и не провозглашенный, девиз книги: ничего зряшного-пустого, что напрасно занимало бы внимание и время читателя, величайшее уважение к первому и второму! Все только строго по делу, исключительно в русле развиваемой мысли, без лишних разглагольствований, малосодержательных фраз, слов и всяческих размытостей. И его книга – свидетельство того, как много и сколь убедительно можно сказать, когда строго выдерживается вроде бы хорошо известное, даже заветное правило: словам тесно, а мыслям – просторно. Причем весь грандиозный литературный материал последовательно-неотступно подается к единому эскалатору логики ищущей мысли в качестве ее золотой породы.

Третий «вес» все более тяжелеющей «штанги»: уникальное, объемное, многомерное, никогда и никем еще не применявшееся членение исследуемой проблемы и исчерпывающее логико-теоретическое рассмотрение-прополаскивание каждой ее составляющей. Причем в выделенных элементах тут же дотошно и логически неотвратно-неумолимо, с абсолютной убедительностью открываются субординированные субэлементы, которые вне внимательного чтения текста бессмысленно называть-перечислять. Такой расчлененности проблемы предмета науки при целостности функционирования всего образования я никогда не встречал. Углубляясь в текст, чувствуешь что-то вроде головокружения на высоте.

Четвертый «вес» «штанги»: определения предмета и метода теоретической экономики в книге предшествует выяснение, разработка в 1-й главе общей теории предмета науки как таковой, Большой науки, любой ее отрасли с такими ее основными элементами, как субъект, объект, предмет, метод, структура предмета, проблема, функция и результат (функционирования науки).

Большая наука стала в наше время главным достоянием, надеждой, двигателем человечества. И вот задумываешься: действительно, разве не пора хотя бы самим ученым вот так проанатомировать, «вывернуть наизнанку», знать свой «автомобиль», называемый наукой? В существующих теориях науки (напр., М. Вебера) проблем, выясненных У.М. Алиевым, просто нет. Сегодня человечество «едет» в науке, как единичный ученый в личном автомобиле: манипулирует управлением, не очень понимая его устройство. И приходится согласиться с логикой У.М. Алиева:

да, нам не понять предмета нашей науки без более общих знаний о всей науке и ее предмете. И в книге этому вопросу посвящено, пожалуй, основное место.

Но я не закончил со «штангой» фундаментальности. На ней пятым «весом» я бы поместил крайне, необыкновенно редкое качество: книга написана ученым с телескопическим видением научных проблем. Вот, например, автор пишет об адекватности метода исследования – предмету исследования: «Адекватность метода предмету, как мне представляется, получает выражение в степени *доказательности* отображения методом предмета теоретической экономии — системы экономических отношений; в степени *точности* отражения предмета (объекта): *гносеологической* (точности отражения предмета, исходя из соответствующих источников, форм и условий познания), *методологической* (точности отражения предмета в соответствующих принципах, подходах, методах исследования), *логической* (в точности отражения предмета в логических формах, средствах, то есть в языках формальной, диалектической, математической логики), *метрологической* (точности измерения количественных соотношений различных сторон исследуемого предмета); в степени *полноты* отображения; в степени *существенности* (эссенциальности), то есть глубины отображения предмета, и в конечном счете, в степени *выраженности* сути и целевой функции предмета – системы экономических отношений (экономической системы) в социально осязаемых результатах как верховного критерия истины» [с. 118]. Вот так. И в таком ключе написана вся книга.

Читатель, какие упущения, изъяны ты усматриваешь в вышеприведенном анализе-перечне? У тебя не закружилась голова? Чего не хватает? Не знаю, как тебе, а мне до сих пор, несмотря на шестьдесят лет работы в профессии, не удастся видеть проблемы науки в таких телескопических полноте-раскрытии. И не могу припомнить, чтобы я ранее встречался с подобным феноменом.

По итогу всех пяти «весов» «штанга» проф. У.Ж. Алиева уже, уверен, перебрала критический вес фундаментальности. Хотя я пока не поместил на нее разделы и разработки книги, прямо обсуждающие вопросы, обозначенные ее названием. И не помещу. Ибо сам автор предназначает свои ответы для размышлений, обсуждения, дискуссий. В этом одна из определяющих целей книги. А размышлять в смысле поисков истины и лучше, и продуктивнее без оглядки на перечни достижений, регалии авторов тех или иных соперничающих концепций-позиций.

Во второй и третьей главах автор с высот абстракций Большой науки спускается к родной теоретической экономии. Читателю после логических крепостей первой главы здесь сравнительно легко. Конечно, если он в соответствии с давним советом К. Маркса прокарабкался по каменистым склонам-взгорьям действительно трудной первой главы. Экономико-философские суждения о «предмете-оригинале» и «предмете-дефиниции», гносеологических и методологических корнях расширительных и ограничительных версий предмета читаются уже на едином дыхании. На этом логическом дереве выдвигается и защищается ряд совершенно четких-конкретных идей. Уже для непосредственного обсуждения, дискуссии. Назову некоторые из них.

Обосновывается, что теоретическая экономия – синтез «общей экономии», «социальной экономии» и каталлактики (экономикса), базовая общетеоретическая составляющая современной системы экономических наук. Показывается сущность и причины современного кризиса в понимании предмета политической экономии. Дается авторское объяснение складывания и господства «безбрежного моря» «единственных и самых верных» определений предмета, в итоге чего получается, что **«предметом теоретической экономии является то, о чем хочет сказать каждый специалист и неспециалист»** [с. 72-73]. Обстоятельнейше отстаивается авторская позиция, согласно которой предмет политэкономии должен определяться на основе четного разграничения «предмета-оригинала» (во множестве его определенностей) и «предмета-дефиниции» (в его единственной определенности) – с 79; без указаний на объект науки и без смешения с ним [с. 84]; без указаний на метод науки и без смешения с ним [с 87]; без указаний на

проблемы науки и смешения с ними [с. 88]; без указания на цель науки и без смешения с нею [с.89]; без указания «форм проявления и реализации» данного предмета [с.91]. Сразу замечу: конечно же, этот обширный материал, категоричность суждений и доказательств автора, несомненно, встретят возражения и станут предметом дискуссий, хотя его общий вывод («**предметом политической экономики как науки является система производственных отношений**», – с.96) шквальных возражений, полагаю, не вызовет.

Вот здесь-то я и не могу удержаться от первых своих несогласий. У У.Ж. Алиева – неприемлемое для меня понимание производственных отношений: **все** общественные отношения – производственные, и непроизводственных не может быть (с.107). На мой взгляд, в современных условиях полностью сохраняет свое значение выделение К. Марксом, В.И. Лениным из **всех** общественных отношений первичных материально-производственных (столь же необходимо-обязательных для воспроизводства человека и социума, как предметы потребления) а равно их, классиков, доказательство определяющей базисной роли этих отношений по отношению ко всем иным как надстроечным и вытекающее отсюда формационное понимание естественно-исторического процесса человечества. И тут же приходится сказать и о сопряженном моем несогласии с автором касательно соотношения-взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Здесь у Урака Жолмурзаевича также свое, особое мнение: «**Производственное отношение...** является субстанционально-сущностной формой выражения **производительной силы** человека» [с. 107]. Мне кажется, правильнее было бы сказать «общественной формой». Ибо на субстанционально-сущностном уровне производительные силы и производственные отношения не просто различны, они – противоположности. Производительные силы выражают отношение человека к природе, а производственные отношения – это отношения между людьми, выстроенные соответственно данным производительным силам.

Однако продолжу представление идей книги У.Ж. Алиева, требующих оценки и обсуждения экономической научной общественности. Это положение о двойственной природе предмета теоретической экономики – его статичности как «предмета-дефиниции» и динамичности как «предмета-оригинала» [с. 97-104]. Это весьма дискуссионное положение о «передаче» «родовых», «сущностных» отношений человека к «внешнему миру» (?) в качестве предмета исследования особой науке «*общей* или *теоретической социологии*» [с. 107]. Сразу: а не нарушим ли мы такой «передачей» целостности восприятия и изучения производственных отношений, которые всегда многоуровневы, как установил К. Маркс их рассмотрением через уровни исследования в трех томах «Капитала»? Не отрываем ли мы от них их экономических законов? Это, далее, положение о том, что производственные отношения, как бы остающиеся после указанной «передачи», – это уже материально-производственные отношения с общим названием «экономических», и они-то и становятся предметом исследования теоретической экономики [с. 109]. Производственные отношения – сущность первого порядка, родовые отношения, экономические отношения – сущность второго порядка, одна из сущностных форм их выражения. Причем экономические (материально-производственные) отношения включают в себя как однопорядковые и «биородовые (родопроизводственные)», так и «духовные (духовно-производственные)». Автор призывает не отождествлять экономических отношений с социально-экономическими, управленческо-экономическими, организационно-экономическими и с рядом других своих, как он считает, «особенных форм выражений» [с. 109]. По-видимому, и здесь не все тезисы У.Ж. Алиева встретят всеобщую поддержку. Так, с моей точки зрения все производственные отношения являются социальными и в том смысле, что все они – общественные, и в том, что все без исключения воздействуют (хотя и в разной мере) на жизненные условия человека, людей, общества. При подведении итогов своего исследования автор говорит, что структура экономической системы – девять различных «особенных» экономических отношений, в том числе «социально-экономические отношения», основное содержание которых составляют отношения *собственности*. «Эти

социально-экономические отношения» (неверно отождествляемые с «производственными отношениями») традиционно составляли предметную определенность политической экономии, а теперь (и в будущем), по моему мнению, составляют предметное «ядро» ее преемницы – *социальной экономики*» [с. 110]. (Навряд ли критики взглядов У.Ж. Алиева пропустят эти положения без внимания). Все рассмотренные положения 1 и 2 глав итожатся в развернутой логико-теоретической схеме-таблице на с. 111-114, – понятно, также не бесспорной.

Заключительная (и всего на 24 страницы) третья глава посвящена противоречивому единству предмета и метода. Здесь раскрываются не только научно-теоретические позиции автора по заявленной проблеме, но и то, насколько научным был метод реформаторов 1990-х годов экономик России и Казахстана.

Первая линия продолжает логико-теоретическое исследование первых глав, сосредоточившись на идее адекватности метода предмету исследования, давно разрабатываемой наукой. Здесь общие, хорошо известные положения дополнены авторскими соображениями о том, что реформаторы экономики должны владеть *методом теоретизации* предстоящих процессов, означая создание теоретических образов, «научной картины» реформируемого общества [с. 119], причем само проектируемое переходное общество должно рассматриваться и «на взлете», и «на излете» [с. 120]. Равно обязательно владение *методом праксиологизации*, то есть практического переложения теоретических моделей в реальные процессы. Горькое описание того, какой оказалась действительность реформ, оставляю самостоятельному прочтению читателя, который, мне представляется, присоединится к итоговой характеристике метода наших экономических преобразований как *метода сальтоционизма* (кувыркания), «причем такой его разновидности, как метод мгновенного «горизонтального переноса»..., делающий ставку на высокую скорость переноса и отрицающий наличие **переходов** между видами...» [с. 126]. Вводя все новые и новые теоретические и методологические новации, автор оговаривает, что диалектическая методология «была и остается мощнейшим когнитивным инструментарием как естественнонаучного, так и социального познания, вопрос только в глубоком освоении и умелом ее применении...» [с. 128]. Здесь весьма кратко обозначены общефилософские координаты автора в историческом аспекте: тезис – идеальное, антитеза – материальное, а грядущий синтез – иное идеальное, уже не Бог или Абсолютная идея, а человек как единственная творящая сила, создающая свой собственный мир на принципах *Самогармоничности* всего мироздания [с. 128]. Кстати, попутно У.Ж. Алиев сообщает, что материальность человеческой мысли впервые экспериментально доказана в 1950-х годах китайским исследователем Цзян Каньчженем.

Весьма глубоко и убедительно автор доказывает научность так называемой вульгарной политэкономии, возможность органического синтеза эссенциализма и феноменализма в методе, названном им реализмом. Однако приведенный им пример такого синтеза мне не представляется вполне удачным [с. 137].

И завершая этот круг проблем («а напоследок...»), я вынужден выразить свое недоумение по поводу категоризма автора в разделении предмета и метода теоретической экономики. На с. 87 и в других местах прокламируется принцип определять предмет науки без связи с ее методом. Я убежден, что предмет науки и ее метод принципиально не могут быть разрезаны на две отдельные части, положены отдельно друг от друга. Сам У.Ж. воспроизводит гегелевское определение метода как осознания формы внутреннего самодвижения содержания науки. Хороша также иллюстрация «замка» и «ключа». Как же их можно рассечь? Ведь на ключе – изгибы линий, повторяющие механизм замка. Куда ни забрось ключ, он везде повторит устройство замка. Примерно по тем же соображениям я считаю невозможным механическое отделение метода теоретической экономики от системы ее объективных законов. А теперь – итог.

Мой итог – это благодарность автору. Действительная. Настоящая. Я не помню, когда еще я

читал экономическую книгу с таким напряжением мышления и памяти. Вернее, помню, но не скажу, ибо приведу дорогого Урака Жолмурзаевича в смущение. Книга переворошила практически все мои профессиональные знания, «проверила» на прочность их внутренние связи, скрепляющую их логику и методологию нашей науки. Да, прочтя книгу, я, возможно, испытал вздох облегчения (как же! Трудно!), но закрыл последнюю страницу с сознанием того, что профессионально я значительно продвинулся, а в чем-то стал и другим человеком.

Да, коллеги, это было очень трудно, – читать и думать, думать и снова читать. Но время от времени мы обязаны карабкаться вверх по тем самым каменистым тропам.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М.В. ГИЛИЛОВА «СТИМУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ»

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. Ярославский государственный технический университет,
заведующий кафедрой экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Фомина Эльвира Георгиевна

кандидат экономических наук, доцент. Ярославский государственный технический университет,
кафедра экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: fomina.elvira@yandex.ru

В последние годы в отечественной экономической литературе появилось большое количество публикаций, посвященных проблемам формирования инновационной экономики. По степени актуальности эти работы превосходят все современные исследования, поскольку необходимость инновационной формы экономического развития России связана с проблемой сохранения суверенитета страны и обеспечения ее экономической безопасности. Поэтому, считаем, рецензируемая работа представляет интерес и актуальность. Ее содержание отражает основные положения и выводы диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, недавно успешно защищенной М.В. Гилиловым в Ярославле¹.

Перед автором рецензируемой монографии стояла сложная задача – найти новый компонент в инновационной проблематике, который требует всестороннего анализа. На наш взгляд, автору удалось справиться с поставленной задачей. Он сумел разработать теоретическую модель инновационного потенциала промышленного предприятия, включающую в себя наряду с объективными факторами экономического развития ряд субъективных факторов: информационных, организационных, управленческих. Автор проводит различие между разными формами инновационного потенциала, которые возникают в соответствии с формами инноваций (продуктовых, технических, организационных и т.д.). Такая дифференциация позволяет определить различные варианты инновационной деятельности.

В первой главе монографии рассматриваются проблемы стимулирования инновационной деятельности. Система стимулов, по мнению автора, базируется на действии рыночного механизма, поскольку сама инновационная деятельность трактуется как форма предпринимательства. Анализируя потенциальные возможности промышленного предприятия, обусловленные объемом и структурой его экономических ресурсов, автор определяет параметры инновационной активности и

¹ Гилилов М.В. Стимулирование инновационной активности предприятий [Текст] / М.В. Гилилов: монография. – Ярославль: Канцлер, 2011. – 129 с.

критерии выбора стимулов для достижения базовых целей и, прежде всего, коммерческого успеха.

Вместе с тем автор полностью отдает себе отчет в том, что в процессе использования инвестиционного потенциала возникают проблемы, которые не могут быть решены на уровне предприятия, поскольку они представляют собой различные формы экономической зависимости каждой хозяйственной единицы в едином экономическом пространстве. Часть этих проблем успешно исследована в монографии. К ним относятся: 1) зависимость инновационных предприятий от системы налогообложения и необходимости налоговых льгот для стимулирования инноваций, 2) зависимость от рыночной конъюнктуры на рынках инновационных продуктов, 3) зависимость от промышленной политики государства.

Совокупность внешних факторов, влияющих на инновационную деятельность, автор монографии рассматривает во второй главе, посвященной проблеме инновационного климата. Состояние этого климата в современной России характеризуется тенденцией к ухудшению в связи с деградацией российской промышленности, науки и образования.

В последней, третьей, главе монографии автор предлагает вариант совершенствования мотивационного механизма инновационной активности. Он справедливо, на наш взгляд, считает, что промышленная политика государства должна быть ориентирована на всестороннюю поддержку инновационного развития экономики. Эта цель может быть достигнута только при условии, если в инновационный сектор промышленности будут направлены потоки ресурсов (материальных, финансовых, трудовых, информационных) и будет обеспечено современное научное обслуживание и развитие инновационной инфраструктуры.

В рецензируемой монографии имеются, по нашему мнению, и недостатки. Прежде всего, назовем следующие из них:

1. Автор, судя по материалам выполненной работы, не признает приоритета технических инноваций, обеспечивающих переход к новому технологическому укладу и новой ступени развития производительных сил. Мы бы согласились с такой позицией в том случае, если бы автор разделил нашу позицию (Академии философии хозяйства и научной школы кафедры экономической теории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», считающих, что об инновациях надо вести речь лишь в смысле социальных инноваций, которые, повышая человеческий потенциал, обеспечивают и общее инновационное развитие, в том числе техническое), однако у автора, к сожалению, тут другие резоны. А ведь необходимо заметить, что инновационный потенциал, ориентированный на производство новых видов продукции, приводит к созданию новых ниш и диверсифицирует рыночное предложение, но не революционизирует техносферу. Инновационная экономика возможна только на путях совершенствования технологического оборудования и, соответственно, повышения производительности общественного труда.

2. В монографии отсутствует положение о том, что главным препятствием для появления экономики инновационного типа является катастрофически низкий платежеспособный спрос, который способен лишь поддерживать инерционную экономику.

3. В авторской концепции нет обоснования конечной цели перехода к инновационной экономике – создания независимой экономики, подчиненной национальным интересам России.

4. Автор монографии игнорирует возможность использования уникального советского опыта организации инновационной деятельности, в результате которой возникла промышленная супердержава, входившая в число мировых лидеров научно-технического прогресса.

В заключение следует отметить, что, несмотря на указанные недостатки, концепция автора 212 монографии представляет собой существенный вклад в теорию инновационного развития и может служить теоретическим базисом для новых исследований по этой актуальной проблематике.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Н.В. КЛОЧКОВОЙ, А.А. НИКОЛЬСКОЙ «ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ»

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. Ярославский государственный технический университет,
заведующий кафедрой экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Бондырева Ирина Борисовна

кандидат экономических наук, доцент. Ярославский государственный технический университет,
кафедра «Экономика и управление»
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: info@ystu.ru

Современная ситуация в экономике требует увеличения вклада вузов в технологическую модернизацию реального сектора через развитие их научно-исследовательской и инновационной деятельности. Вуз становится многофункциональной организацией, а в ряде исследований инновационная деятельность обозначена как его третья миссия (после образовательной и научно-исследовательской). Для вуза становится очевидной необходимость обладать способностью эффективного использования интеллектуального потенциала своего творческого коллектива через участие в экспериментально-производственных процессах, направленных на создание новаций, обеспечение их трансфера, полезности и экономической результативности. Авторский коллектив кафедры менеджмента и маркетинга ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина» высказывает свою точку зрения на эти вопросы в рецензируемой нами монографической работе¹.

Принимая во внимание особенности функционирования вузов, в монографии выделяются пять видов деятельности вузов: образовательная, научно-исследовательская, административно-хозяйственная, информационно-коммуникативная и профессионально-коммуникативная. Причем инновационная деятельность в «данной системе не выделяется обособленно, а охватывает каждый из возможных видов деятельности вуза» [с. 44]. Одновременно отмечается тот факт, что при старых управленческих структурах и методах, сохранившихся во многих российских вузах, достаточно сложно решать вопросы по внедрению результатов научно-исследовательской деятельности и развитию взаимовыгодного сотрудничества вузов с предприятиями в сфере НИОКР. Поэтому предлагается создание дополнительной структуры в вузе – группы управления инновационным

¹ Клочкова Н.В. Инновационная активность высших учебных заведений [Текст] / Н.В. Клочкова, А.А. Никольская: монография. – Иваново: Научная мысль, 2012. – 154 с.

развитием – в рамках научно-исследовательского сектора вуза [с. 103]. Но в таком случае, следуя логике авторов, нужно создавать дополнительные группы активизации инновационной активности по каждому из оставшихся четырех видов деятельности. Безусловно, такие изменения численности административного персонала не являются очевидными особенно в условиях предстоящего в 2012/2013 учебном году перехода на подушевое финансирование государственных вузов.

В рассматриваемой монографии предложен комплексный подход к определению конкурентоспособности вуза с учетом параметра инновационной активности. При этом под инновационной активностью понимается «комплексный показатель, характеризующий степень формирования и использования инновационного потенциала вуза, а также его способность привлекать совокупность различных ресурсов инновационной инфраструктуры для достижения конкурентоспособного положения в рамках инновационной среды» [с. 52].

Сейчас весьма популярны многочисленные рейтинговые оценки, позволяющие определить положение вуза на рынке образовательных услуг. Это официальные рейтинги Министерства образования и науки, рейтинги общественных организаций и независимых центров маркетинговых исследований, а также международные и мировые рейтинги, размещенные в Интернете. Многие вузы на основе этих рейтингов изучают и учитывают достижения конкурентов, определяют наиболее проблемные направления, по которым необходимо проводить корректирующую работу.

Большинство известных авторов предлагают формулу оценки конкурентоспособности вуза в виде линейной зависимости от объективных показателей (научный потенциал; численность студентов, обучающихся за счет бюджетных и внебюджетных средств; общий объем бюджетных и внебюджетных средств; имущественный потенциал и др.). При этом показатель конкурентоспособности зависит также и от субъективных факторов, так как коэффициенты весомости укрупненных показателей определяются экспертами.

В целом соглашаясь с подходом авторов в оценке рейтинга вузов и включением в нее новой составляющей (инновационной активности), не можем принять их установку, что рейтинг вузов определяется четырьмя группами критериев (образование, имидж, международное развитие, социальная деятельность), в состав которых не входят показатели научного потенциала. При этом для определения показателя инновационной активности сформирована система индикаторов, охватывающая ресурсные блоки потенциала вуза (кадровый, научный, финансовый и результатный) [с. 76-77].

По мнению авторов, использование данной методики позволяет исключить субъективный фактор оценки, что положительно отличает разработку от существующих методик, применяющих метод экспертных оценок. Однако для оценки критерия «Имидж» предлагается очень ограниченное число показателей: конкурс на место в вузе и проходной балл при поступлении. В работе не учтен опыт оценки вузов независимыми рейтинговыми агентствами, которые ранжируют вузы по карьерному росту их выпускников (изменение квалификации, должностей и вознаграждения) или используют опросы работодателей, стараясь определить, из каких вузов специалистов они ценят и в значительной степени довольны их работой.

Для проведения подобных исследований необходима тщательная подготовка опросных листов (анкет), формирование экспертной группы, изучение и правильное использование методов математической статистики. При применении экспертных методов обязательно должны проводиться тестирование, самооценка экспертов и проверка согласованности их мнений. Имидж вуза характеризует спрос на специальности вуза, а также уровень соответствия знаний выпускников требованиям работодателей. Определить этот показатель без изучения мнения экспертов, с нашей точки зрения, невозможно.

Разработанные методические положения по определению инновационной активности и конкурентоспособности были апробированы для крупнейших технических вузов Ивановской области: Ивановского государственного энергетического университета и Ивановского государственного химико-технологического университета. Расчет комплексного показателя инновационной активности за 2009 и 2010 год показал, что первый из них занимает лидирующее положение по использованию имеющихся ресурсов, второму, несмотря на превосходство по ряду показателей, рекомендуется более эффективно использовать кадровый и научный потенциал.

Анализ достижений конкурентов показал, что Ивановский государственный энергетический университет, несмотря на незначительное отставание по конкурентным преимуществам в сфере образования, социальной деятельности, международному развитию и имиджу, по возможности максимально использует свой инновационный потенциал и достигает более высоких результатов. Таким образом, выявление реальных конкурентов вуза, формирование системы показателей для оценки конкурентоспособности, расчет итогового показателя конкурентоспособности, позволяющего проранжировать вузы, позволило определить наиболее проблемные направления, которым следует уделить первоочередное внимание руководителям вузов и их подразделений.

Положительным моментом рецензируемой монографии является то, что в ней используется доказавший свою состоятельность инструмент стратегического менеджмента – управление на основе теории заинтересованных сторон (теории «стейкхолдеров»). На с. 116 указывается, что «вуз является ярким примером стейкхолдер-организации, поскольку можно выделить как минимум шесть заинтересованных сторон, одинаково важных для него в том смысле, что отношения с каждой группой критичны с точки зрения существования в долгосрочной перспективе». Однако, модель согласования интересов заинтересованных сторон вуза (сотрудники, потребители, государственные органы, общество, бизнес, предприятие), представленная на с. 119, не получила адекватного анализа в тексте. С нашей точки зрения, в число заинтересованных сторон должно быть включено домохозяйство, так как именно здесь закладывается креативный потенциал личности, осуществляется целенаправленная деятельность семьи по развитию индивида в соответствии с его способностями. Кроме того, в модели не очень понятно количество связей между ее элементами. Например, возможность участвовать в научных разработках и их результаты в обязательном порядке должны быть доступны и потребителям (студентам), поскольку задача университета при формировании компетенций современного выпускника (бакалавра, а особенно – магистра) состоит в передаче самых современных знаний, в том числе полученных в ходе научно-исследовательской работы преподавателей и сотрудников.

Авторы рецензируемой монографии подчеркивают, что инновационная активность выступает одним из ключевых факторов конкурентоспособности вуза, что отчасти верно, и предлагают свою методику определения показателя конкурентоспособности, отличающуюся учетом совокупности ее критериев и показателя инновационной активности. При этом выстраивание рейтинга конкурентоспособности вузов позволит в дальнейшем «различным заинтересованным сторонам принимать соответствующие эффективные решения: руководству – относительно направлений своей деятельности и дальнейшего развития, будущим потребителям – о выборе учебного заведения, партнерам – о характере и продолжении совместного сотрудничества и т. д.» [с. 121]. Кроме того, определение рейтинга может иметь конкретную целевую направленность, например, для дополнительного финансирования.

Рецензируемая книга «Инновационная активность высших учебных заведений» выполнена, по нашему мнению, на актуальную тему, сформулированные в ней положения, выводы и рекомендации достаточно обоснованы. Ее с полным основанием можно рассматривать как одну из успешных научных работ, посвященных теоретическим и методическим вопросам оценки инновационной активности вузов, определению их конкурентоспособности на рынке

образовательных услуг, что имеет существенное значение для развития теории инновационного менеджмента и экономической теории образования.

Основные положения монографии, связанные с определением принципов и факторов оценки инновационной активности, с разработкой системы сбалансированных показателей деятельности вуза докладывались, обсуждались и получили одобрение научной общественности на всероссийских и международных научно-практических конференциях. В мае 2012 года на заседании диссертационного совета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова состоялась успешная защита кандидатской диссертации А.А. Никольской на тему «Инновационная активность высших учебных заведений: оценка и использование при определении конкурентоспособности». Диссертация, содержащая новые научные результаты, была выполнена под руководством доктора экономических наук, профессора кафедры менеджмента и маркетинга Ивановского государственного энергетического университета Наталии Владимировны Ключковой, обширная сфера интересов которой включает исследования теоретических и методических вопросов оценки инновационной деятельности вузов, а также путей повышения их конкурентоспособности.

Данная монография очень востребована в период реализации Стратегии инновационного развития России на период до 2020 года, утвержденной Правительством Российской Федерации, а также Концепции развития научно-исследовательской и инновационной деятельности в учреждениях высшего профессионального образования Российской Федерации на период до 2015 года, разработанной Министерством образования и науки. Она представляет большой интерес для научных, образовательных и управленческих кругов, а также преподавателей, аспирантов, магистрантов экономических и педагогических направлений и специальностей.